ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2018 № 4

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (47)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Тема номера: Социальная политика в регионах России: процессы и тренды развития

От редактора рубрики **5**

Адиев А.З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе **7**

Роговая А.В. Нормотворческая практика муниципалитетов: фактор профессионализма субъекта **17**

Бреславский А.С. Пригороды крупных городов в региональной социальной политике **26**

Круглый стол

Гончарова С.В., Купряшкин И.В., Лебедева Е.В., Майорова-Щеглова С.Н., Машкина И.В., Осмачко Н.В., Панфилова А.О., Савинская О.Б., Судьин С.А., Сивак Е.В., Толвайшис Л., Филипова А.Г. Российская география детства: быть или не быть? **34**

Теория и методология регионоведческих исследований

Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О. М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект **43**

Историческое регионоведение

Барбенко Я.А. Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1860–1869 гг. Часть 2 ..... **55**

Князькина Т.А. Строительство медицинских учреждений на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е годы (на примере Камчатской области) **64**

Экономика и природопользование

Латкин А.П., Пяо Ихуа. Особенности управления рисками совместного предпринимательства в освоении земельных ресурсов российского Приморья **70**

Хакназаров С.Х. Территория традиционного природопользования в разрезе социологических исследований **78**

Политические отношения и управление регионом

Киреев А.А. Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы **85**

Владивосток
2018

Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь Сюэжуй. Первый опыт применения режимов ТОР и СПВ в России и экспериментальных ЗСТ в Китае **96**

Алексеенко А.П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР **109**

Культурные и идеологические факторы регионализации

Казакова А.Ю. Образ дома в массовой кинопродукции: оценки, классификаторы, модели **118**

Орешкина Т.А., Коняшкин В.А. Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации **133**

Мировая система и международные регионы

Золотухин И.Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы **145**

Цинь Дун, Лукин А.Л. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток **158**

Научная жизнь

50 лет по пути научных исследований **168**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Я.А. Барбенко, В.А. Бурлаков, А.В. Винокурова, С.М. Дударенок, Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский, К.В. Григоричев, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, В.Н. Караман, А.А. Киреев, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, М.М. Лебедева, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, Н.П. Рыжова, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 4 (47)

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

The Theme: Social Policy in the Regions of Russia: Processes and Development Trends

From the editor of the heading 5

Adiev A.Z. Ethnic power-sharing as a factor of socio-political stability in the North Caucasus 7

Rogovaya A.V. Normative practice of municipalities: factor of professionalism of the subject 17

Breslavsky A.S. Russian Suburbs and regional social policy 26

Round Table

Goncharova S.V., Kupryashkin I.V., Lebedeva E.V., Majorova-SHHeglova S.N., Mashkina I.V., Osmachko N.V., Panfilova A.O., Savinskaya O.B., Sud'in S.A., Sivak E.V., Tolvajshis L., Filipova A.G. Children's geographies in Russia: to be or not to be? 34

Theory and Methodology of Regional Studies

Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration in Russia's economic space: methodological aspects 43

Historical Regional Studies

Barbenko Ya.A. Explorations in the south of the Russian Far East in second half XIX – early XX centuries as agricultural colonization management background: 1860 to 1869 practice. Part 2 55

Knyaz'kina T.A. The construction of health facilities in the Far East of the USSR in the 1920–1930s (on the example of Kamchatka region) 64

Economy and Nature

Latkin A.P., Pyao Ikhua. Peculiarities of risk management of joint entrepreneurship in the development of land resources of the Russian Primorye 70

Khaknazarov S.Kh. The territory of traditional environmental management in a section of sociological researches 78

Political Relations and Management of the Region

Kireev A.A. The system of development institutions in the FEFD: concepts, implementation, and prospects 85

Sevastianov S.V., Reutov D.A., Nian Xuezhui. First experience in implementing TAD and SPV regimes in Russia and experimental FTZs in China 96

Vladivostok
2018

Alekseenko A.P. Regulation of the civil service in the PRC **109**

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Kazakova A.Yu. Image of the House in a mass film production: estimates, classifiers and models **118**

Oreshkina T.A., Konyashkin V.A. Ecological consciousness and ecological discourses of civilization **133**

World System and International Regions

Zolotukhin I.N., Tszya Su Yan. Nuclear energy development in Southeast Asia: history, trends, prospects ... **145**

Tsin Dun, Lukin A.L. The prospects for Russia-China collaboration in the Arctic and the Russian Far East **158**

Scientific Life

50 years on the way of scientific research **168**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V.A. Burlakov, A.V. Vinokurova, S.M. Dudaryonok, G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, K.V. Grigorichev, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, V.N. Karaman, A.A. Kireev, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M.M. Lebedeva, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, N.P. Ryzhova, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: http://www. ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.
Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.
Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

На сегодняшний день одной из основных характеристик российского социума является социальная трансформация, под которой подразумеваются динамичные, интенсивные и радикальные изменения во всех сферах человеческой жизнедеятельности. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в России трансформационные процессы имеют ряд специфических особенностей. Продолжается падение жизненного уровня населения, сохраняются негативные изменения в состоянии социальной инфраструктуры для значительной части россиян ограничен доступ к качественной, медицинской помощи, образовательным услугам и т.п.

Все наблюдаемые трансформации непосредственно включены в региональный контекст. Собственно говоря, речь идёт о специфичной регионализации негативных социальных процессов, которые, сочетаясь с экономическими, политическими, этнокультурными характеристиками, приобретают своеобразие и региональный колорит.

Для определения перспектив и основных трендов регионального развития немаловажным является учёт и анализ социальной политики. В настоящее время субъекты РФ, разрабатывающие концепции и программы социально-экономического развития, осуществляют полномочия по решению социальных вопросов в основном за счёт своих бюджетов. В связи с этим на первый план выдвигается проблема чёткого разделения сфер реализации социальной политики между федеральным центром и региональными субъектами. Отношения типа "центр – регион", "регион – регион", внутрирегиональные и межмуниципальные отношения сложны и противоречивы. В них переплетаются разноуровневые процессы, сталкиваются противоречивые интересы, изучение которых требует разработки и применения новых подходов и методов.

Авторы данной тематической рубрики акцентировали внимание на том, что региональная социальная политика встроена в этнический контекст, во многом зависит от эффективности нормотворческой практики на местах, включает вопросы повышения уровня и качества жизни населения, развития отраслей социальной инфраструктуры (в том числе и в пригородных территориях) и т.п. Именно эти вопросы стали центральными и объединили исследователей Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН (Махачкала), Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Удан-Удэ). В представленных в рубрике статьях авторами используется разнообразный научный инструментарий. Анализ конкретных фактов, источников, различной статистической информации, полевых материалов, результатов количественных и качественных социологических исследований с использованием методов анкетирования и экспертного опроса позволил комплексно подойти к рассматриваемым проблемам, подтвердить теоретические выводы эмпирическими данными.

Открывает рубрику статья А.З. Адиева, в которой рассматриваются региональные политические практики учёта этничности при распределении властных позиций в полиэтничных республиках Северного Кавказа. Автор отмечает противоречивую роль системы политического представительства этнических групп в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, которая, с одной стороны, содействует обеспечению этнополитической стабильности в регионе, а с другой – способствует политизации этничности, что препятствует общероссийским интеграционным процессам как в политическом, так и в социокультурном значении. Сделан вывод о том, что важно обеспечить нормальное функционирование и развитие основных общественных институтов. Это важнейшая задача государственной социальной политики на местах и в регионах. Без этого условия меры, направленные государством на поддержание уровня жизни и доходов населения, развитие системы образо-

вания, здравоохранения и усилия в других областях социальной политики, могут обернуться усилением позиций лишь отдельных социальных групп в ущерб положению других.

К этому можно добавить, что недостаточное исследование особенностей развития законодательства в сфере социальной политики, в том числе и муниципального уровня, приводит к необходимости более детального изучения нормативного правотворчества муниципальных образований. Данные вопросы анализирует в своей статье А.В. Роговая. В работе рассматриваются вопросы современного состояния муниципального нормотворчества в Российской Федерации. Социологическое исследование в области муниципального правотворчества в виде экспертного опроса позволило провести анализ нормотворческой деятельности в муниципалитетах, оценку юридической практики муниципальных служащих, увидеть основные проблемы при подготовке муниципальных нормативных правовых актов. Важно свести к минимуму возможность субъективного подхода со стороны представителей муниципальных органов власти к процессу правотворчества. Решение этого сложного и весьма актуального вопроса необходимо для обеспечения требуемого качества муниципальных нормативных правовых актов и эффективности правового регулирования.

Завершает рубрику статья А.С. Бреславского, в фокусе внимания которой находится социальная политика и территориальное развитие пригородных поселений республиканских столиц Южной Сибири: Абакана, Горно-Алтайска, Кызыла и Улан-Удэ. В результате массовых сельско-городских миграций, без необходимого инженерно-бытового и социального обеспечения, эти поселения столкнулись с множественными проблемами, которые местным органам власти предстоит решать в рамках сбалансированной региональной социальной политики. Обращается внимание на слабую вовлеченность региональных экспертов в исследование и проработку социально-политических вопросов применительно к развитию пригородных территорий. По мнению автора статьи, изучение пригородного роста и проблем, которые он вызывает, не имеет комплексного и последовательного характера. Но во многом от исследователей в регионах зависит, получат ли проблемы организации социальной политики в пригородах экспертное освещение, получив шанс на ускоренное решение.

В целом, представленные в тематической рубрике статьи, не исчерпывая всей социально-политической проблематики в развитии российских регионов, позволяют расширить наши представления о доминирующих региональных трендах в сфере социальной политики.

А.В. Винокурова

УДК 323.1 *Адиев А.З.*

Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе

Введение. В условиях, когда абсолютное большинство субъектов Российской Федерации являются полиэтничными по составу населения, кажется, что не стоит выделять Северо-Кавказские республики, придавая особое значение их региональной модели политической организации жизни, учитывающей этническое многообразие административных территорий. В стратегическом плане политико-правовые институты в России направлены на укрепление гражданской общности, предполагающей деполитизацию этнической идентичности граждан, значение которой переносится главным образом в плоскость культуры **[10]**. Выведение этничности из сферы политики, по замыслам федеральных законодателей, исключает возникновение политических проектов, обозначающих этнические группы в качестве субъектов или акторов политики, способствуя тем самым снижению рисков этнополитического сепаратизма. Действительно, в большинстве регионов РФ этничность граждан не влияет на их политическое поведение, но в некоторых республиках в составе РФ этничность всё ещё имеет значение в политической жизни региона. Вслед за Ф. Бартом, термин "этническая группа" используется нами для обозначения народонаселения, которое в значительной степени биологически самовоспроизводимо; разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм **[11, с. 11]**. Этническая группа характеризуемая тем, что принадлежность к группе, идентифицируемой как теми, кто в неё входит, так и теми, кто в неё не входит, конституирует категорию, отличную от других категорий того же порядка. "Этничностью" называется социально-групповая форма отождествления, заключающаяся в соотнесении индивидом себя с какой-либо этнической группой, к которой он сам себя причисляет **[1, с. 355]**.

В республиках Северного Кавказа, где проживают несколько титульных (т.е. чьи этнонимы отражены в названиях республик) и автохтонных (исконно проживающих на территории республик) этнических групп, с самого начала их постсоветского развития встал вопрос о выработке институциональных механизмов согласования интересов разных сообществ в системе региональной политики и управления **[5]**. Традиция восприятия этнических групп в качестве субъектов политических отношений на Северном Кавказе восходит к советской национальной политике, в том числе к политике "коренизации" – продвижения представителей автохтонных этносов на руководящие должности. Данная традиция базируется на примордиалистском подходе к пониманию этничности и группизме, под которым Р. Брубейкер понимает тенденцию рассматривать ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни **[2, с. 23]**.

Исследователи политических режимов в различных странах мира, где учитывается этнический фактор при распределении властных позиций, объясняют институционализацию этнокультурных различий необходимостью сохранения политической стабильности и целостности полиэтничного государства **[*см.:* 12, 13]**. Игнорирование интересов различных этнических групп при распределении властных позиций грозило Дагестану, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии фрагментацией их территорий по этно-федеративному принципу. В целях предотвращения сепаратизма и этнополитического раско-

© *Адиев А.З., 2018*

АДИЕВ Асланбек Залимханович, канд. полит. наук, ученый секретарь Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН *(г. Махачкала).* **E-mail:** Khalid_84@mail.ru

ла общественные силы и власть в этих республиках выработали особые региональные системы учёта этничности в политике. Эти региональные системы, в своё время позволившие сохранить целостность северокавказских республик, подвергаются в последние годы, по оценкам исследователей, весьма существенной эрозии **[9, с. 23]**. При этом факторы, которые в ранние постсоветские годы сделали востребованной систему неформального этнического "квотирования", тоже постепенно размываются. В данной работе ставится цель описать современное состояние этих региональных систем учёта этничности в политике, чтобы понять перспективы политического развития северокавказских многонациональных обществ. С целью анализа региональных практик учёта этничности при распределении властных позиций нами проанализированы конституции республик, этнический состав текущих созывов региональных парламентов, осуществлён мониторинг публикаций в СМИ и изучена научная литература по тематике исследования.

Дагестан. Самый сложный пример неформальной институционализации распределения властных позиций по этническому принципу демонстрирует Республика Дагестан (РД), где начиная с 1990-х гг. обеспечивалось представительство в органах государственной власти республики четырнадцати этнических групп, проживающих в регионе и обладающих письменностью. Это аварцы, агульцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, русские, рутульцы, табасаранцы, таты, цахуры и чеченцы. Самые крупные по численности этнические группы в Дагестане – это аварцы (29% от населения республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.), даргинцы (16%) и кумыки (14%) **[4]**. Они и представлены больше остальных в органах государственной власти республики. Политическое представительство указанных этнических групп Дагестана было гарантировано Конституцией РД, принятой в 1994 г., и местными законами о выборах. До 2006 г. высшим органом государственной власти в республике являлся коллегиальный Государственный Совет РД, куда входили по одному представителю от всех перечисленных четырнадцати этнических групп, проживающих в республике. Государственный Совет избирался Конституционным собранием, а члены Госсовета избирали из своего круга председателя высшего органа власти. Кроме того, каждый член Госсовета обладал правом вето на любые политические решения, касающиеся жизненных интересов своей этнической группы. Государственный Совет как коллективный глава республики, по мнению дагестанских политологов, был сформирован в качестве наиболее подходящего института, способного обеспечить успешный переход к политической демократии, и как инструмент включения во властную систему представителей основных этносов Дагестана **[7, с. 64]**.

Представительство этнических групп обеспечивалось и в Народном Собрании (парламенте) РД через особую систему выборов – национально-территориальные округа. Кроме того практиковалось резервирование мест в парламенте за представителями малых по численности этносов, пока Москва не принялась за работу по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, с целью унификации правового поля внутри страны. Начиная с 2003 г., дагестанские власти были вынуждены исключить из республиканской Конституции и законов о выборах положения, гарантировавшие представительство автохтонных этносов в органах государственной власти, но на практике соблюдение принципа пропорционального представительства этнических групп в парламенте республики продолжается через использование неформальных механизмов.

Известно, что практика учёта этничности в политике поддерживает тенденцию к укреплению этнополитической идентичности и мобилизации групп этнических меньшинств **[14]**. Работая долгие годы как один из ключевых факторов сохранения общественно-политической стабильности в полиэтничном Дагестане, принцип обеспечения политического представительства этнических групп мешает укреплению общероссийской гражданской идентичности жителей региона, закладывая в политическое поведение людей этнические смыслы и мотивы.

В управленческом и экспертном мнении относительно современного политического устройства республики доминирует суждение, что после назначения Владимира Васильева руководителем Дагестана в октябре 2017 г. в

республике начался демонтаж системы неформального этнического "квотирования". Сам В. Васильев публично заявил, что не будет учитывать этничность при подборе кадров **[3]**. По крайней мере, традиция распределения трёх ключевых позиций в политическом руководстве республики (главы субъекта, председателя регионального правительства и спикера парламента) между представителями трёх самых крупных этнических групп республики (аварцами, даргинцами и кумыками) уже нарушена. Кроме того в официальных биографических справках о министрах и руководителях иных органов исполнительной власти РД, опубликованных на официальном сайте Правительства РД, уже отсутствуют сведения об этничности чиновников, которые раньше публиковались. Это, скорее всего, сделано для того, чтобы не акцентировать внимание общественности на этнической принадлежности тех или иных региональных управленцев, подбор и расстановка которых отныне осуществляется (так, по крайней мере, декларируется) исключительно по деловым и личностным качествам.

Вместе с тем, нельзя сказать, что этнический фактор абсолютно не учитывается в кадровой политике Владимира Васильева, направленной на обновление регионального правительства. Среди членов дагестанского правительства, сформированного после утверждения в должности В. Васильева, есть представители многих этнических групп Дагестана: аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, русских, табасаранцев. В Народном Собрании РД принцип политического представительства этнических групп продолжает работать, обеспечивая присутствие среди парламентариев представителей даже малых по численности дагестанских этносов *(см. табл. 1)*.

Таблица 1. Этническое представительство в Народном Собрании Республики Дагестан VI созыва (2016–2020 гг.)

№	Этнические группы	Количество депутатов в НС РД VI созыва	% к общему числу депутатов
	Всего депутатов НС РД	90	100%
1.	Аварцы	29	32,2%
2.	Агульцы	1	1,1%
3.	Азербайджанцы	3	3,3%
4.	Даргинцы	11	12,2%
5.	Кумыки	14	15,5%
6.	Лакцы	5	5,6%
7.	Лезгины	12	13,3%
8.	Ногайцы	2	2,2%
9.	Табасаранцы	5	5,6%
10.	Таты	1	1,1%
11.	Русские	3	3,3%
12.	Рутульцы	1	1,1%
13.	Цахуры	1	1,1%
14.	Чеченцы-аккинцы	2	2,2%

Источник: Таблица сформирована с использованием данных, опубликованных на официальном сайте Народного Собрания Республики Дагестан (http://nsrd.ru) и экспертных оценок об этническом составе депутатского корпуса текущего созыва.

Зачастую, это представительство представляется символическим, но даже оно позволяет нивелировать протестную этнополитическую риторику, создавая эффект сопричастности всех дагестанских этнических групп к политическому управлению регионом. Таким образом, ценность региональной практики неформального учёта этничности видится нам, прежде всего, в содействии формированию общегражданской идентичности через сопричастность всех этнических групп Дагестана к институтам государственной власти. Данная неформальная практика в Дагестане начинает сужаться и выдавливаться формальными институтами, которые не обязывают региональные власти учитывать этнический фактор в политике.

Кабардино-Балкария. Этнический фактор в формировании органов власти в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) учитывается путём неформальной институционализации, когда более или менее устойчивые практики возникают как следствие неких договорённостей, которым следуют политические акторы, хотя нормативно-правовое регулирование распределения власти между этническими сегментами отсутствует. Эти договорённости возникли в результате сложного постперестроечного политического процесса в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда от имени своих этнических групп активистами национальных движений начали декларироваться требования и лозунги о политическом самоопределении этносов. Так, в 1991-1992 гг. противостояние между мобилизованными балкарцами и кабардинцами привело автономную республику на грань распада.

В этническом составе населения КБР по результатам переписи 2010 г. выделяются три группы: кабардинцы (57,2% от всего населения республики), русские (22,5%) и балкарцы (12,7%) **[4]**. На их долю приходится 92,4% населения КБР. Неформальная система этнического квотирования в КБР охватывает, прежде всего, три высшие должностные позиции (Глава КБР, Председатель Правительства КБР, Председатель Парламента КБР) в органах государственной власти республики. Соответственно главой КБР неизменно становится кабардинец, спикером парламента – либо русский, либо балкарец. А в зависимости от того, кто стал спикером парламента, назначается председатель правительства от непредставленной в первых двух позициях третьей этнической группы. Также система распространяется, но уже не в столь явном виде, на состав правительства.

Депутатский корпус регионального парламента хоть и формируется на выборной основе, но через определённые механизмы (партийные списки и неформальные договорённости) система представительства этнических групп там тоже соблюдается *(см. табл. 2)*. В целом, представительство перечисленных этнических групп в региональном правительстве и парламенте коррелируется с этническим составом населения республики, и эта практика воспроизводится достаточно устойчиво.

Таблица 2. Этническое представительство в Парламенте Кабардино-Балкарской Республики V созыва (2014–2019 гг.)

Этнические группы	Всего депутатов в Парламенте КБР V созыва	% к общему числу депутатов
Всего депутатов	70	100%
1. Кабардинцы	37	52,9%
2. Балкарцы	15	21,4%
3. Русские	17	24,3%
4. Представители иных национальностей	1	1,4%

Источник: Таблица сформирована с использованием данных, опубликованных на официальном сайте Парламента Кабардино-Балкарской Республики (http://parlament.kbr.ru) и экспертных оценок об этническом составе депутатского корпуса текущего созыва.

Функционирование данной системы находится на контроле общественности, особенно этнически ориентированных общественных организаций и их активистов, которые внимательно следят за кадровыми перестановками и бьют тревогу, когда нарушается сложившийся на текущий момент баланс. При этом влияние общественных организаций этнического толка на политические назначения в КБР представляется незначительным, хотя исследователи отмечают высокую активность в этом вопросе общественных организаций, выступающих от имени балкарского народа.

Кадровая политика нынешнего руководства КБР продолжает учитывать фактор этничности, но уже не так очевидно и системно, как это соблюдалось в девяностые годы двадцатого века. В целом, как и в других полиэтничных республиках Северного Кавказа, неформально существующую практику учёта этничности при распределении властных позиций в КБР можно рассматривать как один из факторов сохранения этнополитической стабильности и единства республики. КБР представляется регионом, где вопрос учёта этничности при распределении властных позиций волнует, прежде всего, балкарскую общественность, что обусловлено их малой численностью по сравнению с кабардинцами. Важным аспектом здесь выступает именно соблюдение пропорционального представительства основных этносов во властных структурах КБР, что нивелирует протестно-мобилизационный потенциал этнических активистов по данному вопросу. Разумеется, балкарская общественность не будет удовлетворена в полной мере существующими неформальными правилами распределения властных позиций, основанными на численном соотношении титульных этносов, а не на паритетном распределении должностей. Однако отказ от существующей практики пропорционального принципа политического представительства этнических групп неизбежно приведёт к ещё меньшему присутствию балкарцев в органах государственной власти КБР, поскольку политическое поведение на Северном Кавказе всё ещё в определённой мере определяется фактором этнической принадлежности, т.е. тем, что А. Лейпхарт называл "первобытной" преданностью **[8, с. 51]**.

Карачаево-Черкесия. В Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) "субъектообразующими" считаются пять этнических групп: карачаевцы (40,9% от населения республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.), русские (31,6%), черкесы (11,9%), абазины (7,7%) и ногайцы (3,3%) [4]. За последние годы наблюдается тенденция уменьшения доли русских и увеличения доли остальных этнических групп в составе населения республики. Соответственно, возрастает число представителей карачаевского и черкесского этносов в политическом руководстве республики.

Таблица 3. Этническое представительство в Народном Собрании Карачаево-Черкесской Республики V созыва

Этнические группы	Всего депутатов в НС КЧР V созыва	% к общему числу депутатов
Всего депутатов	50	100%
1. Карачаевцы	22	44%
2. Русские	16	32%
3. Черкесы	7	14,5%
4. Абазины	2	4%
5. Ногайцы	2	4%
6. Представители иных национальностей	1	2%

Источник: Таблица сформирована с использованием данных, опубликованных на официальном сайте Народного Собрания Карачаево-Черкесской Республики (http://parlament09.ru) и экспертных оценок об этническом составе депутатского корпуса текущего созыва.

Проблемы подбора и расстановки кадров, представительство этнических групп в органах власти были центральными в деятельности общественных организаций этнической направленности с начала постсоветского развития КЧР. Этот вопрос связывался этническими лидерами с вопросами доступа к ресурсам, повышением политического статуса этнических групп, сохранением их культуры, возможностью решения экономических демографических, образовательных, и других проблем своих групп. С момента преобразования Карачаево-Черкесской автономной области в республику (1992 г.) вопросы этнического представительства во власти являются для народов КЧР первоочередными и сохраняют свою актуальность. При этом подходы этносов различаются в зависимости от их численности. Малочисленные абазины, ногайцы, черкесы всегда выступали за паритетный, а не пропорциональный принцип политического представительства этнических групп, а также за постоянную сменяемость (ротацию) высшего должностного лица по этническому принципу. Т.е. один срок главой КЧР работает представитель одной этничности, потом – другой, третьей и т.д. Карачаевцы, на момент распада СССР вторые по численности – выступали за пропорциональное политическое представительство этнических групп. Представители русскоязычного населения, на тот момент самого многочисленного в республике, также требовали соблюдения пропорционального, а не паритетного принципа при политических назначениях. Но этнодемографические и миграционные процессы последних лет привели к существенному сокращению численности русского населения КЧР, и теперь общественные организации, выражающие интересы этой группы населения республики, обеспокоены нарушением в отношении русских прежних пропорций политического представительства.

Проблема этнического представительства во власти остаётся актуальной и в настоящее время, что связано с высоким уровнем политизированности этнической идентичности в регионе. В соответствии с конституционно закреплённым "субъектообразующим" статусом пяти перечисленных этнических групп именно эти группы включены в систему неформального этнического "квотирования" в региональных органах власти. В условиях постоянной борьбы за власть среди влиятельных кланов республики (которые, прикрываясь этническими лозунгами, решают свои узкогрупповые интересы), принцип распределения властных позиций с учётом этнического фактора начал приобретать значение базовых "правил игры" в борьбе за власть, на соблюдении которых держится целостность всей многонациональной политической конструкции КЧР. С 2000 г. закрепилась негласная система распределения властных позиций в регионе: первое лицо (Глава КЧР) – карачаевец по этничности, Председатель Народного Собрания КЧР – русский, Председатель Правительства КЧР – черкес. Эта система – результат неформальной договорённости между органами власти КЧР и общественными организациями этнического толка, пристально следящими за соблюдением своих групповых интересов. При этом сама договорённость выработалась в ходе регионального государственного строительства, сопровождаемого социальными и этнополитическими напряжениями, конфликтами. Во избежание этно-сепаратистских проектов, для сохранения стабильности и межэтнического согласия была необходима система распределения властных позиций в регионе, хотя бы относительно устраивающая все этнические группы. Нарушение этого баланса приводит к нарушению стабильности в политической сфере. При этом малочисленные этносы КЧР обеспокоены устойчивостью сложившейся системы и продолжают бороться за повышение своего политического статуса. Так, абазины требуют закрепления за ними должности руководителя аппарата Главы и Правительства КЧР. Например, в решении и резолюции съезда Общественной организации "Абаза" от 11 мая 2015 г. было отмечено, что абазины республики недостаточно представлены в федеральных и республиканских органах власти. Исходя из негласно закрепившегося этнического распределения должностей в органах республиканской власти, абазины считают справедливым закрепление за ними должности руководителя Администрации Главы и Правительства КЧР. Ногайцы республики обеспокоены снижением численности министров – ногайцев, ногайских кадров в руководстве территориальных органов федеральных ведомств на территории КЧР. Представители абазинского и ногайского этносов выражают озабоченность тем, что

практика делегирования представителей КЧР в Совет Федерации и Государственную Думу Федерального Собрания РФ не даёт им возможности оказаться в высшем законодательном органе страны. Лидеры общественного мнения "субъектообразующих" этнических групп республики, руководители этнических общественных организаций, взявших на себя функции выразителей интересов своих групп, исходят из того, что государственность каждого этноса в значительной степени гарантируется их представительством в органах государственной власти.

Законодательного закрепления принципов политического представительства "субъектообразующих" этнических групп в органах власти разного уровня в Конституции КЧР нет, но согласно 83 и 92 статьям Конституции КЧР, органы государственной власти должны формироваться с учётом представительства перечисленных пяти этносов. Так, в статье 83 пункт 2 отмечено, что "Персональный состав Президиума Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики формируется с учётом национального представительства". В статье 92 пункте 3 определено, что "Президиум Правительства Карачаево-Черкесской Республики формируется из Председателя Правительства, его заместителей, членов Правительства с учётом национального представительства" **[6]**. Таким образом, в конституционной модели формирования и функционирования органов государственной власти республики не определены конкретные принципы этнического представительства, хотя оговорена необходимость формирования руководящих органов власти республики с учётом этнического фактора. Текст Конституции КЧР в части этнического представительства длительное время подвергался критике со стороны представителей общественных организаций малочисленных этнических групп. Вместе с тем, в Основном Законе КЧР закреплён "субъектообразующий" статус двух титульных и ещё трёх автохтонных этнических групп КЧР, утверждён порядок формирования органов исполнительной и законодательной власти, определены некоторые элементы политического представительства этнических групп без конкретизации и институционализации его принципов. Таким образом, в КЧР с момента её создания существует управленческая модель, основанная на системе пропорционального представительства этнических групп в региональных органах власти. Её принципы негласно соблюдаются органами власти республики, в первую очередь, руководителями КЧР, под контролем активно действующих общественных организаций этнической направленности. Вопросы политического представительства этнических групп, обостряющиеся в ситуациях нарушения неформального этнополитического баланса при назначениях на высшие должности в республике, могут приобретать конфликтный характер и использоваться этническими активистами для протестной мобилизации масс.

Таким образом, в Карачаево-Черкесской Республике сложилась устойчивая система политического представительства этнических групп во власти, в основе которой лежит принцип пропорционального представительства, носящий неформальный и конвенциальный характер. Вместе с тем, очевидно, что при сохранении этой системы представительства необходимо акцентировать внимание на профессионализме, который должен гарантировать эффективность политического управления на региональном уровне.

Выводы. Обеспечение нормального функционирования и развития основных общественных институтов и предотвращение конфликтов, угрожающих целостности общества, – одни из важнейших задач государственной социальной политики на местах и в регионах. Без этого условия меры, направленные государством на поддержание уровня жизни и доходов населения, развитие системы образования, здравоохранения и усилия в других областях социальной политики, могут обернуться усилением позиций лишь отдельных социальных групп в ущерб положению других, когда речь идёт о полиэтничных обществах и регионах. В целях обеспечения межэтнического согласия и сохранения целостности полиэтничных северокавказских республик в составе России, региональные власти в своём постсоветском развитии выработали неформальные институты и практики обеспечения политического представительства этнических групп. Они содействуют, с одной стороны, укреплению этнополитической стабильности в регионе, не допуская нарушения баланса в пользу (или в ущерб) той или иной этнической группы. С другой

стороны, функционирование на Северном Кавказе института неформального этнического "квотирования" неизменно предполагает политизацию этничности и постулирование этнокультурных различий, что создаёт трудности как внутренней интеграции полиэтничных регионов, так и конвергенции их с российским политико-правовым, социокультурным пространством. На примере Республики Дагестан мы видим, как формальные "правила игры" начинают постепенно выдавливать неформальные институты, которые можно рассматривать как временные послабления писаных законов региональным особенностям и реалиям жизни. Бесконфликтный демонтаж неформальной системы политического представительства этнических групп в Дагестане может стать в глазах федерального центра весомым аргументом в пользу унификации региональных политических практик во всех республиках Северного Кавказа, где до сих пор с помощью неформальных механизмов осуществлялся учёт этничности в политике.

Литература

1. Аствацатурова М.А. Российская идентичность в Северо-Кавказском регионе: гражданское содержание и полиэтничные формы. Учебное пособие. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. Словарь основных терминов.

2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с. англ. И. Борисовой. М.:Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

3. Врио главы Дагестана не будет учитывать национальность при подборе кадров// Коммерсант 2018. Выпуск от 10 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3546578 (дата обращения: 24.08.2018).

4. Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам // Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 24.08.2018).

5. Ибрагимов М.-Р.А. Истоки и практики этнического квотирования в Дагестане // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей V Международной конференции. Назрань, 2017. 400 с.

6. Конституция КЧР в ред. Конституционного закона КЧР от 27.06.2012 № 49-РКЗ. // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.parlament09.ru/node/295 (дата обращения: 01.03.2018).

7. Ланда К.Г. Место и роль Государственного совета в формировании властной системы Республики Дагестан // Власть. 2016. № 1. С. 63–67.

8. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

9. Стародубровская И., Казенин К. Северный Кавказ и современная модель демократического развития // Экспертный доклад Комитета гражданских инициатив. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://komitetgi.ru/analytics/2774/ (дата обращения: 01.03.2018).

10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. // Официальный интернет-портал Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/36512 (дата обращения: 24.08.2018).

11. Ethnic groups and boundaries by Fredrik Barth // [Электронный ресурс]. URL: http://www.bylany.com/kvetina/kvetina_etnoarcheologie/literatura_eseje/2_literatura.pdf (дата обращения: 24.08.2018).

12. Horowitz D. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25. No 2. P. 5–20.

13. Lijphart A. Constitutional design for divided societies // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. No 2. P. 96–109.

14. Lustick I., Miodownik D., Eidelson R.J. Secessionism in multicultural states: Does sharing power prevent or encourage it? // American political science review. 2004. Vol. 98. No 2. P. 209–229.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Astvatsaturova M.A. Rossijskaya identichnost' v Severo-Kavkazskom regione: grazhdanskoe soderzhanie i poliehtnichnye formy. Uchebnoe posobie. Pyatigorsk: PGLU, 2012. Slovar' osnovnykh terminov.

2. Brubejker R. EHtnichnost' bez grupp / per. s. angl. I. Borisovoj. M.:Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2012. 408 s.

3. Vrio glavy Dagestana ne budet uchityvat' natsional'nost' pri podbore kadrov// Kommersant 2018. Vypusk ot 10 fevralya [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3546578 (data obrashheniya: 24.08.2018).

4. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Ofitsial'nye itogi s rasshirennymi perechnyami po natsional'nomu sostavu naseleniya i po regionam // Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (data obrashheniya: 24.08.2018).

5. Ibragimov M.-R.A. Istoki i praktiki ehtnicheskogo kvotirovaniya v Dagestane // Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik nauchnykh statej V Mezhdunarodnoj konferentsii. Nazran', 2017. 400 s.

6. Konstitutsiya KCHR v red. Konstitutsionnogo zakona KCHR ot 27.06.2012 № 49-RKZ. // Ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.parlament09.ru/node/295 (data obrashheniya: 01.03.2018).

7. Landa K.G. Mesto i rol' Gosudarstvennogo soveta v formirovanii vlastnoj sistemy Respubliki Dagestan // Vlast'. 2016. № 1. S. 63–67.

8. Lejpkhart A. Demokratiya v mnogosostavnykh obshhestvakh: sravnitel'noe issledovanie / Per. s angl. M.: Aspekt Press, 1997. 287 s.

9. Starodubrovskaya I., Kazenin K. Severnyj Kavkaz i sovremennaya model' demokraticheskogo razvitiya // EHkspertnyj doklad Komiteta grazhdanskikh initsiativ. 2016. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://komitetgi.ru/analytics/2774/ (data obrashheniya: 01.03.2018).

10. Strategiya gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666. // Ofitsial'nyj internet-portal Prezidenta RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/36512 (data obrashheniya: 24.08.2018).

11. Ethnic groups and boundaries by Fredrik Barth // [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.bylany.com/kvetina/kvetina_etnoarcheologie/literatura_eseje/2_literatura.pdf (data obrashheniya: 24.08.2018).

12. Horowitz D. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25. No 2. P. 5–20.

13. Lijphart A. Constitutional design for divided societies // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. No 2. P. 96–109.

14. Lustick I., Miodownik D., Eidelson R.J. Secessionism in multicultural states: Does sharing power prevent or encourage it? // American political science review. 2004. Vol. 98. No 2. P. 209–229.

Адиев А.З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе.

В работе анализируются региональные политические практики учёта этничности при распределении властных позиций в полиэтничных республиках Северного Кавказа. Отмечается противоречивая роль системы политического представительства этнических групп в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, которая, с одной стороны, содействует обеспечению этнополитической стабильности в регионе, а с другой – способствует политизации этничности, что препятствует общероссийским интеграционным процессам как в политическом, так и в социокультурном значении.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, политическое представительство, власть, этнические группы, идентичность*

Adiev A.Z. Ethnic power-sharing as a factor of socio-political stability in the North Caucasus.

The paper analyzes political practices of ethnic power-sharing in the multiethnic republics of the North Caucasus. The contradictory role of the system of political representation of ethnic groups in Dagestan, Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia has been revealed. On the one hand, the system of ethnic power-sharing is ensuring ethno-political stability in the region. On the other hand, it contributes to the politicization of ethnicity, which hinders the all-Russian integration processes, both in political and sociocultural meaning.

Key words: *North Caucasus, Dagestan, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, political representation, power, ethnic groups, identity*

Для цитирования: Адиев А.З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/7-16

For citation: Adiev A.Z. Ethnic power-sharing as a factor of socio-political stability in the North Caucasus // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/7-16

◆

УДК 351.745(571.63) *Роговая А.В.*

Нормотворческая практика муниципалитетов: фактор профессионализма субъекта

О некоторых проблемах актов муниципального нормотворчества

В последние годы нормотворческая деятельность муниципальных образований приобретает все более высокий интерес, в том числе с социологической точки зрения **[4; 5]**. При большом количестве вариантов определения терминов "законотворчество", "нормотворчество" и "правотворчество" нами используется понятие нормотворчества – деятельность по изданию нормативных правовых актов, которые могут приниматься федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, непосредственно населением на местных референдумах и сходах граждан. Муниципальное нормотворчество рассматривается как осуществляемый в установленном порядке процесс принятия решений по вопросам местного значения непосредственно населением, органами местного самоуправления соответствующего муниципального образования или их должностными лицами путём издания муниципальных правовых актов, а также заключения договоров (соглашений), содержащих правовые предписания **[8, с. 26]**. Недостаточное исследование особенностей развития норм муниципального уровня, правил и приёмов юридической техники, а также отсутствие внедрения полученных научных результатов в нормотворческую практику привели к необходимости более детального изучения нормативного творчества муниципальных образований.

Именно несистемность законодательства, его противоречивость вызывают многочисленные нарекания на практике со стороны граждан, субъектов хозяйствования. Вместе с тем есть проблемы, касающиеся в первую очередь качества нормативных правовых актов органов местного самоуправления, которые неодинаковы в различных муниципальных образованиях, в том числе содержания их оптимального структурирования. Качество правовых актов как важнейший компонент технологии муниципального нормотворчества во многом зависит от активных усилий со стороны органов местного самоуправления. От того, как будет решена эта задача, зависит функционирование правовой системы, успех экономического и социального развития муниципалитетов, повышения уровня доверия граждан к органам местного самоуправления **[6, с. 16]**.

Современным механизмом оценки эффективности действия муниципальных нормативных правовых актов является мониторинг правоприменения. Сущность правового мониторинга сводится к оценке качества правовой нормы на протяжении всех этапов её жизненного цикла, начиная от проектов нормативно-правового акта и заканчивая различными стадиями его реализации как в надлежащей форме, так и с отдельными деформациями **[9, с. 25]**. Мониторинг муниципального нормотворчества может способствовать ликвидации пробелов в праве, укреплению законности правопорядка на территории муниципального образования, повышению уровня юридической зашиты граждан **[8, с. 27]**.

Поскольку работа по учёту и систематизации нормативных правовых актов на уровне муниципалитетов налажена не во всех регионах, становится

© *Роговая А.В., 2018*

РОГОВАЯ Анастасия Владимировна, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, начальник научно-исследовательского отдела Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации *(г. Москва)*. **E-mail:** av_rogovaya@mail.ru

сложно выявить какие-либо недостатки, привести муниципальные нормативные правовые акты в соответствие требованиям, что сказывается на эффективности нормотворческой деятельности в муниципальных образованиях.

В свою очередь, муниципальный нормотворческий процесс реализует непосредственно интересы социальных групп и слоёв и по своей природе является социальным явлением, поэтому для выявления негативных и позитивных сторон нормативного материала, недостатков содержания нормативных правовых актов целесообразным является опыт применения социологических исследований, в частности экспертного опроса. Социологический подход может определить наиболее верное решение, отражающее потребности муниципальной нормотворческой практики, позволит разработать научно обоснованную методологию подготовки качественных муниципальных нормативных правовых актов.

Социологическое исследование состояния качества муниципальных нормативных актов

В ходе социологических исследований, проведённых в 2016–2017 гг. методом экспертного опроса, в рамках НИР на тему "Разработка методических рекомендаций по подготовке муниципальных нормативных правовых актов" на первом этапе было опрошено 267 экспертов из числа государственных гражданских служащих муниципальных служащих, на втором – 375 муниципальных служащих, занятых в области нормотворческой деятельности, и государственных служащих территориальных органов управления Минюста России, специалистов отделов по вопросам нормативных правовых актов, ведению федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов, реестров уставов органов местного самоуправления в 10 субъектах Российской Федерации **[2; 11]**. Именно независимые экспертные оценки, базирующиеся на их профессиональном и практическом опыте, позволяют рассмотреть объект сверху и со стороны. Вместе с тем, у экспертных оценок существует недостаток, обусловленный тем, что в их основе лежит субъективное мнение.

Так, по мнению экспертов, качество издаваемых нормативных правовых актов муниципальных образований не изменилось и остаётся достаточно низким, особенно это прослеживается в городских и сельских поселениях.

К основным причинам низкой эффективности муниципального нормотворчества эксперты относят следующие *(табл. 1)*:

Таким образом, сохраняются две основные проблемы: достаточно большой массив нормативных актов, далеко не безупречный по содержанию с точ-

Таблица 1. Основные причины низкой эффективности муниципального нормотворчества по данным экспертных опросов 2016–2017 гг.

2016 г.	2017 г.
– увеличение количества нормативных правовых актов и возникающие в связи с этим нормативные коллизии; – слабые юридические кадры; – недостаточность бюджетных средств, необходимых для решения организационно-правовых вопросов нормотворческой деятельности; – отсутствие четкого разграничения компетенции муниципалитетов разных уровней в области нормотворчества; – частое изменение федерального законодательства; – отсутствие согласованной нормотворческой политики на уровне субъекта Российской Федерации.	– дефицит квалифицированных кадров в сфере муниципального управления; – отсутствие федерального закона, закрепляющего единые критерии к оформлению, юридической технике нормативных правовых актов; – отсутствие должного мониторинга изменений федерального и регионального законодательства; – увеличение количества нормативных правовых актов и возникновение в связи с этим нормативных коллизий; – игнорирование правовых механизмов демократических институтов, имеющих значение для муниципального правотворческого процесса (публичные слушания); – отсутствие разъяснений норм принимаемых законов на федеральном уровне.

Источник: составлено автором

ки зрения юридической техники, и дефицит квалифицированных кадров в сфере муниципального управления.

Количество издаваемых в регионах нормативных правовых актов постоянно растёт, а их качество часто обоснованно критикуется. Учитывая масштаб и закономерности накопления числа муниципальных нормативных правовых актов, нарушение порядка планирования нормотворческой деятельности, в частности порядка разработки проектов, подготовки, принятия, опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных нормативных правовых актов, сложно реализуемыми становятся задачи выявления их недостатков, а также приведения в требуемое соответствие качества **[1]**. При этом в одних актах муниципальное образование и его жители нуждаются в большей степени, в других – в меньшей. Речь идёт о ситуациях, когда имеется объективная потребность в издании соответствующего правового документа **[7, с. 30]**.

При оценке уровня квалификации специалистов, работающих над созданием проектов нормативных правовых актов, выяснилось, что имеют юридический стаж только 38% опрошенных; не имеют юридического стажа – 22%; имеют практический стаж нормотворческой работы – 36%; не имеют практического стажа нормотворческой работы – 4%.

По мнению экспертов, низкий уровень заработной платы в органах местного самоуправления не позволяет принять высококвалифицированных специалистов. Отсутствие специалистов с высшим юридическим образованием в штате большинства органов местного самоуправления, недостаточное их оснащение справочными правовыми системами, и в то же время высокая загруженность, не позволяют в установленные сроки провести правовую оценку муниципального нормотворчества.

Остаётся проблемным вопрос отлаженной системы своевременного мониторинга изменений федерального законодательства, сверки действующих муниципальных правовых актов в органах местного самоуправления с изменениями в федеральном и региональном законодательстве. Зачастую мониторинг нормативных правовых актов на муниципальном уровне нередко сводится лишь к накоплению информации об изменении законодательства без внесения предложений о его совершенствовании **[10]**.

Как отмечают эксперты, чаще всего допускаются нарушения в муниципальных нормативных правовых актах, регулирующих финансовые основы местного самоуправления, в частности по жилищным, земельным вопросам, вопросам градостроительства; законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; бюджетного и налогового законодательства; социальной сфере (общественный порядок и безопасность); по вопросам осуществления предпринимательской деятельности и осуществления инвестиционной деятельности и иным вопросам, связанным с осуществлением местного самоуправления.

Важное значение в организации муниципальной нормотворческой деятельности имеют их регламенты, на основе которых регулируются не только вопросы внутренней организации представительных органов, но и порядок внесения и рассмотрения проектов муниципальных нормативных правовых актов **[3]**.

Как отмечают муниципальные служащие, выявляются несоблюдение установленных федеральным законом требований к структуре административных регламентов предоставления муниципальных услуг, нарушения в муниципальных нормативных правовых актах, утверждающих порядок разработки и утверждения административных регламентов предоставления муниципальных услуг, по исполнению муниципальных функций в сфере земельного и жилищного контроля.

Например, в сфере муниципальной службы, по мнению муниципальных служащих, чаще всего допускаются нарушения по вопросам:

– обеспечения доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления, несвоевременное опубликование вышеуказанной информации на официальном сайте;

– приёма специалистов без конкурса;

– труда, премирования муниципальных служащих;

– пенсии, предоставления сведений о доходах и др.

Данные типичные ошибки также во многом связаны с нехваткой времени проводить мониторинг законодательства в сфере муниципальной службы, поскольку именно эта сфера чаще других подвергается изменениям.

Содержание муниципального нормотворчества складывается из основных последовательно осуществляемых организационных действий: подготовки, применения, согласования, опубликования (обнародования) и принятия муниципальных нормативных правовых актов, каждое из которых имеет огромное значение и во многом определяет эффективность принятого решения на практике. При этом, по данным экспертного опроса, практические проблемы муниципального нормотворчества возникают чаще всего на стадии подготовки и применения муниципальных нормативных правовых актов.

Ошибки, допускаемые в процессе подготовки нормативного правового акта, носят разноплановый характер, касаясь содержания, формы, языка, структуры проекта, и в общем плане предстают как неточность, неправильность либо ложность правовой нормы, которые влекут неблагоприятные социальные и правовые последствия.

Проведённое исследование позволило обобщить все многообразие допускаемых нормотворческих ошибок в пять основных групп: концептуально-идеологические (ошибки концептуального плана), компетенционные (в полномочиях по принятию (изданию) нормативного правового акта), содержательные (ошибки смысла и содержания нормативных правовых предписаний и других составных частей текста), лингвистические (погрешности стиля и языка нормативных правовых предписаний), техническо-оформительские (в оформлении проекта нормативного правого акта).

По мнению экспертов, типичными ошибками при подготовке и принятии муниципальных нормативных правовых актов органами местного самоуправления являются:

– несоответствие муниципальных нормативных правовых актов федеральному законодательству;

– несоблюдение требований юридико-технического оформления нормативного правового акта;

– несоответствие муниципальных нормативных правовых актов ранее изданным нормативным правовым актам;

– несоответствие муниципальных нормативных правовых актов региональному законодательству;

– принятие актов, не входящих в компетенцию органа (должностного лица) местного самоуправления, уполномоченного на принятие данного правового акта;

– несоответствие муниципальных нормативных правовых актов уставу муниципального образования;

– несоблюдение порядка опубликования (обнародования) муниципальных нормативных правовых актов и вступления их в силу, установленного уставами муниципальных образований и др.

Анализ данных экспертного опроса, научных, правовых и правоприменительных источников даёт основания утверждать, что проблемным остаётся несоответствие муниципальных нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, федеральному и региональному законодательству. Как отмечают муниципальные служащие, ошибки при подготовке и принятии муниципальных нормативных правовых актов связаны с часто меняющимся региональным и федеральным законодательством, вследствие чего происходит дублирование нормативных актов, а из-за отсутствия штатов и специалистов не удаётся своевременно вносить изменения в муниципальные нормативные акты.

Наличие множества примеров нарушений языковых норм (орфографических, лексических, морфологических, синтаксических) в муниципальных нормативных правовых актах и документах правоприменительного характера говорит о необходимости владения законодателем правилами и принципами юридической техники, поскольку это позволит обеспечить наибольшую эффективность правовых норм в стадии интерпретации и реализации. До настоящего времени отсутствует определение юридической техники в федеральном законодательстве, остаются малоизученными вопросы, касающиеся определения содержания юридической техники, природы, особенностей и

специфики её элементов. Несмотря на многочисленность научных разработок по данной проблематике, до сих пор не выработано однозначное понимание между учёными-юристами содержания тех или иных инструментов юридической техники, соответственно, по-разному определяются и выполняемые ими роли при осуществлении юридически значимой деятельности.

Юридическая техника нормативных актов включает в себя систему определённых требований к официальным реквизитам, структурному наполнению нормативного акта, стилю акта, внутренним связям норм нормативного акта с другими актами. Ошибки в юридической технике можно увидеть, прежде всего, на практике, в ходе подготовки и оформлении правовых актов. Однако нарушения правил юридической техники, не влекущие признание акта незаконным, остаются в большинстве своём без внимания и не исправляются, поскольку суды, органы прокуратуры, юстиции и иные уполномоченные государственные органы сегодня контролируют не качество правового акта в целом, а его законность **[7, с. 29]**.

Так, наиболее часто встречающимися нарушениями правил юридической техники при подготовке муниципальных нормативных правовых актов органами местного самоуправления, по мнению муниципальных служащих, являются:

– несоответствие формы, вида и наименования муниципального нормативного правового акта его содержанию;

– несоблюдение всех необходимых реквизитов;

– неправильная структура правового акта (отсутствие структурных элементов – разделов, подразделов, пунктов);

– не даны определения вводимых терминов, если они не определены другими законодательными актами;

– отсутствие ссылок или неверные ссылки на нормативные правовые акты, на основании которых принят акт.

Перед вступлением в силу муниципальных нормативных правовых актов и включением в соответствующие реестры их проекты проходят правовую, антикоррупционную, а также независимую экспертизы.

В настоящее время проблема проведения правовой экспертизы муниципальных нормативных актов стоит достаточно остро в ряде регионов. В большинстве субъектах Российской Федерации сложилась практика проведения выборочной юридической экспертизы муниципальных правовых актов, при этом перечень актов, подлежащих экспертизе, может существенно отличаться.

Так, по данным опроса, необходимость установления процедур правовой экспертизы в отношении всех проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации отмечают – 34% экспертов, в отношении проектов нормативных правовых актов муниципальных образований – 26%; антикоррупционной экспертизы – в отношении всех муниципальных нормативных правовых актов, а не только Уставов муниципальных образований – 27%. На формальный характер таких процедур указало 5% опрошенных.

Хотя более половина опрошенных экспертов отмечает, что проводится экспертиза всего массива нормативных актов, подлежащих включению в регистры, вместе с тем, учитывая объём муниципального нормотворчества, отсутствие квалифицированных кадров в ряде муниципальных образований, правовая экспертиза проводится выборочно. А работа по учёту и систематизации нормативных правовых актов на уровне муниципалитетов налажена не во всех регионах.

Большинство муниципальных служащих отмечает, что ведение регионального Регистра осуществляется в соответствии с установленными требованиями, в то же время сохраняются проблемы правового регулирования ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

В этой связи они выделяют следующие основные проблемы ведения Регистра:

– отсутствие надлежащего отбора и оформления муниципальных нормативных правовых актов для их включения в региональные Регистры;

– различия в подходах, используемых в субъектах Российской Федерации, к ведению региональных Регистров;

– отсутствие у органов государственной власти субъектов Российской Федерации действенных полномочий по обеспечению своевременного и полного поступления муниципальных нормативных правовых актов для включения в региональные Регистры;

– отсутствие информационно-правового пространства (правовые нормы об условиях, порядке и сроках рассмотрения информационных запросов заявителей).

– отсутствие в региональных Регистрах муниципальных правовых актов, которые хотя и не являются нормативными, но имеют особую актуальность для местного сообщества и бизнеса.

Как отмечают эксперты, главной проблемой при работе с базой данных Регистра являются недостатки технического характера, в том числе периодические сбои работы программы, использование более поздней версии программы, проблемы с выгрузкой муниципальных нормативных правовых актов из Регистра субъекта в федеральный регистр, отображением содержания муниципальных нормативных правовых актов.

Пути совершенствования нормотворческой деятельности муниципалитетов

Проблема правового регулирования местного самоуправления, а в частности вопрос качественного формирования муниципальной правовой базы не является новым, но необходимо отметить тот факт, что именно на муниципальном уровне происходит начальная социальная рефлексия, находящая продолжение в формировании или в корректировке инструментария правового регулирования общественных отношений.

Для успешного развития муниципального нормотворческого процесса, по мнению муниципальных служащих, на сегодня важно

– установить наличие обязательной правовой экспертизы (в том числе коррупционной, лингвистической) нормативных правовых актов на уровне разработки правовых актов;

– повышение качества принимаемых муниципальных нормативных правовых актов (для достижения высокого качества содержания и формы правового акта необходимо выработать и законодательно закрепить систему правил и принципов юридической техники);

– принятие федерального закона о порядке подготовки и принятия нормативных правовых актов;

– обеспечение необходимой координации всех субъектов законодательной инициативы (применение муниципальной нормотворческой практики других регионов, в том числе создание межмуниципального обмена нормативными правовыми актами);

– осуществление мониторинга правоприменения (мониторинг изменений федерального и регионального законодательства).

Представляется, что нормативное закрепление правил, средств и приёмов юридической техники позволит повысить качество правотворческой и правоприменительной деятельности, будет способствовать унификации правил подготовки проектов нормативных и индивидуальных правовых актов и повышению качества действующего законодательства и актов применения права.

В связи с отсутствием надлежащего отбора и оформления муниципальных нормативных правовых актов для их включения в региональные Регистры, как отмечают эксперты, необходимы

– разработка на федеральном уровне типовых нормативных правовых актов;

– совершенствование законодательства в вопросах экспертизы нормативных правовых актов;

– организация методической помощи органам местного самоуправления в оформлении нормативных правовых актов, подлежащих включению в Регистр, в том числе принятие положения, закрепляющего единые требования к оформлению нормативных правовых актов;

– доступ для ознакомления с муниципальными нормативными правовыми актами, включёнными в Регистр для всех субъектов, участвующих в нормотворческой деятельности.

Большинство муниципальных служащих указывают на необходимость ввода штатной должности в структуры муниципалитетов (в состав юридической службы), в должностных обязанностях которого будет закреплена постоянная работа с Регистром, в том числе направление муниципальных нормативных правовых актов в регистр, опубликование, экспертиза и регистрация нормативных правовых актов и иная деятельность в области муниципального нормотворчества.

По мнению экспертов, следует наладить информационно-правовое пространство, усилить контроль за организацией работы по ведению Регистра, в том числе вести строгий учёт муниципальных нормативных правовых актов, принимаемых в муниципальном образовании, осуществлять не статистическую, а надзорную проверку.

Для качественной подготовки нормативных правовых актов, как указывают эксперты, необходимо организовать повышение квалификации муниципальных служащих, обучение должностных лиц, ответственных за ведение Регистра, проведение семинаров-совещаний, учебных семинаров, практических занятий по вопросам представления муниципальных нормативных правовых актов и иных сведений, подлежащих включению в Регистр. Безусловно, решение проблемы также обусловливает необходимость в достаточном финансовом обеспечении муниципальных органов.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о недостаточной проработке проектов муниципальных нормативных правовых актов при их подготовке и принятии, а также ошибках в юридико-техническом оформлении муниципальных нормативных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований.

Представляется целесообразным обратить внимание на изучение муниципального нормотворческого процесса, данное исследование, которое могло бы оказать существенную помощь в совершенствовании нормотворческой деятельности муниципалитетов, не только в части оптимального структурирования актов, но и их содержания, а также свести к минимуму возможность субъективного подхода со стороны представителей муниципальных органов власти к процессу нормотворчества. Для объективной оценки необходимо использование также данных экспертной оценки от представителей юридических консультаций, специалистов правозащитных организаций, представителей юридических служб предприятий различных форм собственности и т.д.

Конечно, участие экспертного сообщества на всех этапах нормотворческой практики – один из основных возможных и доступных механизмов решения проблемы, природа местного самоуправления это предполагает, как и Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации", в котором основное внимание уделяется методике формирования Общественной экспертной группы: только профессиональные, вне государственно-муниципально практикующие юристы, преподаватели и учёные-правоведы в состоянии объективно отразить общественные запросы и профессионально раскрыть их в проекте муниципального нормативно-правового акта. Подобная общественная экспертная группа, несомненно, выполнит ряд основных функций, связанных как непосредственно с нормотворческим процессом, так и с формированием кадрового потенциала государственной и муниципальной службы:

1. актуально-содержательную (соответствие проекта общественному запросу);
2. методическую (применение юридической техники);
3. коммуникационную (взаимодействие с предполагаемыми участниками правоотношений);
4. адаптационную (сокращение числа штатных юристов и числа рассматриваемых проектов нормативно-правовых актов);
5. мотивационно-познавательную (выравнивание профессионального уровня государственных и муниципальных служащих и уровня корпоративно-юридического сообщества).

Решение этого сложного и весьма актуального вопроса возможно только при совместных усилиях как учёных, так и законодателей с целью обеспечения требуемого качества муниципальных нормативных правовых актов и эффективности правового регулирования.

Литература

1. Астанин В.В. Диалектика современного состояния муниципального правотворчества // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 14–17.
2. Астанин В.В., Роговая А.В. Мониторинг обеспечения и состояния качества нормотворческой деятельности органов местного самоуправления// Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21). С. 4–13.
3. Баранов И.Н. Муниципальный правотворческий процесс: понятие и стадии // Административное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 906–912.
4. Ворошило Н.В. Проблемы функционирования института местного самоуправления (по материалам опроса глав муниципальных образований субъектов СЗФО и Вологодской области) // Социальное пространство. 2017. № 3 (10).С. 1–15.
5. Корепанов Г. С., Трубин Г. А., Юдашкин В. А. Социологические исследования в механизме мониторинга применения законов субъекта Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 3 (3). С. 93–101.
6. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–23.
7. Кузнецов А.А. О некоторых проблемах актов муниципального правотворчества // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 28–31.
8. Мокосеева М.А. Особенности нормативно-правового регулирования правотворческого процесса в органах местного самоуправления // В сборнике: Актуальные правовые проблемы функционирования органов муниципальной власти и основные направления их решения в Республике Марий Эл. Научно-практическое пособие. Йошкар-Ола, 2016. С. 26–33.
9. Науменко А.М. Мониторинг законодательства и правоприменения: тенденции развития региональной практики // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2016. № 1–2 (77–78). С. 24–31.
10. Петрова Л.И., Алборова Е.Ю. Участие прокуроров субъектов Федерации в правотворчестве региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления // Законность. 2013. № 1. С. 13–17.
11. Роговая А.В. Мониторинг состояния качества муниципального нормотворчества // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3(24). С. 39–48.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Astanin V.V. Dialektika sovremennogo sostoyaniya munitsipal'nogo pravotvorchestva // Rossijskaya yustitsiya. 2016. № 3. S. 14–17.
2. Astanin V.V., Rogovaya A.V. Monitoring obespecheniya i sostoyaniya kachestva normotvorcheskoj deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya// Monitoring pravoprimeneniya. 2016. № 4 (21). S. 4–13.
3. Baranov I.N. Munitsipal'nyj pravotvorcheskij protsess: ponyatie i stadii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2015. № 9. S. 906–912.
4. Voroshilo N.V. Problemy funktsionirovaniya instituta mestnogo samoupravleniya (po materialam oprosa glav munitsipal'nykh obrazovanij sub"ektov SZFO i Vologodskoj oblasti) // Sotsial'noe prostranstvo. 2017. № 3 (10).S. 1–15.
5. Korepanov G. S., Trubin G. A., YUdashkin V. A. Sotsiologicheskie issledovaniya v mekhanizme monitoringa primeneniya zakonov sub"ekta Rossijskoj Federatsii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Sotsial'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2015. T. 1. № 3 (3). S. 93–101.
6. Kartashov V.N. YUridicheskaya tekhnologiya ili yuridicheskaya tekhnika? Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya // YUridicheskaya tekhnika. 2007. № 1. S. 16–23.
7. Kuznetsov A.A. O nekotorykh problemakh aktov munitsipal'nogo pravotvorchestva // Obshhestvo i pravo. 2016. № 1 (55). S. 28–31.
8. Mokoseeva M.A. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya pravotvorcheskogo protsessa v organakh mestnogo samoupravleniya // V sbornike: Aktual'nye pravovye problemy funktsionirovaniya organov munitsipal'noj vlasti i osnovnye napravleniya ikh resheniya v Respublike Marij EHl. Nauchno-prakticheskoe posobie. Joshkar-Ola, 2016. S. 26–33.
9. Naumenko A.M. Monitoring zakonodatel'stva i pravoprimeneniya: tendentsii razvitiya regional'noj praktiki // YUridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2016. № 1–2 (77–78). S. 24–31.
10. Petrova L.I., Alborova E.YU. Uchastie prokurorov sub"ektov Federatsii v pravotvorchestve regional'nykh organov gosudarstvennoj vlasti i organov mestnogo samoupravleniya // Zakonnost'. 2013. № 1. S. 13–17.
11. Rogovaya A.V. Monitoring sostoyaniya kachestva munitsipal'nogo normotvorchestva // Monitoring pravoprimeneniya. 2017. № 3(24). S. 39–48.

Роговая А.В. Нормотворческая практика муниципалитетов: фактор профессионализма субъекта

В статье рассматриваются вопросы современного состояния муниципального нормотворчества в Российской Федерации. Социологическое исследование в области муниципального нормотворчества в виде экспертного опроса позволило провести анализ нормотворческой деятельности в муниципалитетах, оценку юридической практики муниципальных служащих, увидеть основные проблемы при подготовке муниципальных нормативных правовых актов, изучить и дать социологическую корректировку практики муниципального нормотворчества, дать конкретные предложения в разработке методических рекомендаций по подготовке муниципальных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: *муниципальное нормотворчество, мониторинг правоприменения, качество муниципального нормативного правового акта, правовая экспертиза, юридическая техника, экспертный опрос*

Rogovaya A.V. Normative practice of municipalities: sociological assessment

The article deals with issues of current state of Municipal lawmaking in the Russian Federation. To base on sociological research assessed an expert evaluation of the municipal lawmaking effectiveness, exposed typical errors in the preparation and adoption of municipal normative legal acts, main problems in maintaining the register of municipal normative legal acts of the Russian Federation constituent units. In conclusion key of some directions for improving the municipal lawmaking process.

Key words: *municipal lawmaking, monitoring, the quality of the municipal normative legal act, expertise of regional law acts, legal technique, expert poll*

Для цитирования: Роговая А.В. Нормотворческая практика муниципалитетов: фактор профессионализма субъекта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 17–25. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/17-25

For citation: Rogovaya A.V. Normative practice of municipalities: sociological assessment // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 17–25. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/17-25

◆

УДК 316.334.52 *Бреславский А.С.*

Пригороды крупных городов в региональной социальной политике

В фокусе внимания статьи – социальная политика и территориальное развитие пригородных поселений четырёх столиц Южной Сибири: Абакана, Горно-Алтайска, Кызыла и Улан-Удэ (столицы республик Хакасия, Алтай, Тува и Бурятия). Бурный рост пригородных поселений всех четырёх городов был спровоцирован рядом универсальных причин. Главными из них являлись диспропорции в социально-экономическом и инфраструктурном развитии сельских и городских территорий в регионах. В результате массовых сельско-городских миграций конца 1990–2010-х гг., преимущественно слабо регулируемого заселения и освоения пригородных территорий, без необходимого инженерно-бытового и социального обеспечения, эти поселения столкнулись с множественными проблемами, которые местным органам власти предстоит решать в рамках сбалансированной региональной социальной политики. Исходя из данных проведённого нами социологического исследования, решение этих проблем осложняется особенностями межбюджетных отношений в России, неразвитой практикой межмуниципального сотрудничества, низкой социальной активностью и бедностью местного населения.

Основная идея статьи заключается в следующем: пригородные поселения крупных столичных городов России, ставшие в последние 15–20 лет пространством для взрывных демографических и территориальных трансформаций, нуждаются сегодня в более пристальном внимании со стороны институтов социальной политики, нежели ранее. Поскольку пригородные муниципальные образования, испытывая возрастающую нагрузку, остаются "заложниками" межбюджетных и налоговых ограничений, к ним требуется особый, на наш взгляд, приоритетный подход, учитывающий потребности основных заинтересованных сторон (пригород – город – регион).

Поскольку автор только приступает к исследованию пригородных зон Абакана, Горно-Алтайска и Кызыла (в Улан-Удэ полевые исследования проводятся с 2013 г.) формат данной статьи не предполагает констатирующих заключений применительно ко всем регионам. Цель статьи состоит скорее в том, чтобы сформулировать основные предварительные выводы, требующие обсуждения как в исследовательском сообществе, так и в структурах административной власти.

Основа последующих авторских заключений – официальные данные статистических обследований региональных отделений Росстата, материалы полевых наблюдений в республиках Алтай, Бурятия, Тува и Хакасия в июле – октябре 2018 г., данные девяти фокусированных, неформализованных интервью с главами пригородных поселений четырёх городов. Этой работе предшествовало также реализуемое автором с 2013 г. продолжающееся социологическое исследование пригородной зоны Улан-Удэ **[1]**, а также анализ поля пригородных исследований в России **[3]** и за рубежом **[2]**. Организованные автором в 2017 и 2018 гг. всероссийские научные семинары "Что мы знаем о современных российских пригородах?" и "Республики на Востоке России: траектории демографического, экономического и территориального

© *Бреславский А.С., 2018*

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич, канд. ист. наук, заведующий научно-организационным отделом Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН *(г. Улан-Удэ).*
E-mail: breslavsky@imbt.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00050\18" "(Суб)урбанизация в республиках на Востоке России: траектории территориального и демографического развития в 1991–2016 гг.".

Таблица 1. Абсолютный и относительный прирост населения столиц субъектов СФО и ДФО РФ в период с 1989 по 2018 г.

Город	Субъект РФ	Население, Перепись 1989 г.	Население, 01.01.2018 г.	Абсолютный прирост, чел.	Относительный прирост,%
СФО					
Горно-Алтайск	Республика Алтай	46436	63 214	+16778	+36
Кызыл	Республика Кызыл	84641	116 983	+32342	+38
Абакан	Республика Хакасия	154092	184 168	+30076	+19
Барнаул	Алтайский край	601811	632 372	+30561	+6
Красноярск	Красноярский край	912629	1 090 811	+178182	+19
Иркутск	Иркутская область	626135	623 869	-2266	-1
Кемерово	Кемеровская область	520263	558 973	+38710	+7
Новосибирск	Новосибирская обл.	1436516	1 612 833	+176317	+12
Омск	Омская область	1148418	1 172 070	+23652	+2
Томск	Томская область	501963	574 002	+72039	+14
ДФО					
Благовещенск	Амурская область	205 553	225 091	+19538	+9
Улан-Удэ	Республика Бурятия	352 513	434 869	+82339	+23
Биробиджан	Еврейская АО	83 667	73623	-10044	-13
Чита	Забайкальский край	365 754	349 005	-26301	-7
Петропав-ловск-Камчат-ский	Камчатский край	268 747	181 216	-87531	-33
Магадан	Магаданская область	151 652	92 782	-58870	-39
Владивосток	Приморский край	633 838	604 901	-28937	-5
Якутск	Республика Саха (Якутия)	186 626	311 760	+125134	+67
Южно-Сахалинск	Сахалинская область	159 299	198 973	+39674	+24
Хабаровск	Хабаровский край	600 623	618 150	+17527	+2
Анадырь	Чукотский АО	17 094	15 604	-1490	-9

Источник: [4; 9].

развития" также позволили определить и обсудить ключевые характеристики пригородного роста столиц всех четырёх регионов [8; 10].

Начнём с того, что в пригородных районах чуть более половины региональных столиц России в межпереписной период 2002–2010 гг. Росстат зафиксировал рост численности населения **[7]**. Он соотносился как с ростом самих городских центров, так и происходил в противовес ему. Эти данные указали на некоторый, наблюдаемый нами тренд, который мы пока с осторожностью применяем ко всей России, но уже более смело – по отношению к отдельным её регионам. Название этого тренда – "постсоциалистическая пригородная революция", которая связана с взрывным ростом частной застройки в большинстве постсоциалистических стран после долгих лет государственных ограничений **[11]**. Происходящая подчас незаметно для городских властей и академических сообществ в России **[5]**, она хорошо видна всем тем, кто живёт в пригородах: коттеджных посёлках, переобустроенных дачах, сёлах, посёлках и малых городах вблизи крупных городов и городских агломераций.

Четыре интересующих нас города – Абакан, Горно-Алтайск, Кызыл и Улан-Удэ – не просто столицы четырёх из пяти республик на Востоке России. Это редкие города на демографической карте Сибири и Дальнего Востока, население которых в последние 25 лет росло наиболее высокими темпами *(табл. 1)*. К ним же следует отнести и Якутск, полевое исследование в котором мы планируем начать в 2019 г.

По темпам прироста населения с 1989 г. по 2018 г. Улан-Удэ, Горно-Алтайск и Кызыл – одни из лидеров среди столичных городов в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Каковы источники этого роста в республиканских столицах на юге Сибири? Первая и основная причина – непрекращающаяся миграция населения из сельских районов, посёлков и малых городов, особенно усилившаяся с середины 2000-х гг. Республиканские столицы к концу советского периода, по сути, оказались главными ресурсами центрами регионов, в которых за последние два с половиной десятилетия в ещё большей степени сконцентрировались ресурсы разного рода: финансово-экономические, трудовые, образовательные, медицинские, культурные, а также услуги социального обеспечения.

Чтобы представить разницу в масштабах городов и разобраться в истоках притягательности столиц, обратимся к численности населения крупных городов в республиках на начало 2018 г. **[9]**. В Бурятии всего два города республиканского подчинения и три – районного, разница между которыми весьма существенна, не говоря о том, что агломерационные связи между ними отсутствуют. Столица Бурятии – Улан-Удэ (434 тыс. чел.) сегодня больше второго по величине города республики – Северобайкальска (23 тыс. чел.) в 18 раз. В Республике Тыва также два относительно крупных города республиканского подчинения: столица Кызыл (117 тыс. чел.) и Ак-Довурак (13 тыс. чел.), разница между которыми вновь очевидна. При этом в пригородной зоне Кызыла, сразу за его восточной границей, расположено второе по численности населения поселение после столицы – пгт Каа-Хем – центр пригородного Кызылского района. Т.е. два наиболее крупных поселения республики расположены рядом друг с другом, причём рост пригородного пгт определяется привлекательностью столицы. В Республике Алтай всего один город, он же столица – Горно-Алтайск (63 тыс. чел.), являющийся главным центром миграционного притяжения для внутренних мигрантов региона. Здесь, как и в Туве, столицу окружает один пригородный сельский район, центр которого, с. Майма, расположено сразу на границе с городом и так же, как Каа-Хем в Туве, это село является вторым по численности населённым пунктом в Республике Алтай. Некоторым особняком в этом смысле стоит Республика Хакасия, в которой урбанизационные процессы в советский период имели более дисперсный характер, в результате чего помимо собственно столицы – г. Абакана (182 тыс. чел.) – в регионе появились и другие относительно крупные городские поселения, такие как Саяногорск (61 тыс. чел.) и Черногорск (77 тыс. чел.). Черногорск, надо отметить, находится в зоне влияния Абакана (расстояние между ними – 18 км). Также в двух десятках километров от столицы Хакасии расположен ещё один город – Минусинск, входящий в состав соседнего Красноярского края. По многим показателям: уровню доходов и жизни жителей пригородных поселений, степени благоустройства пригородных поселений,

сегментам застройки и пр. пригородная зона Абакана положительно отличается от остальных. И в моих дальнейших рассуждениях этот город скорее является исключением, нежели типичным случаем.

Будучи основными ресурсными центрами, именно столицы республик стали точками притяжения населения с сельских территорий. Важно помнить также, что для локальных этнических групп (бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов) столицы регионов были и остаются местами, привлекательными для жизни с финансовой и социально-психологической точек зрения, нежели иные крупные городские центры в стране. Этнический характер сельско-городской миграции особенно проявился за последние 25 лет в Бурятии, Туве и Алтае.

Вторая значимая причина роста городского населения, связанная с первой, – это сохранение расширенного воспроизводства городского населения, за счёт высокой рождаемости и снижения уровня смертности. Внешняя миграция населения во все республики из других регионов страны и зарубежья незначительна, в силу ограниченности рынков, высокого уровня бедности и низких доходов населения по сравнению с другими субъектами федерации. В условиях регионального экономического неравенства, республики по существу находятся в позиции аутсайдеров, находящихся в высокой зависимости от федеральных средств. Это напрямую касается и финансирования институтов и мероприятий в области социальной политики.

Рост городского населения во всех четырёх столичных городах уже к концу 2000-х гг. либо исчерпал запасы внутригородских территорий, либо привёл к резкому росту цен на городскую землю и недвижимость. В результате этого, а также по другим причинам, с начала 2000-х гг. мы фиксируем в пригородах всех столиц рост численности населения и масштабов застройки. Наиболее масштабный прирост населения за последние 15 лет произошёл в пригородной зоне Улан-Удэ, хотя темпы прироста населения в пригородных поселениях других республиканских столиц на востоке страны также остаются высокими. По подсчётам К.В. Григоричева, работавшего с официальными данными Росстата, рост населения пригородных муниципальных районов в республиках в 2002–2017 гг. колебался от 8,7% (Абакан) до 187,7% (Улан-Удэ). Промежуточные значения составили: 25,6% (Горно-Алтайск) и 38,9% (Кызыл), соответственно **[6]**.

Сам по себе рост населения не является в этом смысле проблемой, однако стихийный, слабо регулируемый характер застройки новых территорий, например, в Улан-Удэ и Кызыле, уже создал множественные проблемы инженерно-бытового и социального порядка, которые в основном не только не исчезают, а лишь усиливаются, несмотря на прилагаемые усилия местных властей.

Наиболее острые проблемы в реализации социальной политики в исследуемых пригородных поселениях связаны с критической нагрузкой на образовательные и медицинские учреждения. Если учитывать, что именно доступность и качество образования и медицины становятся наряду с финансовыми мотивами главными причинами переезда внутренних мигрантов в столицы своих регионов и их пригородные поселения, эта социальная проблема становится ещё более значимой. Для начала стоит обратить внимание на то, что природные поселения, о которых идёт речь в статье, в большинстве своём – сельские поселения. В Улан-Удэ – это исключительно сельские поселения трёх муниципальных районов Бурятии (Заиграевский, Иволгинский и Тарбагатайский). В Кызыле – пгт. Каа-Хем и сельские поселения Кызылского района, в Горно-Алтайске – сельские поселения Майминского района (исключение – административный центр с. Майма, объективно похожее на посёлок городского типа). В пригородной зоне Абакана находятся два города – Черногорск и Минусинск (город Красноярского края, часть населения которого работает в Абакане), а также сельские поселения Усть-Абаканского и Алтайского районов Хакасии.

Массовый приток населения в пригородные поселения в подавляющем большинстве перечисленных муниципальных образований не был обеспечен строительством новых и дополнительных учреждений дошкольного, школьного, дополнительного, специального образования. Имеющиеся образовательные учреждения в большинстве поселений, как правило, были выстроены в

последние советские десятилетия и не были рассчитаны на столь массовый прирост населения. Как результат: переполненные детские сады и учёба в две-три смены в большинстве средних школ (там, где они есть). Те, кто не получает место в своём пригородном образовательном учреждении, ищут возможности для обучения детей в городе, либо один из супругов остаётся дома, привлекаются родители, родственники супругов и т.п. Устройство детей в городские школы, как известно, связано с регистрацией по месту жительства, что также вызывает дополнительные проблемы.

Схожие проблемы были зафиксированы в сфере здравоохранения. Медицинское обслуживание населения в пригородных поселениях в случае с городами и пгт осуществляется в поликлиниках и районных больницах, а в остальных случаях – по отельным специалистам в ФАПах. Как правило, эти медицинские учреждения бывают востребованы только по самым общим вопросам, в то время как население предпочитает проходить обследования и лечение в столичных больницах и поликлиниках, располагающих более современным оборудованием и более широким штатом квалифицированных специалистов. Характерно, списки постоянно прикреплённых пациентов-клиентов, которых обслуживают городские поликлиники Абакана, Горно-Алтайска, Кызыла, Улан-Удэ существенно превышают официальную численность населения этих городов. Именно эти списки местные эксперты предлагают использовать в расчётах численности населения городских "агломераций" и расчётах нагрузки на социальные учреждения.

Массовый прирост населения в пригородных поселениях из числа сельских мигрантов с низкими доходами и низким уровнем профессиональной квалификации вызвал рост числа бедных на этих территориях. Официальной статистике в силу особенностей её сбора, высокой подвижности населения в пригородных микрорайонах доверять сложно. Данные полевых наблюдений, интервью с местными жителями, сотрудниками и главами администраций пригородных муниципальных образований указывают на постоянный рост финансово и социально необеспеченных семей в пригородах, формирующих группы риска. Это особенно проявляется в пригородах Кызыла и Улан-Удэ. В меньшей степени – в пригородах Абакана. Безработица, бедность, отсутствие жизненных перспектив, низкая трудовая и социальная активность части новых жителей влекут за собой сложнейшие социальные проблемы: криминализацию, рост числа правонарушений, в том числе преступлений, пьянства и бытовых конфликтов, в которых страдают все члены семьи.

Слабое развитие пассажирского сообщения с центральными частями столичных городов, его дороговизна, проблемы с медицинским обслуживанием, дошкольным, школьным, дополнительным образованием, отсутствие или слабое развитие сети культурных, спортивных учреждений – все это негативно влияет на социальную обстановку в пригородных поселениях, вовлеченность местного населения в общественную жизнь своих поселений и городов.

Одна из ключевых проблем в осуществлении мероприятий социальной политики в пригородных поселениях заключается в остром недостатке финансирования. Пригородные поселения, испытывающие все возрастающую потребность в реализации возложенных на них полномочий, решении социальных и инженерно-бытовых проблем обычно не получают каких-либо серьёзных дополнительных дотаций из республиканских бюджетов, несмотря на важнейшее место в географии фактического перераспределения населения внутри республик.

Получаемые пригородными поселениями налоговые и неналоговые доходы после перераспределения в районном бюджете в основном не позволяют решать задачи социальной политики в полном объёме. В то же время именно пригородные поселения у столичных городов, как правило, являются наиболее крупными поселениями в республиках, переживающими бурный рост на фоне депопуляции остальных муниципальных образований в регионе. При этом политика распределения бюджетных средств, в том числе на капитальное строительство социальных объектов, не всегда учитывает это обстоятельство, в результате чего школы, поликлиники и другие учреждения по инерции, по задолго сформированным планам, могут возникать там, где потребность в них сокращается, а не там, где в них наиболее остро нуждаются.

Следующая проблема – нехватка квалифицированных кадров и высокая загруженность специалистов в муниципальных органах власти, в учреждениях социальной защиты, в органах правопорядка и т.д. в пригородных поселениях в расчёте на общее количество их населения. Эта проблема также остаётся препятствием для реализации основных направлений социальной политики и решения наиболее значимых социальных проблем. В подобных условиях какие-либо внеплановые, инициативные проекты в области социальной защиты, работы с отдельными категориями социально неблагополучных граждан также имеют единичный и малоэффективный характер. Это влияет на охват и качество работ по адресной социальной помощи, поддержке малообеспеченных, в том числе многодетных семей, развитию медико-социальной экспертизы и т.д.

В итоге тысячи пригородных семей, живя на границе с городом, оказываются не вовлечёнными в процессы социального обеспечения, а местные дети и молодёжь – не получают доступ ко многим значимым компонентам образовательного процесса, социализации, творческого, спортивного развития и пр.

Отсутствие регулярного статистического учёта показателей демографического, социально-экономического, инженерно-бытового развития в большинстве поселений также не позволяет более предметно подходить к решению обозначенных проблем в условиях высокой динамики происходящих изменений.

Слабость бюджетов пригородных поселений, законодательные ограничения в возможностях перераспределения средств из бюджетов разных уровней на решение "пригородных" проблем, низкая интенсивность межмуниципального взаимодействия (между городом и пригородными поселениями, между самими пригородными поселениями), общая неготовность городских центров включаться в решение пригородных проблем при наличии у городов собственных обязательств перед жителями городских округов, низкая социальная активность граждан и их объединений в пригородах – все это затрудняет решение обозначенных выше проблем.

Успешная практика управления пригородным развитием, объектом которой могли бы стать "пригородные зоны" столичных городов, в регионах складывается пока из отдельных проектов по решению отдельных задач, в то время как комплексных программ по развитию пригородных территорий, основанных на предварительном анализе и проектной работе, пока нет. Например, такой инструмент, как "целевая республиканская программа" мог бы дать основу для моделирования пригородной территории и ресурсы для её развития, однако такие программы не разрабатываются, не включаются в бюджетное планирование и т.д.

Одним из серьёзных ограничений в продвижении проблем пригородных поселений вверх в политической повестке регионов является слабая вовлеченность региональных экспертов в их исследование и проработку. Это касается не только администраций пригородных поселений, пригородных районов, столичных и республиканских администраций, но и научных институтов, работающих в регионах. По существу, изучение пригородного роста и проблем, которые он вызывает, не имеет здесь комплексного и последовательного характера. Это характерно для всей страны. Все опирается на инициативы отдельных исследователей, которые не покрывают комплекс первостепенных задач. И во многом от исследователей в регионах сегодня зависит, получат ли проблемы в организации социальной политики в пригородах четырёх городов экспертное освещение, получив шанс на ускоренное решение.

Литература

1. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.

2. Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. 2016. № 1. С. 79–102.

3. Бреславский А.С. Введение. Пригороды и пригородные исследования в современной России // Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 3–24.
4. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 02.11.2018).
5. Григоричев К.В. Местные сообщества и местная власть в неинституционализированном пространстве (случай пригородов Иркутска) // Полития. 2013. № 1(68). С. 103–116.
6. Григоричев К.В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 175–189.
7. Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–37.
8. Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 288 с.
9. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г. / РОССТАТ. Москва, 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ (дата обращения: 02.11.2018).
10. Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.
11. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe / Ed. By K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Willey- Blackwell, 2014. 360 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Breslavskiĭ A.S. Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Udeh v postsovetskiĭ period. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2014. 192 s.
2. Breslavskiĭ A.S. Kakoĭ mozhet byt' rossiĭskaya suburbanizatsiya? // Mir Rossii. 2016. № 1. S. 79–102.
3. Breslavskij A.S. Vvedenie. Prigorody i prigorodnye issledovaniya v sovremennoj Rossii // CHto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodakh?: sb. nauch. st. / otv. red. A.S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. S. 3–24.
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. CHislennost' gorodskogo naseleniya RSFSR, ee territorial'nykh edinits, gorodskikh poselenij i gorodskikh rajonov po polu [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (data obrashheniya: 02.11.2018).
5. Grigorichev K.V. Mestnye soobshhestva i mestnaya vlast' v neinstitutsionalizirovannom prostranstve (sluchaĭ prigorodov Irkutska) // Politiya. 2013. № 1(68). S. 103–116.
6. Grigorichev K.V. Suburbanizatsiya na vostoke Rossii: regional'naya mozaika global'nogo trenda // Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya: sb. nauch. st. / otv. red. A.S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2018. S. 175–189.
7. Mkrtchyan N.V. Pristolichnye territorii Rossii: dinamika naseleniya i migratsionnyĭ balans // CHto my znaem o sovremennykh rossiĭskikh prigorodakh? Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. S. 26–37.
8. Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya: sb. nauch. st. / otv. red. A. S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2018. 288 s.
9. CHislennost' naseleniya Rossijskoj Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2018 g. / ROSSTAT. Moskva, 2018. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ (data obrashheniya: 02.11.2018).
10. CHto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodakh?: sb. nauch. st. / otv. red. A.S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. 220 s.
11. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe / Ed. By K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Willey- Blackwell, 2014. 360 p.

Бреславский А.С. Пригороды крупных городов в региональной социальной политике

В фокусе внимания статьи – социальная политика и территориальное развитие пригородных поселений четырёх столиц Южной Сибири: Абакана, Горно-Алтайска, Кызыла и Улан-Удэ (столицы республик Хакасия, Алтай, Тува и Бурятия). Бурный рост пригородных поселений всех четырёх городов был спровоцирован рядом универсальных причин. Главными из них являлись диспропорции в развитии сельских и городских территорий в регионах. В результате массовых сельско-городских миграций конца 1990–2010-х гг., преимущественно слабо регулируемого заселения и освоения пригородных территорий, без необходимого инженерно-бытового и социального обеспечения, эти поселения столкнулись с множественными проблемами, которые местным органам власти предстоит решать в рамках сбалансированной региональной социальной политики.

Ключевые слова: *пригороды, пригородное развитие, социальная политика, республики России*

Breslavsky A.S. Russian Suburbs and regional social policy

The article focuses on social policy and territorial development of suburban settlements in four capitals of Southern Siberia: Abakan (the Republic of Khakassia), Gorno-Altaysk (the Altai Republic), Kyzyl (the Tyva Republic) and Ulan-Ude (the Republic of Buryatia). The rapid growth of suburban settlements in these four cities is caused by numerous of typical reasons. The main ones are disproportions in development of rural and urban areas in the regions. As a result of the mass rural-urban migrations from the late 1990s to 2010s, mostly poorly regulated settlement and development of suburban areas without adequate engineering and social services, these settlements faced many problems that local authorities will have to solve through balanced regional social policy.

Key words: *suburbs, suburban development, social policy, republics of Russia*

Для цитирования: Бреславский А.С. Пригороды крупных городов в региональной социальной политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 26–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/26-33

For citation: Breslavsky A.S. Russian Suburbs and regional social policy // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 26–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/26-33

◆

УДК 316.33

Российская география детства: быть или не быть?

В мае 2018 г. в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток) в рамках Международной молодёжной научной школы-конференции "Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик" **[1]** прошёл круглый стол на тему "Российская география детства: быть или не быть?", объединивший зарубежных и российских учёных в обсуждении актуальности теоретико-методологического и эмпирического обоснования новой отрасли знания, уточнения основных понятий. Рассмотрение концепта городской доброжелательности к детям произошло благодаря финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 18-511-00019 и гранта БРФФИ в рамках проекта № Г18Р-241.

Филипова: Коллеги, предлагаю начать наше обсуждение с поиска ответа на вопрос, нуждается ли российская наука в выделении новой отрасли знания "География детства"?

Майорова-Щеглова: Прежде всего, само название говорит о том, что мы замахиваемся на междисциплинарность, и первый вопрос, который, на мой взгляд, необходимо обозначить – что это за междисциплинарное исследование, возможно ли оно вообще в русле соединения географии и социологии?

© Гончарова С.В., Купряшкин И.В., Лебедева Е.В., Майорова-Щеглова С.Н., Машкина И.В., Осмачко Н.В., Панфилова А.О., Савинская О.Б., Судьин С.А., Сивак Е.В., Толвайшис Л., Филипова А.Г., 2018

ГОНЧАРОВА Светлана Владимировна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** goncharova.sv@dvfu.ru

КУПРЯШКИН Илья Владимирович, канд. филос. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** kupryashkin.iv@dvfu.ru

ЛЕБЕДЕВА Елена Викторовна, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры технологий коммуникации Института журналистики Белорусского государственного университета *(г. Минск, Республика Беларусь).* **E-mail:** Elena_lebedeva_bsu@tut.by

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна, д-р социол. наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета, председатель ИК "Социология детства" РОС *(г. Москва).* **E-mail:** sheglova-s@yandex.ru

МАШКИНА Ирина Валерьевна, учитель географии МОУ СОШ № 37 *(г. Комсомольск-на-Амуре).* **E-mail:** pushik73@mail.ru

ОСМАЧКО Надежда Владимировна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** nv.o@mail.ru

ПАНФИЛОВА Анна Олеговна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** anna_pl.vl@mail.ru

САВИНСКАЯ Ольга Борисовна, канд. социол. наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации Высшей школы экономики *(г. Москва).* **E-mail:** osavinskaya@hse.ru

СУДЬИН Сергей Александрович, д-р социол. наук, доцент кафедры общей социологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского *(г. Нижний Новгород).* **E-mail:** sudjin@mail.ru

СИВАК Елизавета Викторовна, научный сотрудник Центра исследований современного детства Института образования Высшей школы экономики *(г. Москва).* **E-mail:** esivak@hse.ru

ТОЛВАЙШИС Леонас, канд. полит. наук, доцент факультета дипломатии и безопасности Университета "Унион – Никола Тесла" *(г. Белград, Сербия).* **E-mail:** leonas.tolvaisis@gmail.com

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** alexgen77@list.ru

Я готовила на конференцию тезисы и позволю себе озвучить их название, поскольку оно раскрывает мою основную мысль: "География на территории социологии детства". Вот так образно я вижу соединение этих двух наук. Сегодня междисплинарность может быть осуществлена в русле трёх основных направлений. Это могут быть собственно междисциплинарные исследования, когда соединяется предметное более двух или более наук и специалисты разных наук, разных областей. Если мы говорим о детстве как о такого рода междисциплинарном проекте, то это, конечно, педология, которая существовала много лет назад и продолжает работать в этом направлении сегодня. Другое направление – трансдисциплинарность, и здесь, на мой взгляд, должны поработать философы, это некоторые наддисплинарные исследования. Здесь нам должны ответить, насколько вообще возможно применение таких категорий, как пространство детства, климат детства. Мы пользуемся ими как аллегориями, а, в действительности, философское обоснование и понимание этих категорий – это, как мне кажется, задача философии.

А вот если говорить о соединении географии и социологии, то тут, на мой взгляд, нужно идти путём мультидисплинарного изучения, а именно, социология детства может применять частично методологию и частично методы географических наук на своей территории. Я не думаю, что возможно создание вообще отдельной такой отрасли социогеографии детства или даже географии детства, я могу сказать даже, что скептически отношусь, простят меня географы за это, к понятию культурная география, которое сейчас активно используется. Все-таки география имеет свой чётко обозначенный предмет.

Савинская: Я предполагаю, что в современное время, когда мы ищем кроссдисциплинарные аспекты, название география детства очень уместно, и находить поле этой кроссдисциплинарности в данный момент, мне кажется, очень плодотворно, и мы видим, что здесь можно много чего сделать и найти интересные подходы, кроме того, само пересечение социологии и географии и, возможно, социальной работы и психологии, антропологии даёт хороший познавательный эффект. Мне кажется, что нахождение разных точек соприкосновение смежных дисциплин как раз сейчас на гребне исследовательской волны человеческого поведения, общества, общности, поэтому, это замечательная такая констелляция.

Я, наверное, также соглашусь со Светланой Николаевной в том, что как дисциплина – этого не может быть, но вот как некая общая поляна, где мы все встречаемся из своих разных дисциплин и, находя точки соприкосновения, выходим на какие-то новые эффекты познавательные, вот это, мне кажется, замечательно и здорово, мы приходим из разных дисциплинарных областей, чтобы решать какие-то общие проблемы.

Осмачко: Мне представляется география детства – это отражение не социологического, а социального подхода к детству, социальное исследование – это вообще, по сути, междисциплинарность, когда предметы многих наук по необходимости в рамках проблемы аккумулируются, синтезируются, и собственно в рамках этого направления проблема раскрывается комплексно, по крайней мере, намного лучше, чем если бы это делалось в рамках одного предмета, в данном случае, например, социологии.

Купряшкин: Междисциплинарность, трансдисциплинарность, мульдисциплинарность, кроссдисциплинарность, постдисциплинарность, ну и что ещё хотите, любая дисциплинарность, я как философ люблю социолога Эммануила Валлерстайна, вот он всем этим междисциплинарностям отказывает в праве на существование, но не в том смысле, что нет исследовательских направлений, которые бы находились в обществознании, социологии и политологии. А в том смысле, что само это разделение, которое произошло около 200 лет назад, само по себе было искусственно, и мы сегодня снова видим как раз это интеллектуальное движение навстречу со всех сторон, несмотря на институциональное разделение науки, которое сложилось: отдельные журналы, отдельные кафедры, и каждый защищает свою собственную академическую комнату, свой собственный предмет исследования, и, в этом смысле, наше представление о дисциплинах, как уже сформировавшихся и имеющих свои предметы, мне кажется несколько преждевременным, потому что правильно ли мы понимаем географию? И география тоже изменяется…Исследовательские направления сближаются, несмотря на то, что есть институциональные

преграды, мне кажется, что необходимо этому сближению способствовать, и неважно, как оно будет называться "транс", "мульти", "кросс" и т.д.

Филипова: Смысл подхода в том, чтобы определить, кто доминирует в этой ситуации: география или социология?

Купряшкин: В этом случае, на паритетных началах. Я думаю тут не нужно мериться академическими репутациями, рейтингами и чем угодно. Необходимо просто объединяться в научные группы, проводить исследования, публиковать их результаты.

Майорова-Щеглова: Можно уточнить у коллег такой вот вопрос? Я готова подумать об этом, даже изменить свою позицию, если мне географы либо специалисты, которые владеют информацией, действительно подтвердят, что детство это их предмет?

Филипова: Вы знаете, географы открещиваются от детства.

Майорова-Щеглова: Вот мне так тоже кажется, посему мы все-таки не можем говорить о соединении (географии и социологии) на *паритетных началах*.

Филипова: В 1990 г. в журнале Area была опубликована статья Сары Джеймс "Есть ли место для детей в географии?". Автор говорит о том, что изучение детей требует большего внимания со стороны географов. Она обозначила три области для исследований детей в географии: социо-пространственные отношения, пространственное поведение, окружающая среда и познавательные способности детей. Вот с тех пор за рубежом все завертелось. В 1998 г. Королевское Географическое Общество – Институт Британских Географов провело конференцию, в рамках которой действовала сессия "Географии детства". С 2003 г. выходит международный научный журнал Children's Geographies, который постепенно наращивает исследовательский потенциал, расширяя географию исследований и увеличивая количество ежегодных выпусков (с двух в 2003 г. до шести в 2015 г.).

В принципе то же самое происходит в социологии детства, здесь я соглашусь с Ильёй Владимировичем. Процесс формирования, отстаивания своего поля в социологии детства в российской науке тоже не завершён, и в принципе я рассматриваю географию детства как новое исследовательское направление в рамках социологии детства, но если работать с географами, то, мне кажется, нужно работать на равноправных началах.

Машкина: Я согласна со своими коллегами-географами, что это должна быть география, географический подход к детству. Ребёнок не растёт изолированным, он привязан к месту, и окружающая среда является основополагающей для формирования его личности. Как географ я склонна думать, что сначала все-таки физическая география – это природа, в которой живёт человек, и уже потом человек занимается тем видом деятельности, который можно реализовать в данном поле, на данной местности. Точно также и здесь: где ребёнок вырос, где он жил, там он и сформировался, то есть он будет не только гражданином страны, но и гражданином малой родины, потому что география это, прежде всего, место, это карта.

Филипова: Создатели журнала Children's Geographies обосновывают, почему они используют множественное число в названии журнала – для того, чтобы подчеркнуть уникальность и разнообразие миров детства. Есть детство в Косово, есть детство в России, есть детство ещё где-то. И это будут уникальные миры, при этом мы можем ещё дальше делить эти миры и говорить о том, что ребёнок из одной семьи – это совершенно другой мир, нежели ребёнок из другой семьи. Смысл заключается в том, чтобы показать множественность, разнообразие, уникальность, неповторимость разных детств. И ещё на страницах журнала детство разбивается на два мира – детство Севера и детство Юга, и чаще всего представлен взгляд Севера на Юг, исследователей Севера на Юг.

Машкина: Если во множественном числе, на мой взгляд, это пространства детства, т.е. пространств много, а подход, с точки зрения географии, один. Если мы говорим с географической точки зрения, мы отталкиваемся от места, а мест много, пространств тоже много.

Толвайшис: Мои впечатления и наблюдения, как по части публикаций в упомянутом журнале, так и наблюдения, которые я сделал, проводя свои исследования, таковы. Поясню, что исследование я проводил в течение

почти десяти лет в Косово. В рамках этого исследования удалось выделить отдельный нарратив детей, живущих в анклавах. Если обратиться к географии, то анклав – это не географически обозначенное какое-то пространство, а это именно воображаемое пространство, которое конвенционально в умах людей установилось с психологическими интернализированными границами. То есть речь не идёт о географических методах, и в том же самом журнале создаётся впечатление, что слово география употребляется в переносном смысле, как социальная реальность, как пространство. Если просто пройтись по содержанию номеров журнала, то можно обнаружить, что в принципе географии истолковываются как различные пространства, причём пространства, воспринимаемые социально. Можно задаться вопросом: каковы те методологические инструменты географии, которые мы можем использовать в исследовании миров детства, то есть мы должны брать характеристики гор, рек, ландшафта или политических условий, мне лучше говорить политологическим языком, потому что я просто не социолог по базовому образованию и не географ, я – политолог. Упор делается не столько на различении терминологий разных дисциплинарностей (меж, транс, мульти, интер и т.д.), сколько на идентичности детей и на субъектности того, что в английском обозначается как agency.

Осмачко: Я бы хотела обратить внимание, что если говорить о физическом пространстве, в котором живут дети, то это географиЯ детства. Если же мы говорим о детстве через социальные, культурные пространства, то тогда географиИ детства, это более точное словосочетание. Для меня базовым является определение социального пространства, данное Питиримом Сорокиным. Вот в моем представлении, акцент все-таки на неких границах – статусных, культурных, собственно стереотипах и так далее, тем, что связано с нашей повседневностью. Соответственно, термин география, а не практики детства мне представляется более точным – это первое. Второе: мне показалось очень плодотворным предложение Светланы Николаевны различать мета- или трансдисциплинарный подход к географии детства. С моей точки зрения, для философов крайне важно осмысливать ситуацию детства вообще и в частности, в обществах модерна, постмодерна, и важно то, в каких парадигмах они это будут делать. Если говорить о социологическом ракурсе, то мы вообще погружаемся в терминологию социализации, социальных институтов и многие другие моменты, которые терминологически используются в этой области, а философы, мне кажется, здесь широко, абстрактно и концептуально, мировоззренчески могут нам помочь.

Филипова: Я считаю, что междисциплинарность – это очень продуктивно, и не только взаимодействие с географами может помочь привнести новые идеи, новые подходы, это может сделать и научное общение с педагогами, психологами, политологами, экономистами и др. Сегодняшняя конференция – это как раз попытка собрать специалистов из разных областей научного знания.

Савинская: Наше последнее исследование – это "работа с дошкольниками". Мы можем изучать географию детского сада в связи с тем, что есть как раз новые подходы, которые в педагогике говорят не только о том, что ребёнок должен развиваться в одной группе. Он начинает перемещаться по детскому саду. И дети сами ходят по первому и второму этажу, находят себе интересные мастер-классы, то есть они по-новому воспринимают пространство детского сада.

Майорова-Щеглова: Мне хотелось бы акцентировать внимание вот на чем: мы не должны применять, как мне кажется, термин "география" в аллегорическом смысле. Или это возможно, но тогда все-таки это не строго социо-географический подход. Вот вообще сейчас все более исследование, в области детства в том числе, невозможно без территориальных сравнений и так далее. Но вот это не есть всё географии детства. Мне кажется, что это сегодня скорее экономические и культурные мотивации или условия и так далее. Мне кажется, что мы должны смелее в наших социологических исследованиях применять такие категории географии, как климат, рельеф, ресурсы. Вот готовясь к этой школе, я благодарна Александре Геннадьевне за то, что даёт такой стимул для размышления, я даже набрасывала перспективные темы, которые не встречались до последнего времени в нашей российской науке относительно нашего детства. Приведу некоторые из них:

♦ влияние особенностей рельефа и климата на планировку и застройку инфраструктуры детства;

♦ влияние природных ресурсов на практики питания детей;

♦ детская мода в разных климатических и рельефных условиях;

♦ использование природных ресурсов в сфере досуга детей;

♦ особенности обустройства детских комнат в разных территориях с учётом геоприродного фактора (использования строительных материалов, отопление, планировка и т. д.);

♦ как ресурсы территории влияют на профориентационную работу с детьми;

♦ животные как механизм детской социализации на разных территориях – разные практики восприятия и отношений;

♦ особенности экологической культуры детей (навыки природопользования, навыки озеленения, использование природного материала в играх-манипуляциях и играх на местности).

Мне кажется, нам нужно уходить от просто территориальных сравнений к проблематикам более глубинным, связанным с географией.

Судьин: Насколько я понимаю, конечно, не о географии в чистом смысле этого слова идёт речь, а речь идёт о географии как о факторе формирования личности. География как некая социальная среда, как фактор формирования человека и ребёнка в нашей ситуации. Почему продуктивно обращение к концепции Питирима Сорокина? Если от неё отталкиваться, то в принципе уже все есть. Более того, в таком более обогащённом варианте, потому что это не просто некая вселенная, состоящая из народонаселения земли, но речь ещё идёт о наличии не только географического горизонтального измерения, но и о наличии вертикального измерения. Если мы с вами подойдём к любому географическому пространству, даже такому кризисному, например, как Косово, о чем нам сегодня очень красочно и подробно говорили, я абсолютно уверен, что в рамках такого пространства социализируются люди совершенно по-разному и у них существует своя дифференциация. То есть, есть люди, которые более или менее успешно функционируют в этом пространстве, и есть люди, которые функционируют в этом пространстве неудовлетворительно. Более того эти люди не совсем себе представляют, с чем можно сравнить их существование. Особенно, если все их время прошло, все детство их прошло в войне, и они просто не видят реально, какое ещё детство может быть. Воспринимают ли они своё детство как украденное?

Я хотел сказать, что, если понимать детство с точки зрения географической, сведя все дела к географическому детерминизму формирования ребёнка, то мы, конечно, очень много украдём в понимании, так сказать, социализационных процессов и так далее. И было бы действительно очень интересно посмотреть при помощи регрессионного анализа, взвесить, какую же роль географический фактор играет в становлении личности? Это вот очень интересно.

Гончарова: Я немножко в иную плоскость хочу повернуть разговор. Вот когда мы обсуждали, почему возникла эта идея, говорить о географиях детства. Может быть, смысл в том, что действительно мир современной семьи, современного ребёнка, он такой вот, несколько ограниченный. То есть он живёт в семье, и семья относится к определённому социальному слою. Он ходит в школу. Класс у него есть. И бывает так, что не всегда есть возможность посмотреть на миры других людей, на практики других семей. Не всегда дети знакомы со спецификой этих практик. И недаром появляются сейчас в образовании такие идеи, например, как проведение уроков вне стен классной комнаты. Что это позволяет? Это позволяет действительно расширять географию образовательных ситуаций, которые дают практические навыки ребёнку, готовят детей к коммуникациям, к взаимодействиям с представителями разных социальных слоёв, разных профессий и так далее. Бывает так, что человек интересуется чем-то в своей жизни, но интересуется именно этим потому, что он других практик и не видел. Поэтому, с точки зрения изучения географии детства, – это возможность для исследователя проанализировать то, что влияет на формирование детей и, может быть, поиск коммуникаций между различными детскими пространствами. Для ребёнка – это возможность по-

знакомиться с другими практиками, а для исследователя – изучать то, как эти практики влияют на формирование человека.

Судьин: Вот здесь все-таки речь не столько о географических пространствах, сколько о социокультурном контексте взросления. То есть вот вышли из стен школы, они же не в другой город переехали, они же не в деревню куда-то их переместили, чтоб посмотрели, как люди живут.

Филипова: Можно привести массу примеров дореволюционных детских площадок, когда организовывались экскурсии детские. Собирали детей из разных социальных слоёв и проводили для них экскурсии на фермы, заводы, парки, гуляли и так далее. Почему нет? Хочу заметить акцент Светланы Владимировны именно на практической стороне географии детства, том, что она может дать для ребёнка, как это поможет ему развиваться, адаптироваться в мире? Мне кажется, это важно. И здесь вот как раз поле для педагогов, если говорить про междисциплинарность.

Майорова-Щеглова: Если включить географические аспекты в социологические исследования, ну вот, например, чувство дороги домой в разных территориях. Это перемещение только в общественном транспорте либо ребёнок понимает, что климат разный? У нас в Москве детям даже невозможно уже объяснить, что такое овраг, поскольку вообще из территориального пространства убраны все эти элементы, считается, что в городе нужно все озеленить, украсить и т.д. Вот очень интересно, если изучать все эти мобильности с привлечением географических элементов.

Филипова: Я предлагаю перейти к обсуждению методов. Мы постоянно выходим на этот вопрос. Какие методы географии, социологии могут помочь изучать все эти пространства?

Сивак: Можно я ещё по первой теме выскажусь? Я на 100% согласна с Ильёй потому, что мне кажется, что размышления на тему междисциплинарности – это отдельная тема. Можно долго на эту тему говорить, что есть что, но этот вопрос совершенно не возникает в прагматике исследования. Когда мы выбираем, что исследовать, мы отталкиваемся просто от нашего интереса и от того, что мы умеем. Если, например, мы не умеем анализировать ментальные карты или что-нибудь ещё, то мы этого не делаем. Если мы умеем брать интервью, мы ставим какой-то вопрос, исходя из того, как нас учили, что мы читали и так далее. Вот то, чем мы в центре занимаемся, мы никогда не обсуждали, насколько это междисциплинарно. Мы когда какие-то исследования проводим, психологи начинают делать такие выводы, которые социологи никогда бы не сделали. Но у нас никогда не возникает вопрос: а вот у нас все-таки социологическое исследование или психологическое? И как бы нам сделать его более социологическим или менее? Все эти социальные рамки, они очень условны.

Ранее упоминалось, что географический фактор – это высота над уровнем моря, на мой взгляд, это отражает лишь полпроцента от всей науки географии. Некоторые предполагают, что география – это физическая карта мира, но в действительности – это более широкое понятие. Культурная география или психогеография – это не какие-то маргинальные области. Как социология – это не обзвон, так и география – это не только расстояния, не только высота над уровнем моря, не только, что там ещё, температура.

Что касается методов исследований, методы у нас самые разные. Все зависит от вопроса. Вопрос состоит не в том, какие методы из географии мы можем взять, а какие методы мы умеем использовать?

Все науки сейчас приходят к тому, чтобы обсчитывать большие данные, которые у нас собираются по всем аспектам нашей жизни, и в целом все методы одинаковы. Но если не хватает каких-либо данных, а такое случается довольно-таки часто, то мы проводим опрос или же интервью. Это во всех науках так: или мы наблюдаем, или проводим эксперименты. То же можно говорить о специальных программах, которыми пользуются географы, например, такие как ArcGIS, чтобы отображать данные. Но это не методы, а скорее методики. Это не методы, которые за границей чего-то находятся, можно просто прийти к географам и взять их.

Панфилова: Возвращаясь к вопросу о возможности связать исследования детства, отдельных его сторон, с географией, её методами, и, собственно, географическими факторами. Если оттолкнуться от такого социологического

понятия, как "социализация", можно, на мой взгляд, сказать, что она (социализация) может быть детерминирована, в том числе и географическими факторами, например, такими как место поселения ребёнка (город или село). Тот же самый город – исключительно неоднородная, искусственная социальная реальность: районы, кварталы, трущобы, зоны, так называемые элитарные районы. Во Владивостоке есть районы, которые претендуют совершенно откровенно на элитарный статус, в первую очередь, по географическим своим параметрам, например, по факту непосредственной близости к морю. Географические факторы способны усиливать или ослаблять отдельные социально-психологические стороны сознания и ощущения принадлежности к определённой элите, в детской среде это вообще выражено. Или ты проживаешь на Змеинке, или в районе Садгорода.

Филипова: Замечательно, что Анна Олеговна затронула тему города. Я как раз хотела рассказать о нашем совместном с белорусскими коллегами проекте "Дружественность среды постсоветских городов к детям и молодёжи: компаративный анализ белорусских и российских кейсов". Сейчас мы выясняем экспертные представления о городской доброжелательности, её смыслах, чтобы в итоге выйти на систему индикаторов и методику оценки городов.

За рубежом и в России мы тоже это видим, дети исчезают из городских пространств: сегодня мы не так часто на улицах видим детей, свободно играющих, свободно шатающихся, занимающихся тем, чем они хотят сами заниматься, и зарубежные исследователи вводят разную терминологию для обозначения этих явлений – институционализация, инсуляризация детства **[2]**. Взрослые стремятся обезопасить детей, поместить их в защищённые пространства, связывая это с разнообразными рисками, которые несут в себе улица, город, другие взрослые и так далее.

Наш проект базируется на компаративном подходе к изучению среды городов постсоветского пространства. Сравнительный анализ предполагает выделение российских и белорусских кейсов городов успешных и неуспешных в организации среды, дружественной к детям и молодёжи. С российской стороны – это кейсы "Санкт-Петербург", "Владивосток", "Комсомольск-на-Амуре", а с белорусской – "Минск", "Бобруйск", "Гродно". Критериями отбора городов стали включенность/ невключенность городов в реализацию международной инициативы "Город, доброжелательный к детям" и размер города (мегаполис, крупный, средний, малый). Ключевыми позициями для сравнения городских кейсов обозначены следующие: советский опыт организации среды выбранных городов, характеристика публичных пространств городов, институциональные факторы организации городской среды (нормативно-правовые акты), критерии дружественности городской среды в представлениях детей и их родителей, молодёжи, экспертов.

Я предлагаю всем нам поразмышлять над смыслами дружественности городской среды к детям.

Панфилова: Думается, что сам термин можно определить как интегральный параметр, способный показать социальный учёт интересов и особенностей ребёнка, находящегося в пространстве города. В определённой мере, это параметр качества и эргономичности городской среды по отношению к детям; это также способность общества обеспечить необходимый и адекватный характер детской мобильности в условиях города. Выразить более конкретно такой параметр, на мой взгляд, возможно через индикаторы безопасности и комфортности городской среды. Особенное значение имеет индикатор безопасности в его расширенном понимании – как в плане обеспечения правопорядка на улицах, так и, к примеру, экологической составляющей. Именно реализация этих условий способна сделать коммуникации ребёнка в городе и "с городом" благожелательными и полезными.

Лебедева: Стремительный рост городов, начавшийся в прошлом веке, привлёк внимание специалистов и обычных горожан к очевидному факту – детям, в отличие от взрослых, для полноценной жизни в городе нужно нечто большее, чем пища, работа и крыша над головой. Несмотря на кажущуюся простоту этого вывода, особые потребности детей до сих пор не всегда учитываются при городском планировании. В частности, нет единого мнения о том, каковы критерии доброжелательности городской среды, на что следует опираться в случае необходимости её измерить и выразить в виде какой-либо

оценки (качественной или количественной). Решением проблемы может стать структурно-функциональный подход. Оценка городской среды в этом случае производится на основе выполнения той или иной частью города (к примеру, городским парком) определённых функций (коммуникативной, социально-инклюзивной, организационно-креативной, рекреативной, культурно-образовательной или развлекательной). Дружественной считается та среда, функциональное наполнение которой наиболее разнообразно.

Гончарова: Хочу подчеркнуть важность участия самих жителей в создании элементов среды (планирование свободных пространств), чуткость реагирования властей на запросы населения, например, перенос опасных объектов (мусоросжигательных завод, нефтебаза) за город, создание пешеходных переходов, скверов, освещения, асфальтированных дорожек, лестниц, пандусов в удобных местах. Интернет, а именно специализированные форумы, блоги, чаты, социальные сети, сейчас дают дополнительные возможности для "улавливания" информации о новых потребностях горожан, а также новых способах их удовлетворения в условиях города.

Родителям хотелось бы, чтобы существовал определённый план реализации концепции городского развития в интересах семьи с детьми, с доступными учреждениями общего и дополнительного образования, медицинскими организациям и учреждениями культуры в каждом районе. Это не требовало бы от семьи и детей длительных перемещений по городу, часто с интенсивным движением транспорта. Город был бы привлекательным для жизни молодёжи, если бы молодые семьи видели перспективы для себя и своих детей в плане участия в решении вопросов городского развития, возможности проводить свободное время на спортивных площадках, в парках и скверах, в пространстве для совместного творчества, т.е. жить полноценной счастливой жизнью.

Осмачко: Вопрос о доброжелательности городской среды к детям является обманчиво простым. Визуально доброжелательность репрезентирует совокупность пространств, показывающих, что в городе обращают внимание на детские потребности (возле каждого дома – игровые площадки, парки и др.). Я понимаю доброжелательность несколько иначе: это социум (и городской, и сельский), в котором взрослые относятся (стремятся относиться) к детям с уважением; с пониманием и терпимостью воспринимают разные проявления детского взросления, являются примером уравновешенного, вдумчивого, доброжелательного разрешения конфликтов. Это позиция проявляется в социальном поведении взрослых, их деятельности по отношению к детям.

Майорова-Щеглова: Доброжелательность – это, несомненно, субъективная характеристика, невозможно установить объективные нормы и критерии для среды, которые "работали бы" во всех "географиях". Показатели доброжелательности мы, социологи и психологи, должны изучать через мнение детей. Родители и специалисты будут оценивать среду исключительно с точки зрения безопасного и комфортного состояния младших или их развития на перспективу, и это преимущественно женский взгляд. Если только такие позиции будут приняты во внимание, то это "обеднит" процессы социализации ребёнка, а доброжелательная среда должна стимулировать самосоциализацию через исследование, расширение границ и в определённый степени через риск и разный опыт. Изучение мнения детей о пространстве должно быть и само "доброжелательным", я полагаю, что необходимо использовать позитивные оценочные вопросы: например, "Дорога от дома до школы и обратно проходит по интересным, безопасным местам?" (а не опасным, неудобным); "Тебе в поликлинике, магазине и т.п. помогают добрые, желающие тебе помочь взрослые, дети?" (а не злые, равнодушные).

Машкина: Дружественный город для меня – это город, в котором легко ориентироваться, с понятной планировкой, понятными ориентирами. Ещё это открытость жителей, желание людей идти со мной на контакт, неважно есть ли между нами языковой барьер, т.е. вот открытость, желание общаться и, наверное, ещё способность прийти на помощь, а не просто мимо пройти. Это город, где есть места для отдыха, места, где можно остановиться, т.е. вот есть города, которые в очень высоком темпе живут, – центры наши (Москва, Санкт-Петербург, некоторые другие города), Пекин, например, с ужасной интенсивностью потока людей, событий. В Москве, например, для меня это ВДНХ, куда заходишь и отдыхаешь, как будто бы вокруг не ходит монорель-

совая дорога, не ездит метро. И, наконец, это город с понятной транспортной логистикой. А ещё это город, где можно активно себя проявлять, где приветствуется гражданская инициатива. Если говорить исключительно про детей, то это безопасность и городская инфраструктура, ориентированная на нужды и потребности детей.

Филипова: Уважаемые коллеги, благодарю всех за участие в круглом столе, надеюсь, оно всем будет полезно и в плане теоретического осмысления перспективного направления работы, и в плане эмпирической проработки методики собственных исследований

До круглого стола у меня было чёткое представление о том, что такое география детства, но сейчас все мои конструкты разрушены, и у меня больше вопросов, чем ответов. Мы, социологи и географы, следуя в русле географии детства, изучаем одно и то же, применяем схожие методы, но мы по-разному смотрим и интерпретируем полученный материал, чтобы достичь какого-то единства, нужно больше взаимодействовать и стараться постичь суть интерпретаций друг друга.

Литература

1. Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик: материалы междунар. молодёжной научной школы-конф., Владивосток, 29–31 мая 2018 г. / [отв. ред. А.Г. Филипова]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018.

2. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Городская "доброжелательность" к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды: (На материалах городов юга Дальнего Востока): монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Geografii detstva: mezhdistsiplinarnyj sintez issledovatel'skikh podkhodov i praktik: materialy mezhdunar. molodyozhnoj nauchnoj shkoly-konf., Vladivostok, 29–31 maya 2018 g. / [otv. red. A.G. Filipova]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2018.

2. Filipova A.G., Rakitina N.EH. Gorodskaya "dobrozhelatel'nost'" k detyam: ot neravenstva k souchastvuyushhemu proektirovaniyu gorodskoj sredy: (Na materialakh gorodov yuga Dal'nego Vostoka): monografiya. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2017.

Российская география детства: быть или не быть?

Children's geographies in Russia: to be or not to be?

Для цитирования: Гончарова С.В., Купряшкин И.В., Лебедева Е.В., Майорова-Щеглова С.Н., Машкина И.В., Осмачко Н.В., Панфилова А.О., Савинская О.Б., Судьин С.А., Сивак Е.В., Толвайшис Л., Филипова А.Г. Российская география детства: быть или не быть? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 34–42. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/34-42

For citation: Goncharova S.V., Kupryashkin I.V., Lebedeva E.V., Majorova-SHHeglova S.N., Mashkina I.V., Osmachko N.V., Panfilova A.O., Savinskaya O.B., Sud'in S.A., Sivak E.V., Tolvajshis L., Filipova A.G. Children's geographies in Russia: to be or not to be? // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 34–42. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/34-42

◆

УДК 001.38:62

Минакир П.А., Демьяненко А.Н.,
Прокапало О.М., Горюнов А.П.

Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект

Постановка проблемы

То, что интеграционные процессы как таковые, равно как и интеграционные системы, являющиеся их результатом, не первое десятилетие находятся в исследовательском фокусе специалистов в самых различных отраслях научного знания – факт, не требующий доказательств. Можно привести множество публикаций специалистов из самых различных научных дисциплин, но авторы не ставили себе целью дать всесторонний обзор существующих точек зрения, это – важная, но другая работа. Цель данной работы иная: привлечь внимание коллег к некоторым проблемам методологического характера в исследовании интеграционных и дезинтеграционных процессов в экономическом пространстве современной России.

Для начала отметим, что процесс, обратный интеграции – дезинтеграция, привлекает много меньшее внимание. Более того, дезинтеграция рассматривается как нечто, с чем следует бороться, ибо по определению интеграция – хорошо, а дезинтеграция – плохо.

На что ещё следует обратить внимание, так это на то обстоятельство, что экономическая интеграция рассматривается, как правило, на межстрановом уровне анализа. И хотя исследования интеграционных процессов внутри национальных экономических систем имеют место, но приходится признать: ""международная трактовка" интеграционного процесса значительно более внушительна и по объёму и детальности" **[31, с. 14]**.

И здесь следует ещё раз напомнить, что цель экономической интеграции, какой бы аспект мы ни рассматривали, международный или в рамках национальной экономики, – повышение благосостояния. Общим является и то, что интеграция в обоих случаях определяется и как процесс, и как состояние **[1]**. При этом в исследовательском фокусе находятся институты, в первую очередь, правила игры, направленные на создание условий, устраняющих дискриминацию между отдельными государствами и регионами и в то же время ориентированных на предотвращение дезинтеграционных процессов.

Мы полагаем, что более продуктивно рассматривать, насколько это возможно, одновременно и интеграцию, и дезинтеграцию, которые представляют собой две стороны одной медали, то есть мы имеем дело с взаимосвязанными и взаимообусловленными процессами, протекающими в экономическом пространстве (ЭП).

При этом, по-нашему мнению, интеграция не является монотонным процессом. На различных этапах эволюции глобальной, национальной, регио-

© *Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П., 2018*

МИНАКИР Павел Александрович, д-р экон. наук, академик РАН, Институт экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*. **E-mail:** minakir@ecrin.ru

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д-р геогр. наук, Институт экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*. **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru

ПРОКАПАЛО Ольга Михайловна, д-р экон. наук, Институт экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*. **E-mail:** prokapalo@ecrin.ru

ГОРЮНОВ Александр Павлович, канд. экон. наук, Институт экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*. **E-mail:** alex.goryunov@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ № 16-02-00300 – ОГН "Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России".

нальной или местной экономики интеграция может сменяться дезинтеграцией. Но смена интеграции и дезинтеграции характерна не только для глобального и национального уровней экономического пространства, она характерна для регионального и локального уровней. Каждый новый виток интеграции (дезинтеграции), на каком бы иерархическом уровне мы её не рассматривали, не является простым воспроизводством предшествующей системы экономических отношений.

И здесь есть одна методологическая тонкость, проистекающая из самой природы ЭП, которое не только неоднородно, но к тому же ещё и иерархично. Поэтому, приступая к анализу процессов интеграции и дезинтеграции, мы всякий раз должны отдавать себе отчёт в том, на каком уровне ЭП мы рассматриваем эти процессы. В противном случае не избежать малопродуктивных споров. Поэтому мы указываем, что нас интересует только макроуровень и делимитации ЭП и экономического анализа.

К тому же мы полагаем, что было бы большим упрощением представлять экономическое пространство как состоящее исключительно из экономических пространственных систем, то есть экономических районов различного таксономического уровня; по нашему мнению, наряду с пространственными системами нередки и пространственные образования, не обладающие системными свойствами, которые можно обозначить как конгломератные образования[1].

И если, говоря о дезинтеграции, мы имеем в виду разделение пространственной системы на две и более "новых" опять-таки пространственных систем, то фрагментация представляет изменения в пространственной экономической системе, сопровождающиеся формированием конгломератных структур[2].

В самом общем виде их происхождение можно представить следующим образом:

во-первых, конгломератные структуры – это бывшие пространственные системы, потерявшие по тем или иным причинам системные качества (катастрофы природного, техногенного или социального характера);

во-вторых, это будущие системы, то есть некая совокупность экономических агентов, обладающая системным потенциалом, но который в силу тех или иных причин не реализован.

Здесь будет уместным, хотя бы коротко остановиться на самом понятии "фрагментация" в контексте экономического пространства. И связано это с тем, что в настоящее время в научной литературе можно встретить, как минимум, три трактовки этого термина.

Во-первых, это исследования пространственной фрагментации рынков. Здесь фрагментация рынков рассматривается как процесс обратный их пространственной интеграции, то есть "распад" регионального рынка на несколько локальных и т.д[3].

В качестве основного инструмента определения уровней фрагментации (интеграции) используется корреляция количественных колебаний значений параметров исследуемого рынка, прежде всего – цены.

Во-вторых, в рамках исследования технологических цепочек производства (шире – цепочек создания добавленной стоимости) фрагментация рассматривается как трансграничное распределение производства/сборки компонентов в рамках вертикально интегрированных производственных процессов,

---

[1] По мнению, В.Н. Лексина и А.Н. Швецова, которое авторы полностью разделяют, "… применительно к территориальным образованиям широкое использование понятия "система" требует определенной осторожности", так как "практически все современные территориальные образования являются своеобразным типом системно-конгломератных структур, для которых "единство" и "целостность" следует рассматривать как идеальное состояние". **[16, с. 25]**.

[2] Более того, по мнению ряда исследователей, "… главной структурной чертой постпереходной российской экономики является ее фрагментарность, т.е. распадение на отдельные слабо связанные фрагменты" **[18, с. 33]**.

[3] Наиболее явно это проявляется в исследованиях фрагментации и интеграции финансовых рынков стран Евросоюза. Показательна в этом отношении работа **[32]**.

причём каждая страна специализируется на определённом звене производственной цепочки[4].

В-третьих, фрагментация часто используется как синоним поляризации. Так, например, Г.Ф. Иоффе и Т.Г. Нефёдова понимают под фрагментацией экономического пространства формирование, на общем фоне демоэкономической депрессии, отдельных ареалов активной экономической жизни **[10]**, которые, как правило, не взаимодействуют с депрессивными ареалами[5].

Если резюмировать перечисленные выше подходы к пониманию фрагментации в пространственном контексте, то следует обратить внимание на то, что в первых двух мы имеем дело, скорее всего, не с пространственными системами, а с задачами по локализации в пространстве тех или иных рынков или фирм. Что же касается "поляризованной фрагментации" в трактовке предложенной Г.Ф.Иоффе и Т.Г. Нефёдовой, то она ближе других соответствует нашему пониманию процессов фрагментации экономического пространства.

Аналитические инструменты

Что же касается аналитического инструментария, позволяющего идентифицировать интеграционные и фрагментационные процессы в национальном экономическом пространстве и получить оценки их влияния на экономическую динамику страны, то они могут быть соотнесены с двумя концепциями развития экономики: конкурентной и кумулятивной.

В рамках конкурентной концепции идентификация интеграции и фрагментации связывается с оценкой динамики региональных диспропорций в экономическом пространстве страны. Так, "сближение" регионов, локализованных в пределах национальных границ, выражаемое в равенстве или стремлении к нему отдельных показателей или уровня экономики в целом интерпретируется в качестве процессов интеграции; соответственно, "разобщение" регионов, выражаемое в увеличении "разбега" отдельных показателей или уровня экономики в целом, интерпретируется в качестве процессов фрагментации.

В рамках конкурентной концепции географическое расстояние не является фактором, способствующим или препятствующим межрегиональной интеграции: интеграционные процессы могут наблюдаться между регионами, географически удалёнными друг от друга. Последние рассматриваются как точки, лишённые внутреннего пространства.

В рамках кумулятивной теории идентификация интеграции и фрагментации связывается с оценкой динамики "связности" экономического пространства с точки зрения межрегиональных взаимодействий. Иными словами, "сращивание" регионов, выражаемое в формировании результатов экономической деятельности последних как за счёт собственных факторов, так и за счёт факторов, генерируемых регионами-"партнёрами" (при условии исключения конкуренции между эндогенными и экзогенными факторами), интерпретируется в качестве интеграционных процессов; соответственно, обратный процесс, выражающийся в отсутствии или ослаблении связей между регионами, интерпретируется в качестве фрагментации экономического пространства.

В отличие от конкурентной концепции, в рамках кумулятивной концепции, географическое расстояние является значимым фактором. Географическая близость регионов выступает фактором, способствующим их интеграции.

Рассмотренные выше методы идентификации межрегиональной интеграции и дезинтеграции относятся к методам оценки экономических эффектов в многорегиональной экономической системе, генерируемых процессами интеграции и дезинтеграции. Отметим, также и то, что в рамках обеих концепции остаётся вне рассмотрения вопрос о критериях выделения регионов. Они просто рассматриваются как некая данность, хотя, по-нашему мнению, задача определения системы регионов не тривиальна.

Не отрицая полезности упомянутых выше аналитических инструментов, используемых в настоящее время для идентификации и оценки интегра-

---

[4] См., например: **[33]**.

[5] "Поляризующая фрагментация" была описана в ряде публикаций, посвященных как сельским территориям России в целом, так и отдельным макрорегионам России **[4; 10; 26]**.

ционных и дезинтеграционных процессов в ЭП, отметим, что им присущи два, по-нашему мнению, существенных недостатка. Первый – регион представлен в виде точки; второй – отказ от определения критериев выделения регионов и, как следствие – принятие в качестве исходной единицы анализа единицы административно-территориального деления.

По-нашему мнению, если и не полностью, то отчасти, эти проблемы инструментального и методологического характера могут быть преодолены, если обратиться к аналитическим инструментам, сложившимся в рамках так называемой региональной концепции, или иначе концепции районирования.

Районная концепция, естественно эволюционирует, но меняясь, она остаётся неизменной по своей сути: она предполагает, что для того чтобы описать, понять и объяснить организацию человеческой (в том числе и экономической) деятельности в пространстве, последнее следует разделить на целостные части, то есть районы.

Помимо всего прочего региональная концепция позволяет рассматривать ЭП как поле[6], формируемое пространственными экономическими образованиями, как обладающими системными свойствами, так и не обладающими таковыми, на различных иерархических уровнях.

Для российского экономического пространства идентификация и оценка интеграционных и дезинтеграционных процессов предполагает, что своего рода исходными единицами анализа выступают макроэкономические зоны и экономические макрорегионы. Это своего рода уровень макро-анализа, который изначально предполагает исследование ритмов большой временной длительности.

Характерные черты экономического пространства современной России

Для начала зафиксируем как некую данность: ЭП России уникально, и уникальность эта не только связана с размерами, но и с его неоднородностью. В свою очередь, неоднородность экономического пространства имеет не только собственно экономическую природу, но и неэкономическую, в частности, естественно-историческую и социо-культурную[7].

Но не только неоднородностью и размерами характеризуется нынешнее ЭП России, ему также присущи "рудименты" былых пространственных отношений, доставшиеся, как минимум, от недавнего советского прошлого. И это вполне объяснимо, если вспомнить, что и экономическое пространство, и его "части" обладают таким свойством, как инерционность.

Итак, к настоящему времени ЭП России представляет собой достаточно сложное образование с далеко не ясными перспективами. И не представляется возможным дать однозначный ответ на вопрос: имеем мы дело с деградацией или с развитием ЭП? Но это вовсе не означает, что следует отказаться от попыток ответить на этот вопрос.

По нашему мнению, здесь стоит обратиться к наследию классиков экономической науки. В частности, вспомнить Адама Смита и его тезис: благосостояние населения (страны или региона) определяется производством, а эффективность производства зависит, в свою очередь, от разделения труда, в том числе и от территориального разделения труда (ТРТ). В этой связи уместным будет напомнить, что Р. Коуз полагал (и не без основания), что "Адам Смит был прав, настаивая на важности разделения труда, а мы ошибаемся, пренебрегая им" **[13, с. 93]**.

А теперь вспомним ещё одного классика – К. Маркса, который рассматривал ТРТ как процесс, закрепляющий определённые отрасли за определёнными местностями, то есть районами. Следует со вниманием отнестись к следующим положениям: во-первых, разделение труда (и ТРТ, в том числе) интенсифицируется по мере расширения географических границ рынка, во-вторых, разделение труда в обществе охватывает не только экономику, но

---

[6] Подробно авторская позиция относительно природы и свойств экономического пространства представлена в **[20–22]**.

[7] Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом сюжете: существует достаточно обширная литература. См., например **[9; 12; 23; 30 и др.]**.

и другие сферы общества. Наконец, разделение труда, по мнению К. Маркса, закладывает основу для специализации **[17, с. 266]**. Добавим от себя: в том числе и специализацию экономических районов.

Традиционно, начиная с 20-х гг. прошлого века, принято, что процессы формирования и развития экономических районов определяются ТРТ, а оно, в свою очередь, является исторически изменчивым процессом. То есть имеет место определённое соответствие между этапами (или фазами) развития экономической системы и ТРТ.

Применительно к российскому обществу это находит своё выражение в том, что оно в целом и его территориальная организация, в частности, находятся одновременно под воздействием сразу трёх волн перемен. При этом ни одна из них не является отчётливо преобладающей, поэтому "будущее представляется в расщеплённом виде", а следовательно, "крайне затруднительно выявить смысл изменений и конфликты, которые они порождают" **[27, с. 42]**. Однако тот факт, что "затруднительно выявить смысл изменений" совсем не означает, что выявить этот смысл невозможно. И, по-нашему мнению, в этой связи следует обратить внимание на традиционные инструменты пространственного анализа: экономическое районирование и экономическое зонирование.

О районировании и зонировании как инструментах декомпозиции ЭП

Для начала отметим, что районирование, то есть разбиение целостной пространственной системы (в нашем случае ЭП России) на целостные же части – экономические районы может, в зависимости от целей исследования, осуществляться на различных иерархических уровнях. Но нас интересует только первый уровень декомпозиции (макроэкономические зоны, экономические макрорегионы и сектора), для чего достаточно анализа системы ландшафтных зон, сложившейся территориально-отраслевой структуры экономики и системы расселения населения[8].

И ещё одно замечание общего характера: границы и экономических макрорегионов, и макрозон достаточно условны. Обусловлено это не столько нехваткой необходимой информации (что тоже имеет место), сколько тем, что вслед за Б.Н. Книповичем мы полагаем, что всякая граница экономического района условна, так как "в громадном подавляющем большинстве случаев для нас важнее район в целом, а не относительно узкая переходная полоса" **[11, с. 19]**[9].

Графическое отражение декомпозиции экономического пространства на основе изложенных выше положений представлено на *рис. 1* и *рис. 2*.

Даже беглое ознакомление с приведённой выше системой макрозон даёт основание для очевидного вывода: естественно-историческая обстановка определяет условия, в которых функционирует экономика и проживает население. Конечно, нередко их можно преодолеть, но это сопряжено с издержками как трансформационными, так и транзакционными. Поэтому вовсе не случайно, что расчёты суммарного ВРП по макрозонам за период с 2000 по 2015 гг., приведённые в *табл. 1*, остаются практически неизменными.

Что же касается сетки экономических макрорегионов *(рис. 2)*, то при её разработке авторы не могли пройти мимо предшествующих опытов, естественно, сделав поправку на изменения в территориально-отраслевой структуре экономики, которые произошли за прошедшие годы.

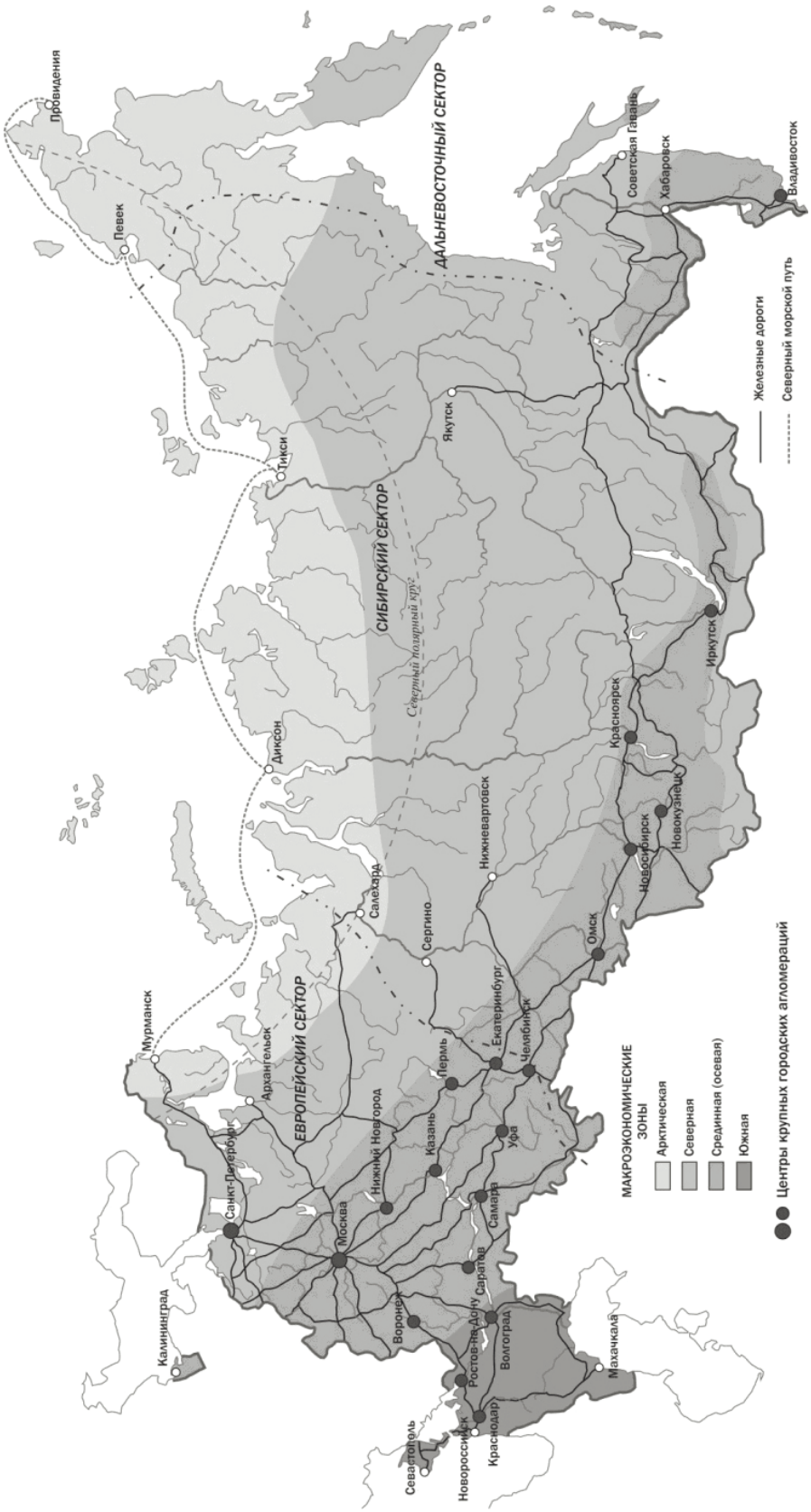
Так как количество различных сеток экономических макрорегионов (крупных или основных экономических районов) трудно поддаётся учёту, поэтому в качестве базовых мы взяли сетки экономических районов Госплана 20-х гг., а также сетку экономических районов, предложенную Н.Н. Колосовским в 1953 г.

---

[8] Подробно о макроэкономическом зонировании: **[2; 28]**, а о выделении секторов в экономическом пространстве России: **[7; 20]**.

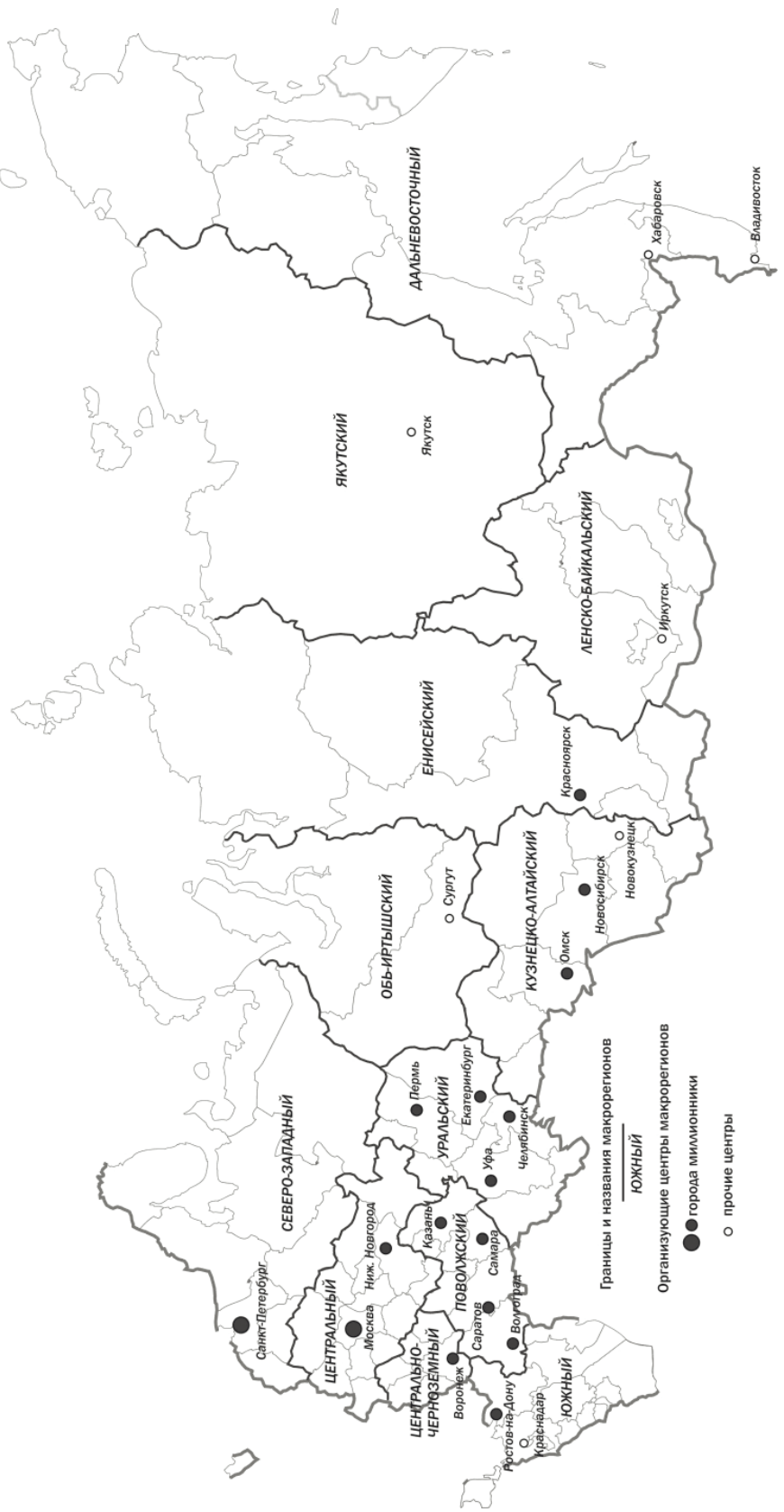
[9] Отметим, что первые сетки экономических районов Госплана имели сугубо схематический характер.

Рисунок 1. Макроэкономические зоны и сектора



Источник: составлено авторами

Рисунок 2. Сетка экономических макрорегионов РФ



Источник: составлено авторами

Таблица 1. Удельный вес экономических макрозон в суммарном ВРП субъектов РФ (в %)

Зона	2000	2009	2015
Срединная	64,96	64,48	64,82
Северная	24,20	24,40	23,57
Арктическая	3,22	2,88	2,84
Южная	7,61	8,25	8,78

Источник: рассчитано по: **[24; 25]**.

Причина такого выбора: во-первых, экономические макрорегионы обладают устойчивостью, так как в явном виде выражен "физико-географический элемент" [10], и, во-вторых, они отличаются друг от друга специализацией. Наконец, мы полагали важным фактором, учитываемым при выделении экономических макрорегионов, наличие явно выраженного районоорганизующего центра (или центров).

Ожидаемо, что для экономических макрорегионов ВРП в 2000–2015 гг., как и в случае с экономическими макрозонами, демонстрируется стабильность *(табл. 2)*.

В макрорегионах с высокой плотностью взаимодействий экономических агентов, как правило, существует единственный организующий центр, обычно в качестве такового в современных российских реалиях выступает городская агломерация с населением не менее 1,5–2,0 млн человек. Типичными экономическими макрорегионами с явно выраженным организующим центром являются Центральный и Северо-Западный, организующими центрами которых выступают Московская и Санкт-Петербургская агломерации. С известными оговорками к этому же типу экономических макрорегионов относится и Центрально-чернозёмный с Воронежской агломерацией в качестве организующего центра.

В то же время в Европейской России в настоящее время сложились экономические макрорегионы, например, Уральский, Поволжский и Южный, которые имеют несколько организующих центров (ядер), что даёт основание предположить формирование в их пределах новых экономических макроегионов[11].

В Сибири, за исключением Обь-Иртышского макрорегиона, все остальные имеют явно выраженные районоорганизующие центры, которые, как правило, уступают своим аналогам из Европейской России.

Дальний Восток в его сегодняшней конфигурации представляет собой нечто иное. Это макрорегион с низкой плотностью взаимодействий экономических агентов и в то же время с наличием нескольких центров (ядер), ни один из которых не может считаться общерегиональным организующим центром. Фактически в настоящее время на Дальнем Востоке два организующих центра – Южно-Приморская и Хабаровская агломерации. И от того, насколько эффективно они будут взаимодополнять друг друга во взаимодействии с центрами второго порядка, в немалой мере зависит экономическое развитие всего Дальневосточного макрорегиона.

---

[10] В свое время В.П. Семенов-Тян-Шанский утверждал, что "Они [экономические районы] тем прочнее, чем сильнее в них выражен физико-географический элемент. Вообще этому последнему во всех сомнительных случаях районирования по совокупности тех или иных признаков должны отдаваться явное предпочтение и руководящаяся роль **[27, с. 25]**.

[11] Здесь следовало бы остановиться на том, каким образом происходят изменения в конфигурации и структуре районов, что само по себе крайне важно. Но авторы посчитали возможным ограничиться суждением по этому вопросу В.П. Семенова-Тян-Шанского: "Районы живут и видоизменяются в пространстве… Эти изменения сводятся к слитию и раздроблению районов, а также к их рассасыванию и перерождению. Слитие происходит путем выпадения признаков…" **[27, с.16]**.

Таблица 2. Удельный вес экономических макрорегионов в суммарном ВРП субъектов РФ (в%)

Регион	2000	2009	2015
Центрально-черноземный	3,67	3,63	4,19
Центральный	32,72	33,32	32,20
Северо-западный	9,82	10,26	10,36
Южный	6,50	7,26	7,84
Поволжский	8,95	8,44	8,82
Уральский	11,69	11,14	11,67
Обь-Иртышский	9,09	8,83	7,92
Кузнецко-Алтайский	6,19	6,19	5,94
Ленско-Байкальский	2,54	2,52	2,67
Енисейский	3,80	3,44	3,56
Якутский	1,31	1,12	1,15
Дальневосточный	3,73	3,84	3,68

Источник: рассчитано по: **[24; 25]**.

Стабильность пространственной структуры экономики РФ очевидна, но она же свидетельствует о том, что сложившаяся система процессов интеграции и дезинтеграции если и изменяется, то крайне медленно, постепенно. Но одновременно следует признать, что даже на первом уровне делимитации ЭП имеет место значительное разнообразие в территориально-отраслевой структуре экономики, и разнообразие это не уменьшается.

Заключение

Если мы действительно ставим вопрос о модернизации экономического пространства России, о "пространственном развитии" России, то на повестку дня выходят не столько поиски мер по содействию интеграционных процессов и предотвращению фрагментационных, сколько поиск механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального ЭП. При этом необходимо иметь в виду, что в последние десятилетия на различных иерархических уровнях экономического пространства имеет место усиление неэкономических факторов, оказывающих влияние как на интеграционные, так и дезинтеграционные процессы.

При этом следует иметь в виду, что экономическое пространство не тождественно пространству политическому, поэтому придётся признать: декомпозиция ЭП – задача не тривиальная. Но её решение не только позволяет расширить аналитический инструментарий регионального экономического анализа, но и позволит более обоснованно подойти к решению проблем пространственного развития, как на национальном, так и на субнациональном и региональном уровне.

А вот попытки создать унифицированные механизмы (институты) регионального развития есть не лучший способ "пространственного развития".

Литература

1. Баласса Б. Экономическая интеграция // Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 220–232.
2. Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.
3. Горбанёв В.А., Кочуров Б.И.Проблемы территориального районирования России: национальные и международные аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4. С. 23–54.
4. Горюнов А.П., Белоусова А.В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. № 4. 2017. С. 81–100.
5. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Декомпозиция национального экономического пространства: Тенденции и прогноз // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / М.: РАН. ИНИОН, 2018. Ч. 2. С. 854–857.
6. Демьяненко А.Н., Кольцов В.В. Индустриализация в СССР в реконструктивный период: опыт историко-географического исследования // Известия Всесоюзного Географического общества. 1988. Вып. 2. С. 403–409.
7. Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20.
8. Дружинин А.Г. Евразийские тренды южнороссийской динамики: общественно-географический аспект // Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 404–419.
9. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
10. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. № 4. 2003. С. 69–92.
11. Книпович Б.Н. Сельско–хозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. 192 с.
12. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.
13. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М.: СПб.: Изд–во Института Гайдара, 2015. 288 с.
14. Лаженцев В.Н. Некоторые итоги изучения пространственных аспектов развития Европейского Севера России // Регионалистика. 2015 Т. 2. No.1. С. 42–48.
15. Лаженцев В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург-Сыктывкар, 2014. 236 с.
16. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. М.: УРСС, 2000. 368 С.
17. Маркс К. Капитал. Т. I. // Собр. соч. Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 908 с.
18. Мезоэкономика развития. М.: Наука, 2011. 805 с.
19. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Горюнов А.П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / М.: РАН. ИНИОН, 2018. Ч. 2. С. 885–888.
20. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
21. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
22. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию // Регионалистика. 2017. № 1. С. 5–14.
23. Михеева Н.Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: Экономика и социология. 2016. № 4 (92). С. 196–217.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 25 сентября 2018).
25. Регионы России. Социально–экономические показатели – 2012. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/Main.htm (дата обращения: 25 сентября 2018).
26. Руднева А.С. Поляризация освоенного пространства Южного Урала как аспект развития территории // Вестник Оренбургского Государственного Университета. № 11. 2017. С. 102–105.
27. Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1929. 311 с.
28. Тихоокеанская Россия – 2030: прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. 560 с.
29. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.

30. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа–ПресС. 2013. 664 С.
31. Экономическая интеграция: пространственный аспект. М.: Экономика, 2004. 352 с.
32. Sola Perea M. de., Van Nieuwenhuyze Ch. Financial integration and fragmentation in the euro area // Economic Review. National Bank of Belgium. June 2014. Issue I. P. 99–125.
33. Prema–Chandra Athukorala, Nobuaki Yamashita. Production Fragmentation and Trade Integration: East Asia in a Global Context // The North American Journal of Economics and Finance. 2005. Volume 17. Issue 3. December 2006. P. 233–256.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Balassa B. EHkonomicheskaya integratsiya // EHkonomicheskaya teoriya. M.: INFRA-M, 2004. S. 220–232.
2. Vishnevskij D.S., Dem'yanenko A.N. Makroehkonomicheskoe zonirovanie kak metod regional'nogo strategicheskogo analiza: Dal'nij Vostok Rossii // Prostranstvennaya ehkonomika. 2010. № 4. S. 6–31.
3. Gorbanyov V.A., Kochurov B.I.Problemy territorial'nogo rajonirovaniya Rossii: natsional'nye i mezhdunarodnye aspekty // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2018. № 4. S. 23–54.
4. Goryunov A.P., Belousova A.V. Protsessy integratsii i fragmentatsii ehkonomicheskogo prostranstva: struktura sistem rasseleniya // Prostranstvennaya ehkonomika. № 4. 2017. S. 81–100.
5. Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M. Dekompozitsiya natsional'nogo ehkonomicheskogo prostranstva: Tendentsii i prognoz // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 13 / M.: RAN. INION, 2018. CH. 2. S. 854–857.
6. Dem'yanenko A.N., Kol'tsov V.V. Industrializatsiya v SSSR v rekonstruktivnyj period: opyt istoriko-geograficheskogo issledovaniya // Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo obshhestva. 1988. Vyp. 2. S. 403–409.
7. Dem'yanenko A.N. O dekompozitsii ehkonomicheskogo prostranstva v predelakh Dal'nevostochnogo makroregiona // Regionalistika. 2018. T. 5. № 2. S. 5–20.
8. Druzhinin A.G. Evrazijskie trendy yuzhnorossijskoj dinamiki: obshhestvenno-geograficheskij aspekt // Problemy regional'nogo razvitiya Rossii. M.: Kodeks, 2016. S. 404–419.
9. Zubarevich N.V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya. M.: Nezavisimyj institut sotsial'noj politiki, 2010. 160 s.
10. Ioffe G.V., Nefedova T.G. Fragmentatsiya sel'skogo prostranstva Rossii // Vestnik Evrazii. № 4. 2003. S. 69–92.
11. Knipovich B.N. Sel'sko–khozyajstvennoe rajonirovanie. M.: Novaya derevnya, 1925. 192 s.
12. Kolomak E.A. Prostranstvennaya kontsentratsiya ehkonomicheskoj aktivnosti v Rossii // Prostranstvennaya ehkonomika. 2014. № 4. S. 82–99.
13. Kouz R. Ocherki ob ehkonomicheskoj nauke i ehkonomistakh. M.: SPb.: Izd–vo Instituta Gajdara, 2015. 288 s.
14. Lazhentsev V.N. Nekotorye itogi izucheniya prostranstvennykh aspektov razvitiya Evropejskogo Severa Rossii // Regionalistika. 2015 T. 2. No.1. S. 42–48.
15. Lazhentsev V.N. Soderzhanie, sistemnaya organizatsiya i planirovanie territorial'nogo razvitiya. Ekaterinburg-Syktyvkar, 2014. 236 s.
16. Leksin V.N., SHvetsov A.N. Gosudarstvo i regiony. M.: URSS, 2000. 368 S.
17. Marks K. Kapital. T. I. // Sobr. soch. Marks K. i EHngel's F. T. 23. M.: Gospolitizdat, 1960. 908 s.
18. Mezoehkonomika razvitiya. M.: Nauka, 2011. 805 s.
19. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Goryunov A.P. Metodologiya issledovaniya integratsii i fragmentatsii v ehkonomicheskom prostranstve Rossii // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 13 / M.: RAN. INION, 2018. CH. 2. S. 885–888.
20. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Ocherki po prostranstvennoj ehkonomike. KHabarovsk: IEHI DVO RAN, 2014. 272 s.
21. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Prostranstvennaya ehkonomika: ehvolyutsiya podkhodov i metodologiya // Prostranstvennaya ehkonomika. 2010. № 2. S. 6–32.
22. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. EHkonomicheskoe prostranstvo sovremennoj Rossii i podkhody k ego issledovaniyu // Regionalistika. 2017. № 1. S. 5–14.
23. Mikheeva N.N. Diversifikatsiya struktury regional'nogo khozyajstva kak strategiya rosta: za i protiv // Region: EHkonomika i sotsiologiya. 2016. № 4 (92). S. 196–217.
24. Regiony Rossii. Sotsial'no–ehkonomicheskie pokazateli – 2017. // Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (data obrashheniya: 25 sentyabrya 2018).

25. Regiony Rossii. Sotsial'no–ehkonomicheskie pokazateli – 2012. // Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/Main.htm (data obrashheniya: 25 sentyabrya 2018).
26. Rudneva A.S. Polyarizatsiya osvoennogo prostranstva YUzhnogo Urala kak aspekt razvitiya territorii // Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. № 11. 2017. S. 102–105.
27. Semenov-Tyan-SHanskij V.P. Rajon i strana. M.-L.: Gosizdat, 1929. 311 s.
28. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: prognozirovanie regional'nogo razvitiya. KHabarovsk: IEHI DVO RAN, 2010. 560 s.
29. Toffler EH. Tret'ya volna. M.: AST, 1999. 784 c.
30. Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federatsii: mezhdistsiplinarnyj sintez. M.: Media–PresS. 2013. 664 S.
31. EHkonomicheskaya integratsiya: prostranstvennyj aspekt. M.: EHkonomika, 2004. 352 s.
32. Sola Perea M. de., Van Nieuwenhuyze Ch. Financial integration and fragmentation in the euro area // Economic Review. National Bank of Belgium. June 2014. Issue I. P. 99–125.
33. Prema–Shandra Athukorala, Nobuaki Yamashita. Production Fragmentation and Trade Integration: East Asia in a Global Context // The North American Journal of Economics and Finance. 2005. Volume 17. Issue 3. December 2006. P. 233–256.

Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект.

Цель данной работы привлечь внимание к некоторым проблемам методологического характера в исследовании интеграционных и дезинтеграционных процессов в экономическом пространстве (ЭП) современной России. Авторы предлагают рассматривать интеграцию и дезинтеграцию как взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы в ЭП. Следовательно, приоритетом региональной политики становится поиск механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального ЭП. Решение этой задачи не только позволяет расширить аналитический инструментарий регионального экономического анализа, но и позволит более обоснованно подойти к решению проблем пространственного развития как на национальном, так и на субнациональном и региональном уровне.

Ключевые слова: *экономическое пространство, экономическая интеграция и фрагментация, регион, экономическое зонирование, макроэкономические зоны, субъекты Федерации, декомпозиция, агломерация*

Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration in Russia's economic space: methodological aspects.

The authors aim to draw attention to certain methodological problems concerning the study of the processes of integration and disintegration in the economic space (ES) of modern Russia. We propose to approach the spatial economic integration and disintegration as two connected and mutually reinforcing processes, as opposed to the traditional approach of viewing one as the "bad" alternative to another – "good" – one. We further suggest that the true goal of regional economic policy should be the search of institutions and mechanisms for the optimal balancing of integration and disintegration within the national ES. The proposed approach to this problem widens the array of analytical instruments of regional economic studies, as well as provides a more solid methodological grounding for solving the various problems of spatial development at both the national and regional levels.

Key words: *economic space, economic space, economic integration and fragmentation, region economic zoning, macroeconomic zones, territorial subjects of the federation, decomposition, agglomeration*

Для цитирования: Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54

For citation: Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration in Russia's economic space: methodological aspects // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54

◆

УДК 910.4:571.62/.63::"1860/1869" *Барбенко Я.А.*

Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1860–1869 гг. Часть 2

В конце 60-х гг. на Дальнем Востоке начинает карьеру путешественника-исследователя Н.М. Пржевальский. Как и многие современники, молодой Пржевальский буквально горел Приамурьем, и, будучи на военной службе, сумел привлечь внимание не только своего начальства, но и научных кругов; в результате его работа в Уссурийском крае имела и военное, и научное покровительство **[19, с. 43]** (ПИМ 54 **[4]**). Пржевальский провёл в крае три сезона, один из которых, тёплое время 1868 г., во многом ушёл на участие в "манзовской войне"[1] **[17, с. 28-29]**. Экспедиция имела комплексные задачи, сам Николай Михайлович пишет о "выполнении служебных поручений и составлении различных коллекций" **[17, с. 29]**, "служебные поручения" имели военное значение и заключались в исследовании путей сообщения между внутренними районами Уссурийского края и а) япономорским побережьем **[16, с. 194]**, б) территориями смежных государств, а также в изучении местных инородцев **[17, с. 12]**. Изучение природы края было поручено путешественнику Сибирским отделом ИРГО **[16, с. 193 сноска]**, однако и сам Пржевальский был глубоко заинтересован этим делом **[17, с. 28]**. Характер исследований был типичен для времени и места выполнения работ – они производились в движении, стационарных долговременных наблюдений не было. В ходе экспедиции велись съёмка местности, метеорологические наблюдения, сбор ботанических, орнитологических и др. коллекций, дневниковые записи. Автор определяет характер сочинения об Уссурийском крае, как "рассказ очевидца о стране, им посещённой" **[17, с. 29]**. На опыте описания сучанской долины ("самого лучшего и плодородного края из всего нашего побережья Японского моря") **[17, с. 166–169]** можно увидеть подход исследователя к изучению условий земледелия. Рассказ о долине Сучана начинается с описания реки, характера её течения и возможностей судоходства; далее следует характеристика особенностей рельефа, в частности, "долина, гладкая, как пол"; впечатление от растительности: "растительная жизнь развивается до огромных размеров"; оценка возможностей почвы и общая структура почвенного слоя; обзор населения долины: китайцы-земледельцы и промышленники, русские переселенцы, их незавидное положение, колонисты из Финляндии. Данное описание по характеру полностью укладывается в авторское определение работы, данное выше: все описания носят поверхностный характер впечатлений. Представляя собой прекрасный образчик очерка региона, по степени детализации и характеру материала описание Южно-Уссурийского края Пржевальским вряд ли может служить специальным руководством для организации аграрного освоения. Известно, однако же, что "Путешествие в Уссурийском крае" служило переселенцам **[21, с. 24]**, возможно, в качестве руководства по выбору мест для водворения.

---

[1] Вооружённые беспорядки в Южно-Уссурийском округе Приморской области в 1868 г., в ходе которых банда хунхузов совершила нападения на несколько русских селений. Подробнее см. **[12]**.

© *Барбенко Я.А., 2018*

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** prohist@ya.ru

Продолжение: Часть 1 см. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 57–65.

В 1868 г. было предпринято обследование состояния лесов в Южно-Уссурийском крае, на смену заболевшему Будищеву в качестве руководителя пришёл А. Петрович **[1, с. 140–141]** (ПИМ 55 **[4]**), оставшийся на посту производителя лесных работ в крае и далее **[13, с. 482]**. В рамках данного ПИМ были описаны породы деревьев и выявлены места скопления строевого леса. Петрович продолжил эти работы в ином ключе в 1868–1869 гг. на о. Русском, проводя инструментальную съёмку и межевание угодьев в интересах финской колонии, размещающейся во владениях Сибирского удельного ведомства на южно-уссурийском побережье **[15, с. 2]** (ПИМ 56 **[4]**).

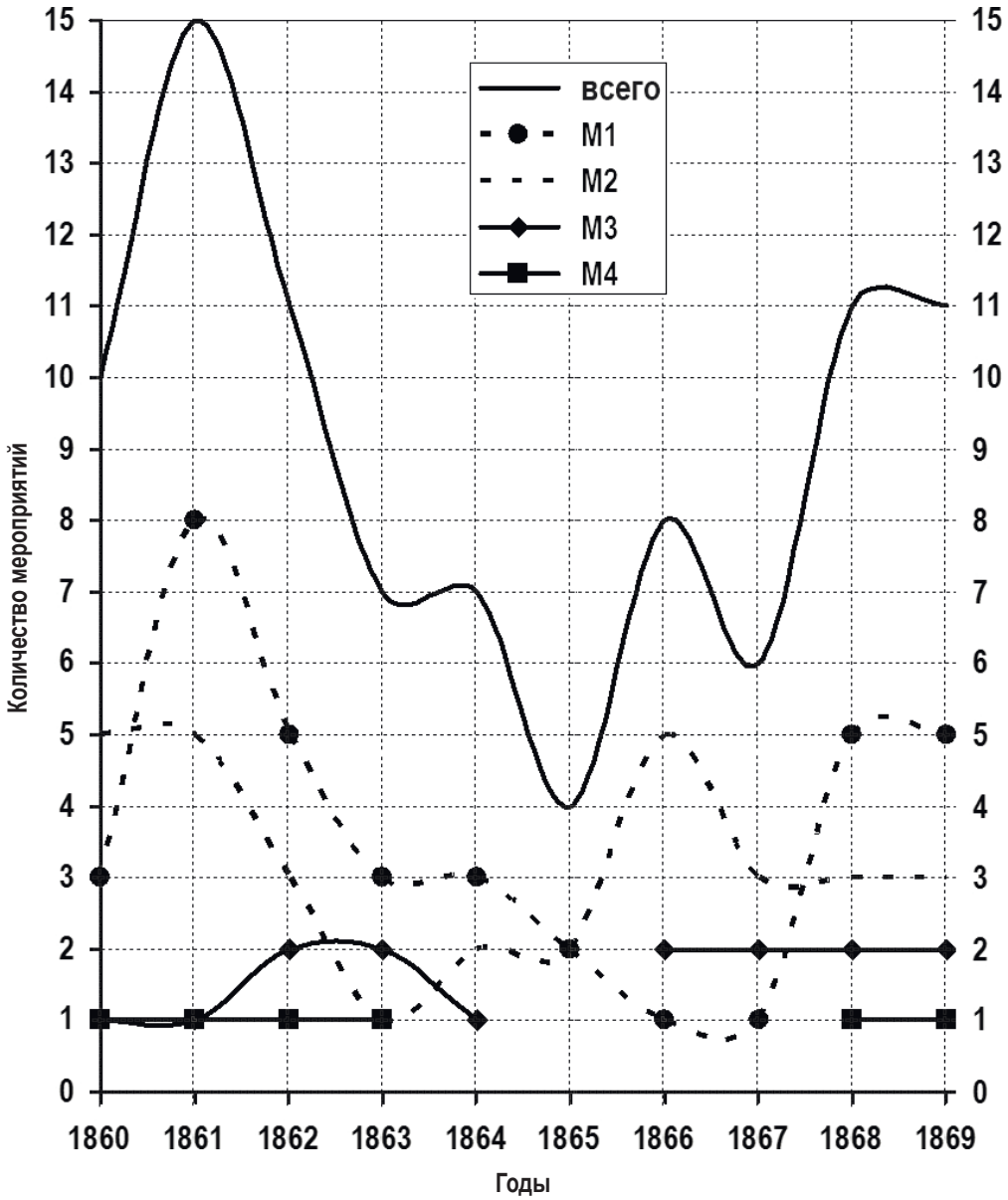
В течение 1868–1869 гг. в Южно-Уссурийском крае на о. Аскольд и о. Путятин вёл поиски горный инженер И.В. Баснин **[16, с. 72]** (ПИМ 60 **[4]**). К этому же времени, 1868–1869 гг., относятся геологические изыскания И.А. Лопатина на о. Аскольд, в Уссурийском крае и на Нижнем Амуре **[11, с. 22]** (ПИМ 61 **[4]**). К 1869 г. относится топографическая съёмка Южно-Уссурийского края, проводимая чинами Восточно-Сибирского военно-топографического отдела **[18, с. 259]** (ПИМ 62 **[4]**).

Во второй половине 1869 г. Приморскую область посетила комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова, фаза её полевой активности продолжалась с конца июня по октябрь **[8, с. 6]**. Несмотря на то, что комиссия была снабжена инструкцией, включавшей структурированную программу исследования из 11 пунктов с подпунктами **[9, с. 440–446]**, её работа не может быть квалифицирована как "поисково-исследовательская". Во-первых, комиссия изучала обстановку на местности всего четыре месяца, за которые были посещены Амур, Сахалин, побережье Приморской области, что уже затрудняет более или менее детальное изучение. Во-вторых, из известных результатов работы комиссии интерес для данного исследования могут представлять тексты А.П. Людоговского, О.А. Дейхмана, П.И. Кафарова, бывших в штате комиссии **[9, с. 21]**, и Б.И. Дыбовского, исполнявшего роль врача при генерале Сколкове **[8, с. 6]**. При этом работы Людоговского **[9, с. 120–299]** и Дейхмана **[9, с. 300–317; 7]** несут явные следы камеральной работы, основой этих сочинений являются литературные и документальные источники, а посещение исследуемых территорий выполняло главным образом функцию контроля используемых данных. С учётом того, что Дыбовский (авторитетный по сию пору зоолог) вёл исследования неофициально и отказался от платы за услуги, оказанные комиссии **[6, с. 239]**, то от поискового потенциала комиссии остаются только усилия Кафарова, его работа будет рассмотрена отдельно.

Бенедикт Дыбовский, случайно оказавшись в составе комиссии Сколкова, помимо прямых обязанностей занимался и исследованиями: "…я обратил особое внимание на ихтиологическую фауну Амура и на быт туземнаго населения" **[8, с. 6]** (ПИМ 63 **[4]**). Источниками о деталях данного путешествия являются "О Сибири и Камчатке" (1912 г.) **[22]** и "Дневник доктора Бенедикта Дыбовского, начатый с 1862 года до 1878 года", (1930 г.), вышедшие на польском языке **[23]**. Несмотря на широкую географию перемещений Дыбовского с государственной комиссией, его дорожные воспоминания (как, впрочем, и его статьи в научных изданиях) дают мало информации, и самого общего характера, по интересующему нас вопросу, за исключением данных о разнообразии животного мира.

Начало наблюдений за состоянием атмосферы в районе зал. Посьета, как уже отмечалось в связи с ПИМ 26 **[3, с. 81]**, относится к 1860 г. Начальник Новгородского поста Черкавский, как сообщает источник, в 1861–1862 гг. фиксировал только температуру воздуха **[14, с. 168–169]** (ПИМ 26 **[4]**), хотя в своё время получил от офицера клипера "Наездник" ещё и прибор для измерения атмосферного давления **[5, с. 226]**; вместе с тем, Новгородский пост в 1862 г. был единственным местом на побережье Японского моря, где велись какие-либо метеорологические наблюдения – ближайший метеорологический пост был в Николаевске **[5, с. 226]**! Стационарные метеорологические наблюдения ведутся в бухте Находка с 1868 г. по 1871 г. **[10, с. 9]** (ПИМ 58 **[4]**), совпадая в целом со временем обустройства и активного существования здесь финской колонии **[2, с. 19–47]**, возможно, замеры производились колонистами.

Рисунок 1. Динамика поисково-исследовательской деятельности в южной части Приморской области в 1860–1869 гг., по типам исследований



Источник: составлено автором на основании **[4]**.

Результаты анализа

Итак, для периода 1860–1869 гг. было зафиксировано 43 поисково-исследовательских мероприятия **[4]**. Динамика поисковой работы *(рис. 1)* в первую очередь демонстрирует непрерывность изучения новоприсоединённой окраины: менее одного исследовательского мероприятия в год не осуществлялось. Всплески количества исследований (1861, 1868 и 1869 гг.) отсылают нас к значимым политическим событиям: присоединению Уссурийского края в 1860 г. и Манзовской войне 1868 г. Этот факт может свидетельствовать о подчинении политики исследований военной политике. Информация о регионе собиралась из любых источников и по любому поводу: поездка начальника

постовой команды в поисках продовольствия (ПИМ 36), разведка возможностей проведения телеграфной линии (ПИМ 45), поиск полезных ископаемых (ПИМ 31, 37 и др.). Ниже рассмотрим распределение характеристик поисково-исследовательских мероприятий, опираясь на данные, сгруппированные в сводной таблице **[4]**.

Критерий I Распределение поддержки ПИМ центральными[2], губернскими[3] и местными[4] организациями, а также частными лицами – **10 : 20 : 15 : 3**[5] говорит о существенной трансформации политики исследований по сравнению с предшествующим периодом: если в 50-е гг. наблюдалось равновесие в участии центра и периферии **[3, с. 82]**, то в 60-е тяжесть исследований несёт окраина, причём местные власти (как областного, так и нижележащих уровней) активно включены в процесс изучения региона. Коммерческий и познавательный интерес частных лиц, малозначительный на общем фоне, становится заметным при дифференциации типов кураторов. Распределение поддержки АКИ – **3 : 6 : 2 : 1**, в целом соответствует картине предыдущего периода: очевиден приоритет сибирских организаций и заметен вклад приморских. Распределение поддержки научными[6] и ненаучными[7] организациями в вопросе изучения региона в целом – **4 : 40**, как и в 50-е, отсылает к политизированности исследовательских усилий русских в Приамурье в изучаемое время. В контексте АКИ (типы исследований М3 и М4) заявленное распределение поддержки научными и ненаучными организациями – **2 : 10** может, пожалуй, только подтвердить приоритет политического и хозяйственного (а не чисто познавательного) интереса к региону. Хронологизация критерия I показывает, что столичные организации проявляли исследовательский интерес к региону главным образом в начале десятилетия – большая часть поддержки центра приходится на период по 1864 г.. То же самое относится и к поддержке исследований научными организациями – главным образом первая половина декады.

Критерий II.1 Сопоставление "исследовательских" и "иных" задач поисков – **42 : 1** – показывает концептуальный характер исследований, только один случай из 43 не имел познавательных задач, но имел познавательные результаты. Соотношение "аграрно-колонизационных" и "иных" установок поиска – **7 : 43** – говорит о том, что аграрно-колонизационная проблематика в исследованиях 60-х гг. уже не была случайной, однако соотношение, на фоне декларации правительства о привлечении в Приамурье переселенцев, остаётся неблагоприятным. Целенаправленность аграрно-колонизационных исследований, исходя из совпадения АКИ-целей и АКИ-результатов (ПИМ 24, 42, 51, 53, 59) и побочного появления АКИ-результатов (ПИМ 22, 24, 33, 40, 42, 43, 53, 54) – **5 : 8**, представляется относительно слабой – ведь большая часть исследований, давших полезные сведения, была организована совсем по другим вопросам! Если же мы выделим из числа целевых АКИ специализированные, то есть такие, которые были бы полностью и только посвящены изучению условий агарной колонизации, соотношение иных целевых (ПИМ 24, 42, 53) и специализированных (ПИМ 51, 59) АКИ – **3 : 2** – будет не в пользу последних. Расширив рамки до любых исследований, имевших развитые АКИ-результаты, можно сказать, что из 10 таковых лишь 2 были организованы со специализированной целью. Это обстоятельство позволяет сказать, что аграрно-колонизационные исследования в 60-е гг. находились на периферии задач колонизации, а заметные результаты обеспечивались, видимо, частным энтузиазмом колонизаторов нового края. Хронологизация критерия

---

[2] ВМ, ИАН, ИРГО, МГИ, ММ. См. полные названия ведомств в комментарии к таблице **[4]**).

[3] ВСГГ, ИРГО СО.

[4] ПОП, СУВ.

[5] Здесь и далее возможные несовпадения количества ПИМ с общей их суммой связано с соучастием организаций из сравниваемых групп, а значит и учётом конкретного мероприятия в каждой из групп.

[6] ИАН, ИРГО, ИРГО СО, частн. лица ПИМ 26 и 63.

[7] ВМ, ВСГГ, МГИ, ММ, ПОП, СУВ, частн. лицо ПИМ 43.

II.1 показывает, что АК-цели ставились перед исследованиями на протяжении всего десятилетия, только 1865 г. прошёл, по-видимому, без изучения аграрно-колонизационной проблематики в крае.

Критерий II.2 Отношение степени готовности специалистов вести АКИ, неспециалисты и специалисты, – **4 : 39** – говорит о высоком профессиональном уровне исследований; интересно, что неспециалисты вели работы только в 1860–1862 гг. Картина АК-ценных исследований несколько иная – распределение непрофессионалов и профессионалов в этой области – **9 : 1** – говорит о том, что исследования, в сущности, велись случайными людьми (что неудивительно на фоне кадрового голода окраины). Таким образом, в плане кадрового обеспечения АКИ продолжается тенденция 50-х гг.

Критерий II.3.1 Соотношение мобильных и стационарных наблюдений – **37 : 6**, раскрывающее методические возможности исследований, в целом сохраняется на уровне предыдущего десятилетия, однако следует указать на появление нового вида работ, который можно отнести к стационарным, землеотводы – они ведутся на большей части изучаемого периода. Именно землеотводные работы, оставляя значимый АКИ-результат, создают новую картину соотношения мобильных и стационарных АКИ – **8 : 2**.

Критерий II.3.2 Баланс технических, а значит и методических, средств исследований (глазомерные, инструментальные, комплексные), влияющих на точность наблюдений и адекватность суждений и выводов – **19 : 9 : 15** – говорит о всё ещё большой доле глазомерных наблюдений, что можно принять в условиях начального проникновения в регион. Соотношение средств АК-исследований – **5 : 1 : 4** – являет новую картину: половина работ опирается на визуальные наблюдения и оценки, а вторая половина проведена с использованием технических средств, наконец, зафиксировано одно исследование, полностью базирующееся на результатах инструментального измерения.

Критерий II.4 Отношение опубликованных и неопубликованных результатов исследований – **28 : 16** – в пользу открытых данных, степень же доступности результатов АКИ по сравнению с 50-ми годами уже неполная – **8 : 3**, однако выше общего фона исследований, что имеет значение для аграрно-переселенческой политики, получающей таким образом устойчивое информационное основание.

Критерий III Порядок сбора АК-информации является одним из показателей аграрно-колонизационных исследований как таковых. В рамках выявленного круга исследований соотношение порядка сбора: отсутствия, попутного, целенаправленного – **18 : 17 : 7** – только в самых общих чертах совпадает с раскладкой типов исследования *(табл. 1, стрк. 2, 4)*. Для аграрно-колонизационных исследований распределение попутного и целенаправленного порядков сбора – **3 : 5** – является в целом ожидаемым. Бросается в глаза "потеря" двух случаев целенаправленного сбора информации – это объясняется тем, что данные случаи (ПИМ 52 и 56), имея предпосылки (в т. ч. по критерию III), так и не реализовались в полноценные АКИ.

Критерий IV Содержание исследований имеет определяющее значение для их квалификации в качестве аграрно-колонизационных и для внутренней дифференциации группы АК-исследований. На протяжении изучаемого периода можно выделить два отрезка, разнящихся интенсивностью и распределением типов исследований *(рис. 1)*. На первую половину 60-х приходится большая часть исследований, представлены все их типы, выстраивается своеобразная иерархия распространённости типов – менее специализированные (относительно АКИ) исследования оказываются более распространёнными. Вторая половина декады демонстрирует спад исследований типа М1 и относительную стабильность исследований типов М2, М3 и М4 *(рис. 1)*. Для данного десятилетия исследования М1 – это, как правило, топографические экспедиции; падение их интенсивности во второй половине декады явно нельзя объяснять успехами топографических съёмок первой половины и вряд ли можно объяснять падением интереса центральных ведомств, отмеченным в рамках анализа по критерию I. Сравнивая соотношение типов за весь период, следует отметить падение доли АКИ в общем количестве на фоне роста суммы исследований. Тем не менее, сравнивая распределение типов за 1850–1860 **[3, с. 84** *(табл. 1, стрк. 5, 7)***]** и за 1860–1869 гг. *(табл. 1, стрк. 5, 7)*, можно видеть сохранение пропорций – это позволяет говорить о преемственности

Таблица 1. Распределение типов поисково-исследовательских мероприятий, 1860–1869 гг.

1	Тип	М1	АКИ			Всего
			М2	М3	М4	
2	Количество	20	13	8	2	43
3	Кол-во, модификация 1	20	23			43
4	Кол-во, модификация 2	20	13	10		43
5	Доля,%	46,51	30,23	18,61	4,65	100
6	Доля,%, модификация 1	46,51	53,49			100
7	Доля,%, модификация 2	46,51	30,23	23,26		100

Источник: составлено автором на основании **[4]**.
Примечание: модификация предлагает различные виды группировки АКИ для большей наглядности – 1) общая сумма и 2) группа исследований (М3, М4), имеющих по степени полноты материала самостоятельное АК-значение.

"стиля" исследования региона, а может быть, и политики в области исследования региона в 60-е гг. XIX в. по отношению к 50-м годам.

Длительность Собранный материал позволяет оценить и длительность поисково-исследовательских мероприятий. Общее соотношение краткосрочных (длившихся один сезон) и долгосрочных (длившихся два сезона и более) для 60-х – 23 : 20, для 50-х годов – 17 : 9, см. **[3, с. 89–91]**, несмотря на приоритет краткосрочных исследований в оба периода, почти двукратная разница в первую декаду сменяется выравниванием количества во второй. Распределение типов в рамках АК исследований для 60-х – 5 : 4, для 50-х годов – 6 : 1, см. **[3, с. 89–91]**, динамика баланса в рассматриваемые десятилетия для АК-ценных исследований остаётся такой же, как и для общего круга исследовательских работ. В целом рост количества и доли долговременных исследований может свидетельствовать о расширении географии проектов и детализации их результатов, однако приведённые в данной работе сведения не дают пока устойчивых оснований для подобных выводов.

* * *

Новый виток аграрно-колонизационных исследований наследует многие черты предыдущего этапа: подчинённость АКИ внешним задачам, открытость результатов, недостаток специалистов, энтузиазм и любительщина как значимая характеристика мотивации исследователей к разработке АКИ проблематики параллельно выполнению служебных задач. Вместе с тем, именно с 1860 г. в Приморье целенаправленно ведутся аграрно-колонизационные исследования, то есть 60-е годы открывают своеобразную эпоху в изучении региона. Среди новаций в организации исследований необходимо отметить появление стационарных инструментальных АКИ, что повышает уровень их результатов, а также существенный рост количества долговременных исследований. Таким образом, существуют основания зафиксировать полезное развитие аграрно-колонизационных исследований, их количественный и качественный рост, заложившие информационную и методическую основу сопровождения массового земледельческого освоения Приморья в последующие десятилетия.

Литература

1. Александровская Л.В. Иван Васильевич Фуругельм: двадцать лет на Восточном океане: Документально-историческое повествование. Владивосток: Изд-во ПИППКРО, 2007. 344 с.

2. Александровская Л.В. Тихоокеанская трилогия. Документально-историческое повествование. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2001. 346 с.

3. Барбенко Я.А. Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX веков как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1850–1860 гг. // Известия Восточного института. 2016. № 4. С. 73–91.

4. Барбенко Я.А. Каталог поисково-исследовательских мероприятий на территории юга Приморской области в 1850–1910 гг. [Электронный ресурс] // "Ойкумена. Регионоведческие исследования": [сайт]. URL: http://ojkum.ru/images/katalog_pim_1850-1910.pdf (дата обращения: 07.05.2018).

5. Бурачек Е. Воспоминания заамурскаго моряка. Жизнь в Владивостоке. 1862 год // Морской Сборник. 1865. Т. 80. № 10, отд. III. С. 225–262.

6. Грицкевич В. От Немана к берегам Тихого океана. Мн.: Полымя, 1986. 304 с.

7. Дейхман. Горная промышленность на Амуре и прибрежьях Приморской области / О.А. Дейхман // Горный журнал. 1871. № 5. С. 279–328.

8. Дыбовский Б. Автобиография // Пятидесятилетие Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества: юбилейный сборник. Вып. 1: Фауна Байкала / ред. А. Коротнев. Киев: б. и., 1901. С. 1–12.

9. Из предыстории сахалинской каторги. При-амурская комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова (1869–1870 гг.) / Сост. В. М. Латышев, Г. И. Дударец. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 2015. 460 с.

10. Кирилов Н.В. Изучение климата Приморскаго района. Метеорологическая хрестоматия для Дальняго Востока. Владивосток, б. и., 1914. 264 с.

11. Клеопов И.Л., Лопатин И.А. Очерк жизни и научной деятельности. Неопубликованные дневники, письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964. 200 с.

12. Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток. 1868 год. СПб.: Изд-во ОСТРОВ, 2004. 146 с.

13. Леса Дальнего Востока глазами первопроходцев / сост.: Ю.И. Манько, А.Ж. Пуреховский. СПб: Изд. Д. В. Львов, 2016. 512 с.

14. Лопатин И. Обзор южной части Приморской области Восточной Сибири за р. Суйфуном // Записки Сибирскаго Отдела ИРГО. Кн. VII. 1864, отд. I. С. 166–206.

15. Надаров И. Двадцатипятилетие Владивостока // Материалы к изучению Уссурийскаго края. Доклады в Обществе изучения Амурскаго края И. Надарова. Владивосток: б. и., 1886. С. 1–5.

16. Письмо штабс-капитана Пржевальскаго к правителю дел Сибирскаго Отдела о результатах его изследований на р. Усури и озере Ханка, летом 1867 г. / Н.М. Пржевальский // Известия ИРГО. 1868. Т. IV, отд. II. С. 193–195.

17. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 336 с.

18. Смагин Р.Ю. Военно-топографическая служба в Сибири в XIX – начале XX века. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2015. 366 с.

19. Схиммельпеннинк ван дёр Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.

20. Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока (Материалы к биобиблиографии исследователей). Вып. 1 (1639–1939). Владивосток: Дальнаука, 2007. 667 с.

21. Чарнецкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем // Советское Приморье. 1925. № 3. С. 10–36.

22. Dybowski B. O Syberyi i Kamczatce. Warszawa, Kraków, [1912]. 563 s.

23. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 630 s.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrovskaya L.V. Ivan Vasil'evich Furugel'm: dvadtsat' let na Vostochnom okeane: Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie. Vladivostok: Izd-vo PIPPKRO, 2007. 344 s.
2. Aleksandrovskaya L.V. Tikhookeanskaya trilogiya. Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2001. 346 s.
3. Barbenko YA.A. Issledovatel'skaya rabota na yuge Dal'nego Vostoka vtoroj poloviny XIX – nachala KHKH vekov kak predposylka upravleniya agrarnoj kolonizatsiej: praktika 1850–1860 gg. // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2016. № 4. S. 73–91.
4. Barbenko YA.A. Katalog poiskovo-issledovatel'skikh meropriyatij na territorii yuga Primorskoj oblasti v 1850–1910 gg. [EHlektronnyj resurs] // "Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya": [sajt]. URL: http://ojkum.ru/images/katalog_pim_1850-1910.pdf (data obrashheniya: 07.05.2018).
5. Burachek E. Vospominaniya zaamurskago moryaka. ZHizn' v Vladivostoke. 1862 god // Morskoj Sbornik. 1865. T. 80. № 10, otd. III. S. 225–262.
6. Gritskevich V. Ot Nemana k beregam Tikhogo okeana. Mn.: Polymya, 1986. 304 s.
7. Dejkhman. Gornaya promyshlennost' na Amure i pribrezh'yakh Primorskoj oblasti / O.A. Dejkhman // Gornyj zhurnal. 1871. № 5. S. 279–328.
8. Dybovskij B. Avtobiografiya // Pyatidesyatiletie Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva: yubilejnyj sbornik. Vyp. 1: Fauna Bajkala / red. A. Korotnev. Kiev: b. i., 1901. S. 1–12.
9. Iz predystorii sakhalinskoj katorgi. Pri-amurskaya komissiya general-ad"yutanta I.G. Skolkova (1869–1870 gg.) / Sost. V. M. Latyshev, G. I. Dudarets. YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalin. obl. kraeved. muzej, 2015. 460 s.
10. Kirilov N.V. Izuchenie klimata Primorskago rajona. Meteorologicheskaya khrestomatiya dlya Dal'nyago Vostoka. Vladivostok, b. i., 1914. 264 s.
11. Kleopov I.L., Lopatin I.A. Ocherk zhizni i nauchnoj deyatel'nosti. Neopublikovannye dnevniki, pis'ma. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1964. 200 s.
12. Kondratenko R.V. Manzovskaya vojna. Dal'nij Vostok. 1868 god. SPb.: Izd-vo OSTROV, 2004. 146 s.
13. Lesa Dal'nego Vostoka glazami pervoprokhodtsev / sost.: YU.I. Man'ko, A.ZH. Purekhovskij. SPb: Izd. D. V. L'vov, 2016. 512 s.
14. Lopatin I. Obzor yuzhnoj chasti Primorskoj oblasti Vostochnoj Sibiri za r. Sujfunom // Zapiski Sibirskago Otdela IRGO. Kn. VII. 1864, otd. I. S. 166–206.
15. Nadarov I. Dvadtsatipyatiletie Vladivostoka // Materialy k izucheniyu Ussurijskago kraya. Doklady v Obshhestve izucheniya Amurskago kraya I. Nadarova. Vladivostok: b. i., 1886. S. 1–5.
16. Pis'mo shtabs-kapitana Przheval'skago k pravitelyu del Sibirskago Otdela o rezul'tatakh ego izsledovanij na r. Usuri i ozere KHanka, letom 1867 g. / N.M. Przheval'skij // Izvestiya IRGO. 1868. T. IV, otd. II. S. 193–195.
17. Przheval'skij N. Puteshestvie v Ussurijskom krae. 1867–1869 gg. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1990. 336 s.
18. Smagin R.YU. Voenno-topograficheskaya sluzhba v Sibiri v XIX – nachale KHKH veka. Dissertatsiya na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk, 2015. 366 s.
19. Skhimmel'pennink van dyor Oje D. Navstrechu voskhodyashhemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s YAponiej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 421 s.
20. KHisamutdinov A.A. Tri stoletiya izucheniya Dal'nego Vostoka (Materialy k biobibliografii issledovatelej). Vyp. 1 (1639–1939). Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 667 s.
21. CHarnetskij L. Metody i itogi proshloj kolonizatsii Primor'ya i blizhajshie kolonizatsionnye meropriyatiya v budushhem // Sovetskoe Primor'e. 1925. № 3. S. 10–36.
22. Dybowski B. O Syberyi i Kamczatce. Warszawa, Kraków, [1912]. 563 s.
23. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 630 s.

Барбенко Я.А. Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1860–1869 гг. Часть 2.

Работа представляет собой анализ исследовательской деятельности русских в Приамурье в 1860–1869 гг. На основании системы критериев оценена организация и содержание исследований, дана оценка их аграрно-колонизационной составляющей. Данный период наследует многие черты предыдущего десятилетия: подчинённость внешним задачам, открытость результатов, недостаток специалистов, энтузиазм и любительщина как значимая характеристика мотивации исследователей. Выявлены изменения в организации исследований: появляются стационарные инструментальные исследования, растёт количество долгосрочных работ.

Ключевые слова: *Приамурье, аграрная колонизация, управление колонизацией, географические исследования, аграрно-колонизационные исследования*

Barbenko YA.A. Explorations in the south of the Russian Far East in second half XIX – early XX centuries as agricultural colonization management background: 1860 to 1869 practice. Part 2.

Explorations in the south of the Russian Far East second half XIX early XX centuries as agrThe paper presents an analysis of research activities in the Russian Amur region from 1860 through 1869. Based on the system of criteria were evaluated organization and content of the studies, were assessed the agricolonial fieldworks component. Pointed period inherits many features of the previous decade: subordination to external tasks, openness of results, lack of specialists, enthusiasm and amateurism as a significant characteristic of the researchers' motivation. Changes in the organization of researches are revealed: the stationary instrumental researches appear, the quantity of long-term works grows.

Key words: *Amur Region, settler colonialism, colonization management, geographic explorations, agricolonial fieldworks*

Для цитирования: Барбенко Я.А. Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. как предпосылка управления аграрной колонизацией: практика 1860–1869 гг. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 55–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/55-64

For citation: Barbenko YA.A. Explorations in the south of the Russian Far East in second half XIX – early XX centuries as agricultural colonization management background: 1860 to 1869 practice. Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 55–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/55-63

◆

УДК 614.2 (571.6) (091) *Князькина Т.А.*

Строительство медицинских учреждений на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е годы (на примере Камчатской области)

Реализация современной государственной социальной политики в области здравоохранения имеет своей целью улучшение качества медицинской помощи на основе повышения эффективности деятельности медицинских организаций и их работников. Достижение данной цели стало возможно благодаря созданным в советское время учреждениям здравоохранения.

В 1920–1930-е гг. на Дальнем Востоке было положено начало строительству медицинских учреждений и созданию единой системы дополняющих друг друга больниц, амбулаторий, фельдшерских пунктов, аптек и др., обладающих определённой совокупностью видов оказываемой медицинской помощи.

Вопросы истории строительства медицинских объектов на Дальнем Востоке не вызывали особого интереса у исследователей. Большинство трудов по данной тематике создано в 70–80-е гг. XX в. Роль дальневосточной партийной организации в больничном строительстве рассматривали Ю.К. Шомас, Г.Я. Рыжакова. В работах А.В. Исакова, Г.А. Власова, Б.Н. Щупака, А.И. Гореликова были изложены некоторые вопросы строительства учреждений здравоохранения в национальных округах Камчатской области – Корякском (КНО) и Чукотском (ЧНО).

С опорой на опубликованные и неопубликованные источники в данной работе рассмотрены малоизученные страницы истории строительства больничных объектов на Дальнем Востоке на примере Камчатской области.

На 1913 г. на Дальнем Востоке функционировало 72 врачебных участка, 180 фельдшерских пунктов **[4, с. 166]**. На Камчатке лечебную работу осуществляли Петропавловская городская больница на 5 коек и 10 фельдшерских пунктов **[1, с. 199]**. Имеющиеся медицинские учреждения охватывали не всё население; большие территории почти не знали медицинской помощи.

С целью организации лечебного дела в 1922 г. Дальневосточный отдел здравоохранения принял программу-минимум, предусматривающую развёртывание сети лечебных учреждений.

По количественным показателям планируемая медицинская сеть Камчатки существенно уступала другим территориям Дальнего Востока. Согласно программе на Камчатке предполагалось открыть 3 врачебных участка, в том числе 3 врачебных пункта и 6 самостоятельных фельдшерских пунктов, 3 больницы по 10 коек в каждой **(РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 982. Л. 15)**[1]. Тем не менее, учитывая полное отсутствие врачебных пунктов и немногочисленность действующих фельдшерских пунктов и больниц, намеченная программой сеть была крайне необходима населению Камчатки.

Развёртывание лечебной сети планировалось с учётом равномерного охвата всего населения Камчатки, в том числе и туземного. Документы свидетельствуют, что к 1 октября 1925 г. мощность камчатских больниц увеличилась: Петропавловской городской больницы – на 5 коек и больницы в с. Ключи – на 4 койки; функционировали две больницы из трёх. **(РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 982. Л. 92)**. В 1928 г. работали уже 3 врачебных участ-

[1] РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

© *Князькина Т.А, 2018*

КНЯЗЬКИНА Татьяна Анатольевна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Отечества филиала Дальневосточного федерального университета, докторант Дальневосточного федерального университета, доцент Дальневосточного филиала Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России *(г. Петропавловск-Камчатский).* **E-mail:** knyazkina@inbox.ru

ка **[9, с. 69]**. К 1928 г. намеченная программа по развёртыванию медицинской сети на Камчатке была выполнена.

Сеть медицинских учреждений Камчатки увеличивалась за счёт строительства учреждений здравоохранения и расширения или приспособления имеющихся зданий под медицинские пункты.

Для улучшения медицинского обслуживания народностей Севера предполагалось создание культбаз. Культбазы организовывались в виде комплексных учреждений, объединяющих в себе хозяйственную, врачебную работу. Строительство первых культбаз на Дальнем Востоке было запланировано на заседании бюро Комитета Севера 4 апреля 1925 г. В 1926 г. Комитет Севера утвердил проекты и сметы на постройку 3 культбаз в Дальневосточном крае (ДВК) для чукчей, коряк, эвенков **[12, с. 67]**. Каждая культбаза строилась и организовывалась в самых отдалённых частях северных окраин, где не предполагалось иное строительство.

С 1925 г. Дальневосточный краевой исполнительный комитет (ДКИК) приступил к составлению пятилетнего плана строительства лечебных учреждений. В обращении I съезда Советов Дальнего Востока (март 1926 г.) ко всем трудящимся указывалось: "Предстоящая напряжённая хозяйственная работа может быть выполнена успешно только физически здоровыми гражданами… Необходимо… расширить сеть больниц и других лечебных заведений" **[12, с. 128]**. В 1926 г. Дальневосточным краевым отделом здравоохранения был разработан план строительства сети медицинских учреждений. Дальневосточным территориям были даны указания к составлению ориентировочного плана, сметы, однако отпуск средств по утверждённым сметам был недостаточным. Доля расходов на здравоохранение по местному бюджету Дальневосточной области на 1924-1925 гг. была существенно ниже ассигнований на другие отрасли и составляла всего 10% **[11, с. 92]**.

Ассигнования на здравоохранение по государственному бюджету также были незначительны: выделяемые дотации отпускались в небольших размерах. Так, из определённых на основании постановления СНК РСФСР (январь 1928 г.) средств на улучшение медицинского обслуживания переселенцев в 1927–1928 гг. в сумме 654 тыс. руб. было получено только 345 тыс. руб. **[11, с. 110]**.

Между тем подавляющее большинство средств на здравоохранение выделялось за счёт местного бюджета. Если в первые годы социалистического строительства на Дальнем Востоке средства на здравоохранение, выделяемые местными органами власти, составляли около 10% местного бюджета, то к 1928 г. наблюдалось увеличение затрат на охрану здоровья населения относительно других расходов по местному бюджету Камчатки; они составили на 19,7% выше, чем в других округах ДВК **[11, с. 110]**. Однако их было мало. Недостаточность средств, отпускаемых на здравоохранение местным бюджетом, приводила к снижению темпа развёртывания медицинской сети.

Недостающую сумму в некоторых случаях составляли общественные средства. На IV пленуме ДКИК (май 1928 г.) обращалось внимание на необходимость участия населения в больничном строительстве и содействия хозяйственных организаций постройке объектов здравоохранения. На Камчатке в строительстве медицинских учреждений принимали участие АКО и Совторгфлот. Выполняя постановление ЦК ВКП (б) от 22 декабря 1929 г. "О медицинском обслуживании рабочих и крестьян" **[3, с. 131–134]**, в котором говорилось следующее: "Учитывая резкую недостаточность медицинской помощи в деревне, особенно в обслуживании бедняцко-крестьянских масс, ЦК предлагает наркомздравам союзных республик наметить план систематического расширения сельской лечебной сети", Дальневосточный комитет ВКП (б) дал указание ДКИК, окружным и районным исполкомам оказывать помощь и содействие местному населению, проявившему инициативу в деле строительства больниц и других учреждений здравоохранения на селе.

В том же году СНК СССР принял постановление "О больничном строительстве в промышленных районах", где внимание обращалось на расширение сельской сети за счёт увеличения врачебных пунктов, ликвидации недостатков в организации больничного строительства **[3, с. 135]**. Количество фельдшерских пунктов на Камчатке уменьшалось, во многих случаях их

заменяли врачебные участки и больницы. Однако фельдшерские пункты открывались в отдалённых районах и небольших деревнях.

Рост мощности лечебных учреждений Камчатки был медленным. Так, с 1923 г. по 1926 г. количество коек в стационарных больницах возросло на 23 единицы.

В целом, несмотря на трудности, к концу 20-х гг. были достигнуты некоторые успехи в укреплении материальной базы здравоохранения Камчатки: к 1927 г. число лечебных учреждений увеличилось в 4 раза по сравнению с 1923 г.; количество населения, приходившегося на 1 койку, снизилось на 14% **[5, с. 194]**.

В 30-е гг. вопросы больничного строительства получили пристальное внимание как центральных органов власти, так и дальневосточных, в частности, Дальневосточного комитета ВКП (б) и ДКИК, краевого съезда Советов.

Проходивший в 1931 г. VI Дальневосточный краевой съезд Советов отмечал отставание в развитии медицинской помощи населению от темпов развития промышленности и сельского хозяйства. Только за один 1932 г. вопросы здравоохранения шесть раз рассматривались на заседаниях бюро Дальневосточного комитета ВКП (б).

Для исправления положения и ликвидации недостатков в строительстве объектов здравоохранения ДКИК запланировал меры, оказавшие положительное влияние на социальную жизнь Дальнего Востока. Прежде всего были выделены значительные средства на строительство больниц, поликлиник, детских учреждений. Если в 1929-1930 гг. было отпущено на эти цели 1 292,1 тыс. руб., то в 1935 г. – 18 млн руб. Эти средства шли по линии Госбюджета РСФСР, местного бюджета, средств соцстраха, ЦК Госбанка и др.

С 1928 г. по 1935 г. ДКИК принял более 14 постановлений по вопросам строительства объектов здравоохранения, в том числе "О ходе капитального строительства", "Об ассигновании средств на капитальное строительство", "О плане больничного строительства" **[7, с. 56]**.

В резолюции IX расширенного пленума Комитета Севера (август 1932 г.) указывалось на необходимость разработать и обеспечить ассигнованиями план строительства объектов здравоохранения в национальных территориях **[8, с. 12]**. План включал строительство в каждом национальном округе, районе больницы и амбулатории; тем самым обеспечивалась бы преемственность амбулаторной и стационарной медицинской помощи. К 1933 г. предусматривалось построить 16 культбаз. К 1934 г. в дальневосточном регионе функционировало 7 культбаз. В Чукотской культбазе за 5 лет её существования медицинскую помощь получили 14028 больных **[2, с. 156]**.

III Пленум ДКИК, состоявшийся в 1936 г., принял новую развёрнутую программу строительства лечебных учреждений. Пленум предупредил горсоветы и райисполкомы, что они несут ответственность за надлежащую организацию медико-санитарного строительства.

Постановлением бюро Камчатского обкома ВКП (б) (август 1937 г.) предусматривалось строительство в национальных округах 7 больниц и 10 фельдшерских пунктов **(ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 727. Л. 255)**.

Принятые решения повлекли значительные изменения в развитии сети медицинских учреждений Камчатки. Количество больниц и фельдшерских пунктов увеличилось с 1931 г. по 1939 г. более чем в 4 раза. Появились новые типы лечебных учреждений: амбулатории, трахоматозные пункты. Количество коек в больницах увеличилось более чем в 6 раз, в фельдшерских пунктах – более чем в 8 раз **(ГАКК, Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 1. Л. 133)**[2]. Выросли ассигнования на капитальное строительство; только за два года (с 1935 г. по 1937 г.) ассигнования из местного бюджета возросли более чем в 10 раз **(ГАКК, Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 9. Л. 19-21)**.

В национальных округах также прослеживались изменения. В КНО с 1931 г. по 1936 гг. количество больниц и медицинских пунктов увеличилось более чем в 2,5 раза, а больничных коек – более чем в 3,5 раза **[10, с. 196]**. В ЧНО за период с 1935 г. по 1938 г. более чем в два раза выросло количество больниц **(ГАКК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1. Л. 102)**.

[2] ГАКК – Государственный архив Камчатского края.

Сеть медицинских учреждений расширялась, но в большей степени не за счёт строительства с "нуля", а за счёт приспособления имеющихся зданий под медицинские пункты. До 1937 г. были построены 4 больницы с общей пропускной способностью 50 коек **(ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 186. Л. 62)**. Капиталовложения на строительство больничных учреждений были невысокими. Так, в 1937 г. они составляли 2199,2 тыс. руб., а на достройку только одной больницы требовалось 1132,4 тыс. руб. **(ГАКК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1. Л. 24)**.

Одной из причин сложившегося положения являлось неосвоение ассигнований на строительство лечебных учреждений. Так, в 1935 г. было освоено 31% ассигнований, в 1939 г. – 29%, а спустя год – лишь 11% (*подсчёт автора по* **ГАКК Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 75. Л. 78; Ф. П-2. Оп. 2. Д. 553. Л. 27–33)**.

В строительстве объектов здравоохранения практиковалось перераспределение денежных средств, предусмотренных планом капитального строительства, по строительству одного объекта на строительство другого. Это приводило к консервации строительства на одном из объектов. Недостаточное обеспечение строительства учреждений здравоохранения кредитами, отсутствие финансового контроля усугублялось фактами использования отпускаемых средств не по назначению, в том числе и на строительство объектов, не относящихся к здравоохранению.

Средства, выделяемые на строительство учреждений здравоохранения, полностью не использовались, в силу чего планируемая медицинская сеть не развёртывалась. Причин неудовлетворительного использования ассигнований было несколько: недостаток строительных кадров, слабая механизация труда, сложность организации строительных работ, проектирования объектов здравоохранения.

Больничное строительство отставало по темпам от строительства в других сферах. Ещё III областной съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1936 г.) выделил причины этого отставания, главной из которых была зависимость строительства Камчатки от привозных строительных материалов.

Одним из факторов, препятствующих выполнению строительных программ в Камчатской области, являлся размер финансирования на заготовку строительных материалов и поквартальное выделение фондов строительных материалов. Система учёта и распределения строительных материалов была слабо организована. Выделяемые Наркоматом здравоохранения РСФСР небольшие фонды распределялись на объекты, строительство которых велось на дальневосточных территориях. Поставщик "Дальтранслес" систематически не выполнял своих обязательств по поставке строительных материалов на Дальний Восток: строительные материалы задерживались в пути, поздно отправлялись, а то и вовсе не доставлялись на полуостров. В 1939 г. строительных работ было выполнено на 50% по причине отсутствия фондируемых строительных материалов **(ГАКК. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 4. Л. 102)**. В 1940 г. завезено 20,2% фондируемых материалов **(ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 553. Л. 27–33)**. Срыв поставки фондируемых строительных материалов приводил к остановке в строительстве. В связи с отсутствием завоза цемента возводились деревянные строения, которые требовали более частого ремонта; в результате требовалось больше выделяемых средств.

Трудности с обеспечением строек привозными строительными материалами привели к решению ДКИК о максимальной экономии в расходовании дефицитных стройматериалов и замене их другими, преимущественно местными, а также полному отказу от завоза таких материалов, как лес, камень, кирпич и др.

Успех строительства зависел от качественного проекта, который учитывал географические, социально-культурные особенности места строительства. Выполнение строительных планов сдерживалось неудовлетворительной постановкой проектно-сметных работ. Имели место пропуски ряда необходимых работ принимаемого к строительству объекта, неоднократные перерасчёты смет. Отсутствие технической документации, проектного задания приостанавливало строительные работы, приводило к несоответствию построенного здания проекту. Объекты вводились недостроенными, переделочные работы затягивали, а иногда срывали сроки ввода объектов.

Согласно постановлению ДКИК "О мобилизации внутренних ресурсов" в целях улучшения проектного дела разрабатывались типовые проекты по всем видам строительства, удовлетворяющие потребности ДВК **[6, с. 16–18]**. Без уважительных причин не допускалось строительство по нетиповым проектам. Созданием проектов медицинских учреждений на месте занимался Камчатрыбстрой; некоторые проекты для Камчатки подготавливались в г. Хабаровске. В ЧНО, КНО строительство осуществлялось чаще всего путём сборки готовых срубов.

Рост сети учреждений здравоохранения в Камчатской области обеспечивался в основном за счёт приспособления зданий под медицинские пункты. Темпы больничного строительства продолжительное время оставались низкими. Однако строительство медицинских учреждений Камчатской области шло и проникало в самые отдалённые населённые пункты, следовательно, медицинская помощь становилась доступной для населения.

Литература

1. Балицкий В.Г. От патриархально-общинного строя к социализму. М.: Изд-во "Мысль",1969. 221 с.
2. Гореликов А.И. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока в условиях советской модернизации 30-х гг. Дис…канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004. 196 с.
3. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940 гг. Сборник документов и материалов / сост. Л.И. Завалищенко, П.И. Гусев. М.: Медицина, 1973. 316 с.
4. Отчёт Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета за 1925-1926 гг. Хабаровск. / под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. Хабаровск: Б.и., 1927. 428 с.
5. Отчёт Камчатского Окружного Революционного Комитета 1-му Камчатскому окружному съезду Советов. Издание: Камчатское ОРК, 1928. 205 с.
6. Постановление ДКИК о мобилизации внутренних ресурсов (20 марта 1931 г) //Строительство в ДВК. 1931. № 5. С. 17–18.
7. Рыжакова Г.Я. Итоги выполнения директив Далькрайкома ВКП (б) по строительству объектов здравоохранения в годы первых пятилеток (1928–1937) // Советское здравоохранение. 1982. № 8. С. 55–57.
8. Резолюции IX расширенного пленума Комитета Севера при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета (12–28 августа 1932 года). М., 1932. 45 с.
9. Стенографический отчёт IV пленума Далькрайкома Второго Созыва (24–28 мая). Хабаровск, 1928. 420 с.
10. Советы Северо-Востока СССР. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1928-1940 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 240 с.
11. Шомас Ю.К. Руководство дальневосточной партийной организации развитием народного здравоохранения (1922-1928 гг.): дис. …канд. ист. наук. Томск, 1970. 384 с.
12. Щупак Б.Н. К истории здравоохранения малых народов на Дальнем Востоке // Советское здравоохранение. 1976. № 8. С. 66–69.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Balitskij V.G. Ot patriarkhal'no-obshhinnogo stroya k sotsializmu. M.: Izd-vo "Mysl'",1969. 221 s.
2. Gorelikov A.I. Korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka v usloviyakh sovetskoj modernizatsii 30-kh gg. Dis…kand. ist. nauk. Komsomol'sk-na-Amure, 2004. 196 s.
3. Zdravookhranenie v gody vosstanovleniya i sotsialisticheskoj rekonstruktsii narodnogo khozyajstva SSSR 1925–1940 gg. Sbornik dokumentov i materialov / sost. L.I. Zavalishhenko, P.I. Gusev. M.: Meditsina, 1973. 316 s.
4. Otchyot Dal'nevostochnogo Kraevogo Ispolnitel'nogo Komiteta za 1925-1926 gg. KHabarovsk. / pod red. M.P. Kopytina, P.E. Terletskogo. KHabarovsk: B.i., 1927. 428 s.
5. Otchyot Kamchatskogo Okruzhnogo Revolyutsionnogo Komiteta 1-mu Kamchatskomu okruzhnomu s"ezdu Sovetov. Izdanie: Kamchatskoe ORK, 1928. 205 s.
6. Postanovlenie DKIK o mobilizatsii vnutrennikh resursov (20 marta 1931 g) // Stroitel'stvo v DVK. 1931. № 5. S. 17–18.
7. Ryzhakova G.YA. Itogi vypolneniya direktiv Dal'krajkoma VKP (b) po stroitel'stvu ob"ektov zdravookhraneniya v gody pervykh pyatiletok (1928–1937) // Sovetskoe zdravookhranenie. 1982. № 8. S. 55–57.

8. Rezolyutsii IKH rasshirennogo plenuma Komiteta Severa pri Prezidiume Vserossijskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta (12–28 avgusta 1932 goda). M., 1932. 45 s.
9. Stenograficheskij otchyot IV plenuma Dal'krajkoma Vtorogo Sozyva (24–28 maya). KHabarovsk, 1928. 420 s.
10. Sovety Severo-Vostoka SSSR. Sbornik dokumentov i materialov. CH. 1. 1928-1940 gg. Magadan: Kn. izd-vo, 1979. 240 s.
11. SHomas YU.K. Rukovodstvo dal'nevostochnoj partijnoj organizatsii razvitiem narodnogo zdravookhraneniya (1922-1928 gg.): dis. …kand. ist. nauk. Tomsk, 1970. 384 s.
12. SHHupak B.N. K istorii zdravookhraneniya malykh narodov na Dal'nem Vostoke // Sovetskoe zdravookhranenie. 1976. № 8. S. 66–69.

Князькина Т.А. Строительство медицинских учреждений на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е годы (на примере Камчатской области).

Обширная территория Дальнего Востока, в особенности её северо-восточные окраины, долгое время оставалась не охвачена медицинской помощью. Изменить ситуацию стало возможно благодаря строительству медицинских учреждений. В статье освещается начало строительства сети медицинских учреждений в Камчатской области. Автор прослеживает задачи и направления строительства, варианты решения проблемных ситуаций, трудности в организации строительства объектов здравоохранения, реализацию строительных программ в национальных округах. К концу 30-х годов в Камчатской области охват населения медицинской помощью увеличился, однако рост сети медицинских учреждений за счёт строительства пока ещё не стал приоритетным.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Камчатская область, строительство, медицинские учреждения*

Knyaz'kina T.A. The construction of health facilities in the Far East of the USSR in the 1920–1930s (on the example of Kamchatka region).

The vast territory of the Far East, the north-eastern edge for a long time remained without academic medicine. The situation changed thanks to the construction of medical institutions. The article highlights the beginning of the formation of the health care system in the Kamchatka region. The author traces the purposes and directions of construction, problem solving, difficulties in organizing the construction of health facilities of the Kamchatka region, the implementation of construction programs in the national districts. By the end of 30s in the Kamchatka region, the coverage of medical care was increasing, but the growth of the network of medical institutions due to the construction have not yet become a priority.

Key words: *Far East, Kamchatka oblast, construction, medical institutions*

Для цитирования: Князькина Т.А. Строительство медицинских учреждений на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е годы (на примере Камчатской области) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 64–69. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/64-69

For citation: Knyaz'kina T.A. The construction of health facilities in the Far East of the USSR in the 1920–1930s (on the example of Kamchatka region) // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 64–69. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/64-69

◆

УДК 334.72:332.3 (571.63) *Латкин А.П., Пяо Ихуа*

Особенности управления рисками совместного предпринимательства в освоении земельных ресурсов российского Приморья

В современных условиях объективные интеграционные процессы обусловливают развитие различных видов и форм международного бизнеса. Среди них особого внимания заслуживает совместное предпринимательство. По масштабам, динамике и эффективности воздействия на структуры мировой и национальной экономик в международной экономической практике эта форма организации бизнеса является наиболее перспективной **[8, с. 52]**. Совместное предпринимательство – одна из самых комплексных форм длительного экономического, научно-технического и производственного сотрудничества, опирающегося на объединение капиталов **[3, с. 55]**. Формирование внешнего капитала и собственности при создании совместного предпринимательства позволяет учитывать интересы всех участников процесса, способствует их взаимодействию с целью непрерывного совершенствования производственной базы, применения новых технологий, повышения качества продукции, её обновления для улучшения конечных результатов совместной деятельности.

В Приморье данная форма международного бизнеса часто используется в сельскохозяйственной сфере, объединяя усилия российских и китайских предпринимателей. Такое сотрудничество способно приносить значительные выгоды: происходит обмен технологиями и капиталом, осуществляется общая хозяйственная деятельность и совместное управление, а также распределение прибыли и рисков **[5, с. 84]**. С другой стороны, существуют опасения со стороны России и в связи с проникновением китайского капитала. Все вышеизложенное предопределяет необходимость выявления особенностей управления рисками совместного предпринимательства в освоении земельных ресурсов российского Приморья, поскольку сформировавшиеся методы управления и оценки сельскохозяйственных рисков не позволяют комплексно оценить их уровень для бизнеса в целом.

Актуальность вопросов управления рисками совместного предпринимательства в освоении земельных ресурсов обусловлена недостаточным уровнем изученности проблемы рисков землепользования, в частности источников их возникновения. В то же время создаваемые природными и антропогенными факторами риски, снижают эффективность использования земельных ресурсов, обусловливают ряд угроз для жизнедеятельности человека и общества, что инициирует проведение масштабных исследований существующих проблем этими рисками **[1, с. 10; 2, с. 199]**.

В случае оценки влияния природных и антропогенных факторов на состояние земельных ресурсов, определение рисков освоения земельных ресурсов возможны такие ситуации:

1) минимальное влияние (не вызывает социальных, производственных и экологических убытков);

2) среднее воздействие (вызывает социальные, производственные и экологические убытки средних масштабов, без человеческих жертв);

© *Латкин А.П., Пяо Ихуа, 2018*

ЛАТКИН Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток).* **E-mail:** Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru

ПЯО ИХУА, аспирант Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток).* **E-mail:** pyao-ihua@mail.ru

3) сильное влияние (влечёт значительные материальные, производственные, социальные и экологические убытки и единичные человеческие жертвы);

4) критическое влияние (его последствиями могут быть катастрофические события, которые вызывают гибель людей, экстремально большие материальные, ресурсные, финансовые потери, деградацию земель, их потерю, резкое ухудшение условий жизнедеятельности населения).

В каждом виде использования земель существует свой диапазон показателей их состояния, при котором создаются благоприятные условия для хозяйствования, жизнедеятельности человека и сохранения и воспроизводства земельно-ресурсного и связанного с ним водного и биологического потенциала. Установление этого диапазона должно основываться на определении затрат на поддержание земельно-ресурсной безопасности и обеспечение получения экономической выгоды от использования земельных ресурсов. Нарушение этих ограничений может вести к увеличению риска социальных, экономических и экологических убытков обществу **[4, с. 84]**.

Тип и размер ограничений в использовании земельных ресурсов зависит от вида хозяйственной деятельности. К важнейшим из них можно причислить ограничения уровня сельскохозяйственного освоения территории; ограничения уровня распаханности сельскохозяйственных угодий; ограничения в применении химических удобрений, средств защиты растений, борьбы с вредителями и тому подобное; ограничения, связанные с высоким или низким положением уровня грунтовых вод; ограничения, связанные с параметрами агроклиматического потенциала региона; ограничения, связанные с содержанием (и запасами) питательных веществ в почвах (гумуса и т.п.); ограничения, связанные с опасностью проявления неблагоприятных геоморфологических процессов; другие виды ограничений.

Часть ограничений зависит от природных условий, изменения которых можно предсказать с определённым уровнем достоверности и так предупредить возможные негативные последствия для субъектов хозяйствования на земле и природных (в том числе земельных) ресурсов. Экологическая суть ограничений в использовании земельно-ресурсного потенциала связана с соблюдением лимитов на масштаб и интенсивность хозяйственной деятельности для недопущения негативных изменений качества земель, их экологического состояния, интенсивности и направления тех почвенных процессов, при которых возможны негативные изменения здоровья населения, условий функционирования и воспроизводства земельных ресурсов, их биологического потенциала.

Следует отметить, что ограничения в использовании земельных ресурсов имеют вероятностный характер. Для каждого вида использования земель существует определённый диапазон величин и обеспеченностей плодородия земель, пригодности угодий для выращивания различных культурных растений, при которых формируются благоприятные эколого-экономические условия хозяйствования. Определение этого диапазона основывается на сравнении затрат, которые необходимы для обеспечения приемлемого уровня риска, с экономической выгодой от использования земельных ресурсов. Суммарный экономический эффект от различных форм использования земельных ресурсов должен учитывать прибыль от использования земель, убытки от возможных нарушений требований к их охране и вероятные убытки от опасных процессов в течение расчётного периода **[6, с. 32]**.

Риски освоения земельных ресурсов можно разделить на несколько категорий, в зависимости от существующих источников их возникновения:

- в связи с изменениями свойств грунтов под влиянием хозяйственного использования земельных ресурсов;
- из-за природных и техногенных процессов и изменения климата;
- в результате рыночных трансформаций форм собственности и хозяйственной деятельности;
- в связи с необходимостью обеспечения продовольственной безопасности;
- под воздействием управленческой деятельности при совместном предпринимательстве;

♦ из-за ухудшения социальных условий жизнедеятельности сельского населения.

Рассмотрим их более подробно.

Первая категория – риски, связанные со свойством земель, использованием земельных ресурсов и связанные с этим экологические риски и другие риски. К ним относится следующее:

♦ качество земель (содержание гумуса и др.), современное состояние их использования, тенденции изменений и риски, которые они несут, снижение их плодородия и соответствующие экологические последствия этих процессов;

♦ податливость земельного фонда на деградационные процессы и явления;

♦ эродированность земель (слабо-, средне-, сильноразмыты) и создаваемые ею риски;

♦ поражения земель другими видами процессов (карстовыми, оползневыми, подтопления, засоления почв и т.д.), активизация эрозионных, дефляционных, других видов склоновых процессов, засоления, подтопления почв и связанные с ним риски;

♦ физические свойства (плотность сложения, фильтрационная способность, противоэрозионная устойчивость и др.) и вызванные ими риски;

♦ изменения в структуре земельных ресурсов, ухудшение физических (уменьшение фильтрационной способности и противоэрозионной устойчивости) и химических (увеличение доли кислых почв и т.д.) свойств грунтов, химическое загрязнение почв вследствие земледельческой деятельности и связанные с ними риски;

♦ уровень сельскохозяйственного освоения земельных ресурсов и провоцируемые им риски агрогенной и техногенной деградации пахотных земель, пастбищ и других угодий;

♦ уровень распаханности сельскохозяйственных угодий и создаваемые риски-последствия;

♦ уровень загрязнения земель (механического, химического, радиоактивного, биотического) и его риски-последствия.

Вторая категория – риски, обусловленные воздействием стихийных природных и техногенных процессов на земельные ресурсы. В этот блок входят

♦ риски, связанные с влиянием экстремальных наводнений и паводков;

♦ риски, вызванные склонными эрозионно-аккумулятивными процессами;

♦ риски, обусловленные проявлением карстовых, суффозионных, провальных процессов;

♦ риски, вызванные проявлением эоловых процессов;

♦ риски землепользования, обусловленные селевыми, лавинными процессами;

♦ риски проявления техногенных процессов (аварий на промышленных предприятиях, трубопроводах, АЭС, ГЭС и т.д.);

♦ риски, связанные с изменениями климата: повышением температуры воздуха, резкими её колебаниями; изменениями количества осадков (недостаточное количество в одних местах или сезонах, чрезмерная у других); засухами (их повторяемостью, продолжительностью, последствиями); изменениями ветрового режима (увеличением скорости, учащением ураганов, пылевых бурь и т.д.);

♦ риски, связанные с экстремальными гидрометеорологическими процессами (град, снегопады, заморозки, ливни, гололёд и др.) и ростом их повторяемости.

♦ Третья категория – риски землепользования, связанные с рыночной трансформацией форм собственности и хозяйственной деятельности. К этой категории можно отнести:

♦ риски, обусловленные несовершенством законодательной (нормативно-правовой) базы трансформации собственности;

♦ риски, обусловленные несовершенством земельного законодательства;

♦ риски, обусловленные деконсолидацией угодий сельскохозяйственного назначения (деление на паи) и созданием крупных агрохолдингов;

♦ риски истощения почв, обусловленные несовершенными арендными отношениями;

♦ риски, обусловленные несовершенством системы мониторинга качества земель сельскохозяйственного назначения на современном этапе земельных отношений и др.

Четвёртая категория – риски, связанные с необходимостью обеспечения продовольственной безопасности, к которым относятся

♦ уменьшение урожайности сельскохозяйственных культур на деградированных сельскохозяйственных землях;

♦ уменьшение уровня обеспечения населения плодородными пахотными почвами;

♦ уменьшение поголовья скота и, как следствие, снижение уровня обеспечения земледелия органическими удобрениями;

♦ необходимость внедрения поливного земледелия в районах, где ранее в этом не было необходимости;

♦ рост дефицита воды, используемой для орошения в сезон вегетации;

♦ рост потерь урожая из-за участившихся климатических аномалий.

Пятая категория – риски, обусловленные управленческой деятельности при совместном предпринимательстве. Они включают

♦ риски, связанные с возникновением конфликтных ситуаций в сфере земельных отношений;

♦ риски, обусловленные несоблюдением требований природоохранного, земельного законодательства и нормативно-правовых актов в области регулирования земельных отношений, землепользования;

♦ риски, обусловленные несоблюдением севооборотов и требований почвозащитного земледелия в сельскохозяйственном землепользовании;

♦ риски, связанные с отсутствием мониторинговых исследований состояния земель, отсутствием оценки их качества и выявления негативных изменений, происходящих под влиянием природных и техногенных факторов;

♦ риски, связанные с ликвидацией (нарушением функционирования) системы землеустроительного проектирования;

♦ риски, связанные с несовершенством системы контроля за использованием и охраной земель;

♦ риски, связанные с экономико-административным регулированием земельных отношений;

♦ риски, связанные с несовершенством системы и методов управления земельными ресурсами и др.

Шестая категория – социальные риски, которые включают

♦ рост уровня бедности сельского населения;

♦ увеличение напряжённости социальных проблем в сельской местности;

♦ старение и вымирание сельского населения более быстрыми темпами, чем городского;

♦ большая трудовая миграция крестьян в связи с непостоянством или отсутствием работы в сельской местности, тяжёлыми условиями жизни;

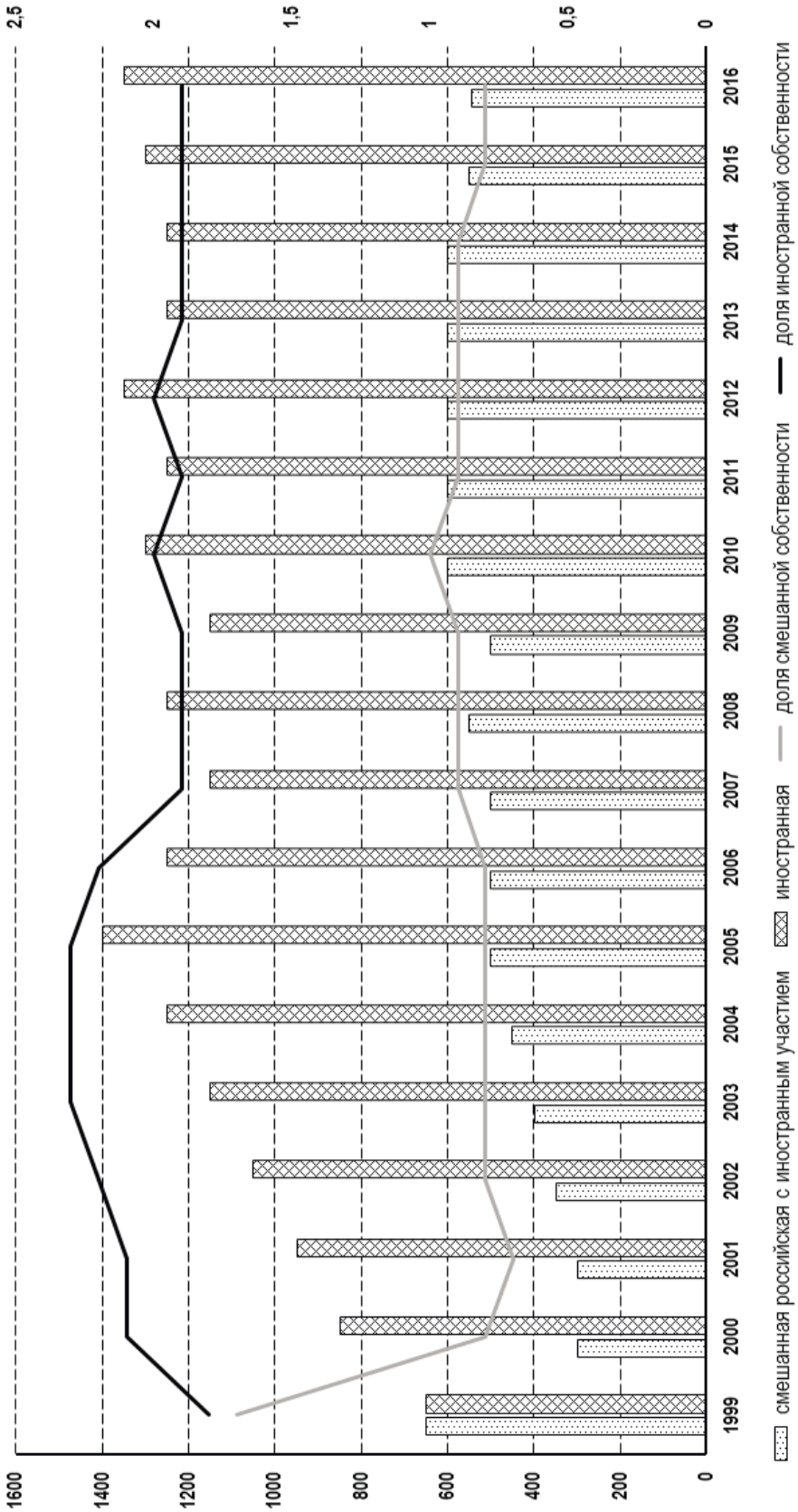
♦ отсутствие (ухудшение состояния) социальной инфраструктуры, медицинского, бытового обслуживания и др.

Полагаем, что представленная классификация позволяет сделать вывод, что большинство рисков освоения земельных ресурсов можно предотвратить либо снизить их уровень вследствие грамотного управления ими. Так, только вторая категория независима от деятельности человека, тогда как остальные обусловлены той или иной сферой деятельности совместного предпринимательства.

То есть, возникновение рисков освоения земельных ресурсов в процессе совместного предпринимательства охватывает, с одной стороны, экологические факторы риска, которые следует назвать стохастическими (категория 2), с другой стороны, хозяйственные риски, которые также могут быть стохастическими (рыночные), но чаще всего они детерминированные (категории 1, 3,4,5).

Перспективы развития российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства определяются географической близостью двух стран, взаимодополняемостью их экономик и их интенсивными политическими отношениями как в прошлом, так и в настоящем. Статистические данные по-

Рисунок 1. Распределение предприятий по формам собственности Приморского края



Источник: [7].

Таблица 1. Основные элементы потенциального управления рисками в зависимости от уровня рисков и субъекта взаимодействия

Степень предсказуемости	Уровень рисков	Элементы потенциального управления рисками		
		Предприниматели	Рынки	Органы государственной власти
Большее влияние детерминированных источников, практически полное отсутствие стохастических рисков	Неспецифический	Диверсификация урожая; Экономия на скоте; Запасы продовольственного буфера	Новые технологии; Улучшенные семена	Ирригационная инфраструктура; Расширение сельскохозяйственных исследований; Системы метеорологических данных
Большее влияние детерминированных источников с небольшим воздействием стохастических рисков	Низкий	Диверсификация труда; Объединение рисков с партнёрами; Денежные кредиторы	Формальные сбережения	Государственное кредитование
Одинаковое влияние стохастических и детерминированных источников риска	Умеренный	Продажа активов Миграция	Формальное кредитование; Обмен рисками (поставщики входных данных, оптовые поставщики)	Помощь при бедствиях; Страхование, финансируемое государством
Стохастические источники рисков	Высокий / Катастрофический	Продажа активов Миграция	Страхование	Уменьшение опасности бедствий Страхование, финансируемое государством

Источник: составлено авторами

казывают, что в Приморском крае более 70% зерновых выращиваются российско-китайскими предприятиями, причём эти цифры ежегодно растут **[5, с. 138]**.

На *рис. 1* представлено распределение предприятий по формам собственности, анализ которого позволят сказать о том, что удельный вес иностранной и смешанной формы собственности на протяжении исследуемого периода практически не менялся и составил 0,8% и 1,9% соответственно.

Данные, представленные на рисунке, демонстрируют большое значение совместного предпринимательства для Приморского края, причём для сельского хозяйства это значение ещё больше **[9, с. 71]**. В связи с тем, что иностранные предприниматели не всегда относятся с ответственностью к использованию земельных ресурсов, представляется целесообразным выделить риски в данной сфере, управление которыми необходимо для снижения уровня рисков. В связи с этим мы выделили основные элементы потенциального управления рисками в зависимости от уровня рисков и субъекта взаимодействия, а также степени предсказуемости с учётом совместного предпринимательства, которые представлены в *табл. 1*.

Таким образом, если источники рисков – стохастические, то результаты являются случайными, характеризуемыми отдельными вероятностными свойствами. Если источники детерминированные, то их знание и понимание в некотором среднесрочном интервале времени может позволить определить поведение процессов совместного предпринимательства в этом интервале. Полагаем, что выделенные источники хозяйственных рисков можно представить в виде детерминированных в период 3–6 месяцев, поскольку законодательство, политические тенденции чаще всего не могут меняться слишком быстро и с большой амплитудой.

Обобщая вышеизложенное, проведённое исследование современных подходов к управлению рисками совместного предпринимательства в освоении земельных ресурсов позволило выделить различные категории рисков, а также основные элементы потенциального управления рисками в зависимости от уровня рисков и субъекта взаимодействия. Использование предложенных рекомендаций в процессе управления рисками предоставляет возможность смягчить и уменьшить уязвимость к неблагоприятным явлениям, а также воспользоваться знаниями о предполагаемых событиях для улучшения качества жизни предпринимателей. Помимо этого, формируются также потенциальные возможности для понимания и использования моделей изменчивости окружающей среды, благодаря умелому использованию наблюдений за источниками и причинами рисков.

Литература

1. Аскеров Ш. С. Особенности риск-менеджмента в сельскохозяйственном производстве // Вестник СПИ. 2014. № 1 (9). С. 10–15.
2. Дрошнев В.В., Коловертнова М.Ю., Гусева Е.П., Аганеев И.В. Мировой опыт применения информационно-коммуникационных технологий в АПК в рискогенных условиях // Известия ОГАУ. 2015. № 2 (52). С. 199–202.
3. Евлаш А.И., Кевра Г.И. Привлечение иностранных инвестиций в развитие совместного предпринимательства Беларуси // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2016. № 7 (189). С. 55–60.
4. Жигулина Т.Н., Мерецкий В.А. Методические аспекты проведения инвентаризации земель сельскохозяйственного назначения, используемых сельскохозяйственными организациями // Вестник АГАУ. 2016. № 8 (142). С. 84–88.
5. Латкин А.П. Приграничное сотрудничество российского Дальнего Востока с Китайской Народной Республикой: маркетинговый анализ и проблемы развития: монография / под общ. ред. А.П. Латкина; А.П Латкин, П.Я. Бакланов, В.И. Суржиков и др.; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2017. 138 с.
6. Латкин А.П., Пяо Ихуа. Методический инструментарий обоснования совместного российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства на условиях минимизации эколого-хозяйственных рисков // АПК: экономика, управление. 2017. № 11. С. 32–39.
7. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. URL: http://primstat.gks.ru/ (дата обращения: 11.10.2018).
8. Сербичева Т.Л. Совместное предпринимательство как инструмент привлечения иностранных инвестиций приграничной территорией // Дальневосточный аграрный вестник. 2008. № 4 (8). С. 52–55.
9. Степанько А.А. Агропотенциал Дальнего Востока России и его использование в условиях продовольственных санкций // Вестник АГАУ. 2017. С. 71–76.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Askerov SH. S. Osobennosti risk-menedzhmenta v sel'skokhozyajstvennom proizvodstve // Vestnik SPI. 2014. № 1 (9). S. 10–15.
2. Droshnev V.V., Kolovertnova M.YU., Guseva E.P., Aganeev I.V. Mirovoj opyt primeneniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologij v APK v riskogennykh usloviyakh // Izvestiya OGAU. 2015. № 2 (52). S. 199–202.
3. Evlash A.I., Kevra G.I. Privlechenie inostrannykh investitsij v razvitie sovmestnogo predprinimatel'stva Belarusi // Trudy BGTU. Seriya 5: EHkonomika i upravlenie. 2016. № 7 (189). S. 55–60.
4. ZHigulina T.N., Meretskij V.A. Metodicheskie aspekty provedeniya inventarizatsii zemel' sel'skokhozyajstvennogo naznacheniya, ispol'zuemykh sel'skokhozyajstvennymi organizatsiyami // Vestnik AGAU. 2016. № 8 (142). S. 84–88.
5. Latkin A.P. Prigranichnoe sotrudnichestvo rossijskogo Dal'nego Vostoka s Kitajskoj Narodnoj Respublikoj: marketingovyj analiz i problemy razvitiya: monografiya / pod obshh. red. A.P. Latkina; A.P Latkin, P.YA. Baklanov, V.I. Surzhikov i dr.; Vladivostokskij gosudarstvennyj universitet ehkonomiki i servisa. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2017. 138 s.
6. Latkin A.P., Pyao Ikhua. Metodicheskij instrumentarij obosnovaniya sovmestnogo rossijsko-kitajskogo sel'skokhozyajstvennogo predprinimatel'stva na usloviyakh

minimizatsii ehkologo-khozyajstvennykh riskov // APK: ehkonomika, upravlenie. 2017. № 11. S. 32–39.

7. Ofitsial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu krayu [EHlektronnyj resurs]. URL: http://primstat.gks.ru/ (data obrashheniya: 11.10.2018).

8. Serbicheva T.L. Sovmestnoe predprinimatel'stvo kak instrument privlecheniya inostrannykh investitsij prigranichnoj territoriej // Dal'nevostochnyj agrarnyj vestnik. 2008. № 4 (8). S. 52–55.

9. Stepan'ko A.A. Agropotentsial Dal'nego Vostoka Rossii i ego ispol'zovanie v usloviyakh prodovol'stvennykh sanktsij // Vestnik AGAU. 2017. S. 71–76.

Латкин А.П., Пяо Ихуа. Особенности управления рисками совместного предпринимательства в освоении земельных ресурсов российского Приморья

Целью настоящей статьи является выявление особенностей управления рисками освоения земельных ресурсов с учётом высокой динамики развития российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства в российском Приморье. Оказывая позитивное влияние на увеличение производства сои, риса, кукурузы, овощной и мясомолочной продукции при задействовании в этом процессе ежегодно возрастающих сельскохозяйственных площадей, совместное предпринимательство уже приносит свои негативные экологические последствия. В конечном счёте, возникают риски химического загрязнения и деградации земельных ресурсов, снижения качества производимой сельскохозяйственной продукции. Это создаёт проблему успешной реализации экспортно-ориентированной стратегии развития экономики российского Приморья при взаимовыгодном сотрудничестве со странами АТР.

Ключевые слова: *Приморский край, российско-китайское сельскохозяйственное предпринимательство, земельные ресурсы, управление рисками*

Latkin A.P., Pyao Ikhua. Peculiarities of risk management of joint entrepreneurship in the development of land resources of the Russian Primorye

The purpose of this article is to identify the specific features of managing the risks of developing land resources, taking into account the high dynamics of the development of Russian-Chinese agricultural entrepreneurship in the Russian Primorye. Having a positive influence on the increase in the production of soy, rice, corn, vegetable and meat and dairy products with the involvement of annually growing agricultural areas in this process, joint enterprise already brings its negative environmental consequences. Ultimately, there are risks of chemical pollution and degradation of land resources, a decline in the quality of agricultural products. In the final analysis, this creates a problem of successful implementation of the export-oriented strategy for the development of the Russian Primorye economy, with mutually beneficial cooperation with the APR countries.

Key words: *Primorsky Krai, Russian-Chinese agricultural entrepreneurship, land resources, risk management*

Для цитирования: Латкин А.П., Пяо Ихуа. Особенности управления рисками совместного предпринимательства в освоении земельных ресурсов российского Приморья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 70–77. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/70-77

For citation: Latkin A.P., Pyao Ikhua. Peculiarities of risk management of joint entrepreneurship in the development of land resources of the Russian Primorye // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 70–77. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/70-77

◆

УДК 502/504 (571.122); 316; 39 *Хакназаров С.Х.*

Территория традиционного природопользования в разрезе социологических исследований

В основе культур коренных малочисленных народов Севера (ханты, манси и лесные ненцы) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югры) лежат традиционные формы ведения хозяйства (традиционное природопользование). К ним относятся оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы, собирательство, т.е. сбор дикорастущих растений и природных материалов (ягод, грибов, орехов, бересты и т.д.), необходимых для приготовления пищи, изготовления одежды, обуви, украшений, сувениров, средств транспорта и для других целей. Эти виды деятельности являются важнейшей основой жизнеобеспечения, необходимым и достаточным компонентом функционирования традиционной культуры, языка, обычаев. И в то же время традиционное природопользование коренных народов Севера является важнейшим элементом северных экосистем, демонстрирующим экологически сбалансированные способы освоения природных ресурсов.

Как отмечает исследователь в области археологии и этнографии коренных народов Севера А.В. Головнев **[2]**, экологическая культура (культура природопользования) включает в себя биологические и географические знания, традиции рационального использования биоресурсов и опыт оптимального ведения хозяйства, представления о пользе и опасностях, исходящих из окружающей среды. Далее автор отмечает, что невнимание к традиционной экологии (*или "этноэкологии", авт.*) во многом основано на её незнании. Древнее Западно-сибирское население не только более органично "вживалось" в окружающую среду, но и более успешно, чем современные специалисты, занималось воспроизводством биоресурсов. Например, без глубоких и конкретных экологических знаний, промыслово-оленеводческая деятельность невозможна, и перспективы развития традиционного хозяйства находятся в прямой зависимости от уровня экологической культуры (культуры природопользования).

В свою очередь, "этническая экология или этноэкология (греч. ethnos – народ, oikos – дом и logos – слово, понятие, учение) – ветвь научного знания, занимающаяся исследованием жизнеобеспечения этносов или этнических систем в определённых природных, социальных и экономических условиях и ставящая своей целью сохранение тех или иных этнических общностей. Она концентрирует внимание на формах взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой и использованием её ресурсов. В известном смысле, этноэкология выступает как составная часть экологии человека, в широком смысле, исследующей общие законы взаимоотношения биосферы и антропосистемы (включающей различные структурные и иерархические уровни), а также влияние природной и социальной сред на человека и группы людей. В качестве наиболее "родственных" ей дисциплин, по линии экологического "вектора" исследования можно рассматривать экологию личности, аутогенную экологию, популяционную экологию (демэкологию) и экологию человечества. По линии этнологического "вектора", этнологию и этнографию. По линии психологического "вектора", психологическую антропологию, когнитивную антропологию ("новую историческую школу") и культурную психологию. По линии "вектора" – этногеографию, социальную географию, демогеографию и др." **[1]**.

© *Хакназаров С.Х., 2018*

ХАКНАЗАРОВ Саид Хамдамович, к.геол.-минерал.н, заведующий научно-исследовательским отделом социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок *(г. Ханты-Мансийск).* **E-mail:** s_haknaz@mail.ru

Территория традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, согласно Федеральному закону от 7 мая 2001 г. **[8]**, – это исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное воспроизводство способы природопользования, использования объектов живого и растительного мира, других природных ресурсов. Территории традиционного природопользования (в дальнейшем – ТТП) коренных народов Севера – это особо охраняемые природные территории, образованные для ведения традиционного природопользования (в дальнейшем ТП) и, соответственно, для поддержания традиционного образа жизни коренных народов Севера.

В работе К.Б. Клокова **[5]** отмечено, что традиционное природопользование обычно противопоставляется индустриальному. Природопользование является основой жизнедеятельности коренных народов Севера, необходимой для их существования, т.е. если не сохранится традиционное природопользование – исчезнут и коренные народы.

Сохранение окружающей природной среды и социально-экономическое развитие коренных народов Севера в современных условиях являются важной проблемой для государства и общества в целом. Без её решения переход Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (в дальнейшем – Югра) на рельсы устойчивого экономического развития невозможен. Одной из приоритетных задач при этом является сохранение статуса территории традиционного природопользования коренных народов Севера.

По мнению того же К.Б. Клокова **[5]**, это обусловливается четырьмя причинами: во-первых, традиционное природопользование является основой жизнедеятельности коренных народов Севера, необходимой для их существования, т.е. если не сохранится традиционное природопользование – исчезнут и коренные народы; во-вторых, теряется и уникальный исторический опыт экологической культуры, составляющий богатство не только коренных народов, но и всего человечества; в-третьих (что особенно важно для России), сохранение территории традиционного природопользования следует рассматривать как один из аспектов другой актуальной сейчас проблемы – попытки найти альтернативу западной модели общественного развития; в-четвёртых, это одно из базовых направлений глобальной проблемы поиска путей устойчивого развития человечества в целом.

Проблемы традиционного природопользования, связанные с суровыми климатическими условиями, и проблемы демографических процессов очень важны для исследования и прогнозирования будущего коренных малочисленных народов Севера. Существенным условием прогнозирования образа жизни изучаемых народов является исследование влияния на них рынка. Проблема существования коренных малочисленных народов Севера в условиях рыночной экономики – актуальная проблема современности, разработка которой имеет большое значение **[4]**.

С другой стороны, развитие горнодобывающей и лесной отраслей промышленного производства оказало негативное воздействие на традиционное хозяйство и жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера, в частности на

– социально-экономическое развитие КМНС;

– воспроизводство возобновляемых ресурсов, которые являются материальной базой традиционного хозяйствования и основой сохранения коренных этносов;

– экологическое состояние территории **[6]**. Многоцелевое и крупномасштабное промышленное освоение территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов сопровождается нанесением значительного ущерба земельным ресурсам, особенно оленьим пастбищам **[3]**.

Цель выделения ТТП (родовых угодий, общин)[1] – сохранение среды обитания, а также правовая и социально-экономическая защита коренного населения округа. Общее количество территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера ХМАО-Югры (родо-

[1] Согласно Постановлению Правительства ХМАО "О территориях традиционного природопользования" от 10.04.2002 г., родовые угодья отнесены к территориям традиционного природопользования регионального значения, границы которых утверждены в границах ранее образованных родовых угодий и территорий традиционного (приоритетного) природопользования.

вых угодий, общин) по данным Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики ХМАО–Югры по состоянию на 01.12.2015 г. 475 шт. Общая площадь территорий ТП составила 12,6 млн га. Средняя площадь одного родового угодья по округу – 26,6 тыс. га.

В данной работе мы обобщаем результаты социологических исследований, проведённых по рассматриваемой тематике в 2016 г.

Районы исследований и объём выборки

Опрос проведён в Сургутском, Нижневартовском, Нефтеюганском, Белоярском и Кондинском районах ХМАО–Югры – на территориях, где происходит активное взаимодействие представителей КМНС и нефтяных компаний, зарегистрированных на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В исследовании участвовали представители КМНС старше 18 лет, проживающие в сельской местности, ведущие традиционное хозяйствование. Основной контингент респондентов: владельцы ТТП и общин КМНС, члены их семей. В качестве респондентов (по 15–20 человек в каждом районе) выступили также информанты из числа КМНС и других национальностей, не занятые традиционными видами хозяйственной деятельности. Общая выборка – 375 человек, из них представителей коренных этносов – 346 человек (92,3%), других – 29 (7,7%). Из числа опрошенных 191 (51,0%) – мужчины, 184 (49,0%) – женщины (КМНС). Возраст респондентов от 17 лет и старше.

Основными сферами деятельности коренных народов Севера являются традиционное хозяйство (68,26%), просвещение, здравоохранение и науки (16,8%), управление (8,08%).

В исследовании применялся метод массового опроса с использованием методики анкетного опроса, позволившей получить количественные характеристики изучаемой проблемы.

Для обработки полученных данных использовались программа анализа социологической информации VORTEX и программа EXCEL.

Результаты исследований

Отвечая на вопрос: *"Являетесь ли Вы (семья) владельцем ТТП (родового угодья, общины)?",*– абсолютное большинство респондентов (76,5,0%) ответили, что являются владельцами ТТП (родовых угодий, общин) **[9; 10]**. 22,9% респондентов отметили, что не имеют, но хотят иметь ТТП.

В ответах на вопрос: *"Если да, то зарегистрировано ли Ваше ТТП официально?",*– большинство респондентов (62,7%) сообщили, что их ТТП зарегистрированы официально. Не зарегистрированы ТТП у 22,7% респондентов. Затруднились ответить на данный вопрос 14,7% опрошенных.

Относительное большинство респондентов (13,9%) при ответе на вопрос: *"Если нет, то какой традиционный вид деятельности Вы избрали бы?",*– отметили, что из традиционных вид хозяйственной деятельности выбрали бы рыболовство (13,9%), сбор дикоросов (10,4%) и охоту (10,1%). Абсолютное большинство респондентов (75,7%) затруднились ответить на данный вопрос.

Касаясь вопроса о содействии в создании ТТП, респонденты отмечают, что им в первую очередь должны помогать (юридическими консультациями) Комитет Севера (районный) – 22,1%, местные администрации (районные и поселковые) – 20,5% и Департамент природных ресурсов и несырьевого сектора экономики ХМАО – Югры – 13,6%. Незначительное количество респондентов рассчитывает на содействие со стороны недропользователей, Правительства ХМАО – Югры и Ассоциации "Спасение Югры", хотя Департамент природных ресурсов и несырьевого сектора экономики Югры относится к структуре Правительства ХМАО – Югры **[9]**.

Абсолютное большинство респондентов (89,1%), отвечая на вопрос: *"Какими видами традиционной хозяйственной деятельности занимаются КМНС на Вашей поселенческой территории?",*– отметили, что в их поселении занимаются рыболовством. Значительное количество респондентов отметили, что в их поселениях занимаются собирательством дикоросов (78,7%), охотой (70,7%) и оленеводством (43,2%).

Одной из задач социологического исследовании являлось выяснение мнения респондентов о том, как они относятся к созданию территорий традиционного природопользования, этноприродных парков и резерваций в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Среди предложенных вопросов был следующий: *"Как Вы относитесь к созданию ТТП, этноприродных парков, биорезерватов, особо охраняемых территорий в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера?"*. Как показывает анализ данных, абсолютное большинство респондентов (77,3%) положительно относятся к созданию ТТП, этноприродных парков, биорезерватов, особо охраняемых территорий в местах проживания КМНС. Лишь 4,8% респондентов к организации ТТП и т.п. относятся отрицательно либо равнодушно.

В ходе исследований респондентам задавался вопрос: "Каким путём можно сохранить разнообразие *животного и растительного мира, страдающего от промышленного освоения?"*. Как видим, большинство респондентов (51,7%) выбрали вариант "создание ТТП (общин, родовых угодий)". 42,4% респондентов поддерживают идею об организации особо охраняемых природных территорий. 18,4% респондентов высказались за создание этноприродных парков, и лишь 1,3% респондентов за организацию биорезерватов.

Для сравнения, как свидетельствуют данные предыдущих исследований, относительное большинство опрошенных (47% в целом) в исследуемых районах предпочитает создание особо охраняемых природных территорий в качестве формы сохранения традиционных мест животного и растительного обитания от промышленного освоения (с экологической и экономической точек зрений). В качестве второго пути возможного сохранения было выбрано создание ТТП, этноприродных парков и т.п. (27,20%). Респонденты из числа КМНС Нижневартовского района данную идею поставили на первое место (46,51%). А вот, как показывают результаты исследований, проведённых в 2008 г., большинство представителей КМНС (59 и 93% соответственно по районам) в качестве возможного сохранения выбрали путь – создание ТТП, родовых угодий и т.п. Эксперты ратуют за создание этноприродных парков (54 и 55% соответственно). Непонятен выбор экспертов из Сургутского района, которые в качестве формы возможного сохранения флоры и фауны выбрали резерваты (76%). В целом, данный факт говорит о необходимости создания и расширения таких форм сохранения традиционных мест обитания. Доля респондентов, которые отрицательно и равнодушно относятся к созданию ТТП и т.д., незначительна (19,77% и 9,42% соответственно в целом по массиву) **[11]**.

С целью выяснения факторов, побуждающих к занятию традиционными видами хозяйственной деятельности, респондентам был задан соответствующий вопрос: *"Основной мотив занятий традиционными видами хозяйственной деятельности у представителей КМНС?"*. На основании ответов можно сделать вывод о том, что главными мотивами являются образ жизни (74,1%), получение удовольствия (36,3%), основной источник существования, непринятие современного мира (по 18,9% соответственно), получение дополнительного дохода (16,0%).

Отвечая на вопрос, *"Оправдались ли Ваши надежды на то, что ТТП могут решить многие Ваши социально-экономические проблемы?"*, – 37,1% респондентов отметили, что их надежды не вполне оправдались. Положительно ответили 21,9% респондентов. Отрицательно – 13,3% респондентов.

Действия законов ХМАО о ТТП КМНС 15,5% респондентов считают неэффективными, 11,2% респондентов полагают, что эти законы необходимо дорабатывать. Оценивают действия законов как эффективные лишь 9,6% респондентов. Затруднились ответить на поставленный вопрос 63,7% респондентов.

В результате исследования выяснилось, что от занятий традиционными видами хозяйственной деятельности респонденты получают наибольший доход от сбора и сдачи ягод (86,1%), добычи рыбы (82,1%), мяса (63,7%) и меха (33,1%). Респонденты также получают незначительный доход от сбора и сдачи лекарственного сырья (16,0%).

Говоря о привлекательности традиционных отраслей, приведём данные экспертного опроса, проведённого сотрудниками Сургутского госуниверситета **[7]**. На их вопрос: *"Лично Вам работа, в каких отраслях кажется*

наиболее привлекательной?", – 61,7% респондентов ответили, что для них привлекательной является работа в сфере традиционного хозяйствования (рыболовства, охоты, сбора дикоросов, оленеводства и т.п.). А по данным Т.Г. Харамзина **[12]**, примерно 30% респондентов сельской местности хотели бы заняться традиционными видами хозяйственной деятельности.

В ходе предыдущих исследований, задавая вопрос: *"Как (в какой форме) Вы предпочитаете вести традиционную хозяйственную деятельность?",*– мы выяснили, что выбор ведения традиционной хозяйственной деятельности является значительным и важным для представителей коренных народов Севера. Полученные нами данные показывают, что жители исследуемых районов по-разному относятся к данному выбору. Например, многие представители коренных народов Сургутского района ратуют за ведение хозяйства в индивидуальном виде (54%) и общин (36%). А большая часть представителей КМНС Нижневартовского района наоборот хотят вести хозяйственную деятельность общинно – 33% и индивидуально (28%). Если рассматривать в целом по массиву, то 35% респондентов хотели бы вести хозяйственную деятельность индивидуально. А вот жители Березовского района предпочли вести хозяйство в общинном виде (50%). Как видим из приведённых данных, мнение респондентов по данному вопросу различно.

Итак, вышеизложенный материал показывает, что респонденты в исследованных районах к созданию ТТП и других форм сохранения традиционных мест обитания относятся неоднозначно. Тем не менее, большинство респондентов, так или иначе, в целом поддерживают и одобряют создание и организацию различных форм ТТП, в т.ч. особо охраняемых природных территорий. Следует отметить, что главными мотивами являются образ жизни, получение удовольствия, основной источник существования, непринятие современного мира и получение дополнительного дохода.

Есть необходимость в дальнейшем продолжить проведение мониторинговых исследований, чтобы отслеживать трансформацию взглядов респондентов по этим вопросам.

Литература

1. Гладкий И.Ю. Географические основы этнической экологии. СПб., 2005. 295 с.
2. Головнев А.В. Касум – Ёх. Материалы для обоснования проекта этнически статусной территории. Шадринск: РИО ПО "Исеть", 1993. 112 с.
3. Емельянова Т.А., Липски С.А. Задачи и особенности землеустройства территорий, используемых общинами коренных малочисленных народов Арктической зоны // Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск III. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: Арктика в социально-правовом измерении. М., 2016. С. 74–79.
4. Изюмов И.В., Харамзин Т.Г. Экономика традиционного природопользования коренных народов Севера: теоретические аспекты развития // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-5. С. 1024–1027 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39671 (дата обращения: 27.04.2018).
5. Клоков К.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (географические и социально-экономические проблемы). Автореферат дисс... д.геогр.н. М., 1998. 48 с.
6. Логинов В.Г., Мельников А.В. Этнические и институциональные аспекты освоения природных ресурсов севера // Экономика региона. 2013. № 1 (33). С. 96–104.
7. Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: социологические исследование в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск: Наука, 2002. 254 с.
8. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Федеральный закон // Сб. законодательных и правовых актов в области землепользования коренными малочисленными народами Севера и их взаимоотношений с недропользователями (извлеч.). Ханты-Мансийск, 2001. С. 25–28.
9. Хакназаров С.Х. Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО-Югры (по материалам социологических исследований). Изд-во: ООО "Югорский формат". Ханты-Мансийск, 2016. 100 с.
10. Хакназаров С.Х. Проблемы территории традиционного природопользования коренных народов Севера: по результатам социологического опроса // География

и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы XII Междунар. научно-практической конференции, посвящённой Году экологии в России, 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева, 85-летию высшего географического образования в Красноярском крае. Красноярск, 27 апреля 2017 г. / отв. ред. Т.А. Ананьева; ред. кол.; Электрон. дан. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. С. 304–307.

11. Хакназаров С.Х. Территории традиционного природопользования коренных народов Севера6 социологический анализ // Геосистемы и их компоненты в Северо-Восточной Азии: эволюция и динамика природных, природно-ресурсных и социально-экономических отношений: материалы Всероссийской конференции (21-22.04.2016 г.). Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 586–592.

12. Харамзин Т.Г. Экономика традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера. М.: Икар, 2001. 294 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gladkij I.YU. Geograficheskie osnovy ehtnicheskoj ehkologii. SPb., 2005. 295 s.

2. Golovnev A.V. Kasum – YOkh. Materialy dlya obosnovaniya proekta ehtnicheski statusnoj territorii. SHadrinsk: RIO PO "Iset'", 1993. 112 s.

3. Emel'yanova T.A., Lipski S.A. Zadachi i osobennosti zemleustrojstva territorij, ispol'zuemykh obshhinami korennykh malochislennykh narodov Arkticheskoj zony // Rossijskaya Arktika – territoriya prava: al'manakh. Vypusk III. Sokhranenie i ustojchivoe razvitie Arktiki: Arktika v sotsial'no-pravovom izmerenii. M., 2016. S. 74–79.

4. Izyumov I.V., KHaramzin T.G. EHkonomika traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh narodov Severa: teoreticheskie aspekty razvitiya // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 12-5. S. 1024–1027 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39671 (data obrashheniya: 27.04.2018).

5. Klokov K.B. Traditsionnoe prirodopol'zovanie korennykh malochislennykh narodov Severa (geograficheskie i sotsial'no-ehkonomicheskie problemy). Avtoreferat diss... d.geogr.n. M., 1998. 48 s.

6. Loginov V.G., Mel'nikov A.V. EHtnicheskie i institutsional'nye aspekty osvoeniya prirodnykh resursov severa // EHkonomika regiona. 2013. № 1 (33). S. 96–104.

7. Markhinin V.V., Udalova I.V. Traditsionnoe khozyajstvo narodov Severa i neftegazovyj kompleks: sotsiologicheskie issledovanie v KHanty-Mansijskom avtonomnom okruge. Novosibirsk: Nauka, 2002. 254 s.

8. O territoriyakh traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Federal'nyj zakon // Sb. zakonodatel'nykh i pravovykh aktov v oblasti zemlepol'zovaniya korennymi malochislennymi narodami Severa i ikh vzaimootnoshenij s nedropol'zovatelyami (izvlech.). KHanty-Mansijsk, 2001. S. 25–28.

9. KHaknazarov S.KH. Problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya territorij traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh narodov KHMAO-YUgry (po materialam sotsiologicheskikh issledovanij). Izd-vo: OOO "YUgorskij format". KHanty-Mansijsk, 2016. 100 s.

10. KHaknazarov S.KH. Problemy territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh narodov Severa: po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa // Geografiya i geoehkologiya na sluzhbe nauki i innovatsionnogo obrazovaniya: materialy XII Mezhdunar. nauchno-prakticheskoj konferentsii, posvyashhyonnoj Godu ehkologii v Rossii, 85-letiyu KGPU im. V.P. Astaf'eva, 85-letiyu vysshego geograficheskogo obrazovaniya v Krasnoyarskom krae. Krasnoyarsk, 27 aprelya 2017 g. / otv. red. T.A. Anan'eva; red. kol.; EHlektron. dan. Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. Krasnoyarsk, 2017. S. 304–307.

11. KHaknazarov S.KH. Territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh narodov Severa6 sotsiologicheskij analiz // Geosistemy i ikh komponenty v Severo-Vostochnoj Azii: ehvolyutsiya i dinamika prirodnykh, prirodno-resursnykh i sotsial'no-ehkonomicheskikh otnoshenij: materialy Vserossijskoj konferentsii (21-22.04.2016 g.). Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 586–592.

12. KHaramzin T.G. EHkonomika traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa. M.: Ikar, 2001. 294 s.

Хакназаров С.Х. Территория традиционного природопользования в разрезе социологических исследований

Сохранение окружающей природной среды и социально-экономическое развитие коренных народов Севера в современных условиях являются важной проблемой для государства и общества в целом. Без её решения переход Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на рельсы устойчивого экономического развития невозможен. В статье анализируются результаты социологических исследований, проведённых в 2016 г. на территориях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Анализируются отношение респондентов к созданию и развитию территории традиционного природопользования, этноприродных парков и резерваций в местах компактного проживания коренных народов Севера.

Ключевые слова: *территории традиционного природопользования, коренные народы Севера, респонденты, этноприродные парки, особо охраняемые природные территорий*

Khaknazarov S.Kh. The territory of traditional environmental management in a section of sociological researches

Preservation of the surrounding environment and social and economic development of indigenous people of the North in modern conditions are an important problem for the state and society in general. Without her decision transition of Khanty-Mansi Autonomous District to rails of sustainable economic development is impossible. In article results of the sociological researches conducted in 2016 in territories of Khanty-Mansi Autonomous District are analyzed. Are analyzed the relation of respondents to creation and development of the territory of traditional environmental management, ethnonatural parks and reservations in places of compact accommodation of indigenous people of the North.

Key words: *Territories of traditional environmental management, indigenous people of the North, respondents, ethnonatural parks which are especially protected natural territories*

Для цитирования: Хакназаров С.Х. Территория традиционного природопользования в разрезе социологических исследований // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 78–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/78-84

For citation: Khaknazarov S.Kh. The territory of traditional environmental management in a section of sociological researches (1892–1980). // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 78–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/78-84

◆

УДК 321 *Киреев А.А.*

Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы

Институты[1] развития (ИР), созданные в последние годы в ДФО, уже неоднократно становились предметом научного анализа и обсуждения **[6; 19; 22]**, получая, как правило, достаточно критические и даже пессимистические оценки, объективность которых, впрочем, порой снижается сосредоточенностью исследователей на текущем состоянии этих институтов. В данной работе система ИР в ДФО будет рассмотрена в широкой сравнительной перспективе, что, как представляется автору, позволит определить и оценить это явление более взвешенно.

Институты развития в концептуальном и историческом контексте

Современные ИР, то или иное количество которых можно обнаружить в большинстве стран мира[2], чрезвычайно разнообразны. Это разнообразие оказывается особенно большим, если сосредоточиться на организационно-правовых формах этих институтов **[17, с. 41–62]**. Однако для данного исследования более значимо деление ИР по их концептуальным основаниям, которые определяют принципы формирования и управления этих институтов, важнейшие цели и методы их работы. Концептуальная дифференциация ИР происходила в тесной связи с историческими метаморфозами капиталистического общества и рынка, как его стихийного регулятора, и поэтому лучше всего может быть представлена в хронологическом разрезе, с помощью периодизации. В своей периодизации автор основывается на исторической концепции классического марксизма, дополняя её идеями динамики мировой системы, сформулированными в неомарксистском обществознании.

Раннекапиталистический период (XVI – вторая треть XIX вв.). Этот период был временем территориальной экспансии капиталистических отношений, складывания мировой капиталистической системы и завоевания буржуазией политической власти в её ядре – странах Западной Европы и Северной Америки. Последовательная борьба с феодальными ограничениями привела к радикализации капитализма, его отождествлению со свободным, саморегулируемым рынком. Воздействие государственной власти на рыночную стихию в капиталистических странах было минимальным (окказиональным) и скорее антикризисным, чем собственно развивающим. Классический

[1] Под институтами в данной работе понимаются организации и правовые режимы, т.е. наборы формальных правил разного уровня общности. Я не разделяю характерную для многих современных институционалистов широкую трактовку институтов, включающую в них неформальные правила (культурные нормы). На мой взгляд, неформальные правила, не являющиеся (в силу их нецелерациональной природы и неосознаваемости для акторов) средством управления, следует понятийно отграничивать от формальных.

[2] По разным оценкам сегодня в мире насчитывается от 2 до 4 тыс. особых территориальных и отраслевых правовых режимов (экономических зон). Количество же конкретных организаций, которые могут быть отнесены к ИР, значительно превышает эти цифры.

© *Киреев А.А., 2018*

КИРЕЕВ Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Публикация выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00032\18

Я выражаю признательность рецензенту за целый ряд выявленных в первом варианте текста недостатков и упущений, которые я постарался устранить, в пределах ограниченного объёма статьи, в ее итоговой редакции.

либерализм и классическая политэкономия, отводившие государству роль "ночного сторожа", способствовали вытеснению государственной политики в сферу безопасности.

Период обострения противоречий капитализма и создания альтернативных общественных систем (последняя треть XIX – первая половина XX вв.). Данный период характеризовался ускоренным нарастанием внутренних противоречий капитализма, одним из главных проявлений которых стало размежевание капиталистических стран по уровню развития, сопровождавшееся обострением международной конкуренции, а затем и военно-политической борьбы. Определилась группа стран т.н. "второго эшелона" модернизации (Германия, Россия, Япония и др.), которые пытались догнать её лидеров, используя методы государственного управления капитализмом. Форсированное догоняющее развитие, ещё более обострявшее международные и внутренние (межклассовые) противоречия, в конечном счёте, привело к формированию в этой группе стран тоталитарных режимов. Правая и левая тоталитарные альтернативы капитализму базировались на в той или иной мере плановой, административно-командной экономике. Государственные органы (а также частно- и общественно-государственные организации) этого периода, осуществлявшие универсалистское плановое управление модернизацией "догоняющих" обществ, вполне могут рассматриваться в качестве разновидности ИР в их широком смысле.

Период поисков "среднего пути" между капитализмом и антикапиталистической альтернативой (с середины XX в.). Выявление и осознание серьёзных внутренних пороков, присущих "чистому рынку" и "чистому плану" как механизмам регуляции социально-экономической динамики, в этот период подвигло развитые, а затем и многие развивающиеся государства к поиску таких институциональных механизмов, которые позволяли бы поддерживать и подталкивать эту динамику, избегая обеих крайностей. Эти механизмы должны были, по существу, произвести конвергенцию западного капитализма и его главного антипода – советского социализма, совместить рынок и план, устранив их недостатки и синтезировав преимущества. По-видимому, основным вектором подобного поиска, имевшего множество национальных и региональных траекторий[3], стал переход от универсализма (тотальности) в управлении общественным развитием к его селективности. Селективность в данном случае предполагала применение методов государственного планирования внутри в целом рыночно регулируемой системы[4], их избирательное фокусирование на её отдельных территориальных, отраслевых или социально-групповых компонентах, признаваемых ключевыми с точки зрения задач общесистемного развития.

Таким образом, формирование ИР в нынешнем (узком) смысле этого термина началось относительно недавно, в третий период исторической эволюции капитализма. Исходя из предложенной периодизации, в узком смысле ИР можно определить как особые (отличные от общенационального) организационно-правовые режимы социально-экономической деятельности, устанавливаемые средствами государственной политики для отдельных компонентов рыночной (или плановой) общественной системы с целью ускорения (качественного изменения) их развития. ИР, в целом, как в узком, так и в широком смысле, выступают средством решения проблемы неравномерности социально-экономического развития (и неравенства как его результата). Проблема неравномерности (неравенства) может принимать множество конкретных форм. Различия в темпах и достигнутом уровне развития могут иметь международный или внутренний характер, касаться объектов разного масштаба, проявляться в отношениях территориальных, отраслевых и социальных единиц. Разнообразие форм и степеней неравномерности развития является объективной основой множественности концептуальных моделей ИР и их систем, сложившихся в третий период в различных регионах мира.

Из всех существующих моделей современных ИР для понимания их генезиса в ДФО наиболее важное значение имеют две – восточноазиатская

---

[3] Он велся и в позднем СССР.

[4] Или рыночных методов внутри плановой системы. Яркий пример – создание в 1990-е гг. СЭЗ в КНДР.

и англосаксонская[5]. Их этих двух моделей более ранним возникновением и большей близостью к полюсу "чистого плана" отличается восточноазиатская. Своими корнями эта модель уходит в политику "рационализации промышленности", проводившуюся правительством Японии в 1950-е гг. **[12, с. 130–135; 23]**. В дальнейшем она была усвоена "новыми индустриальными странами" первой и последующих волн и оказала значительное влияние на социально-экономическую политику Китая. Восточноазиатской модели ИР присущи следующие основные черты: 1) создание ИР путём "сверху", по решению правительства; 2) централизованное жёсткое государственно-монополистическое планирование работы ИР; 3) преимущественная направленность ИР на преодоление международного неравенства, на повышение общенациональной конкурентоспособности на внешнем рынке (экономический национализм); 4) преференцирование ИР в большей мере за счёт методов государственной помощи и защиты, чем дерегулирования и либерализации; 5) нацеленность ИР на товарный экспорт и привлечение иностранного капитала и технологий для модернизации ключевых отраслей промышленности.

Англосаксонская модель ИР начала разрабатываться параллельно с восточноазиатской, однако общественно-политическое признание получила лишь в 1970-е гг., что во многом стало реакцией на "японское экономическое чудо" и удар, нанесённый по длительному росту стран Запада нефтяным кризисом. В отличие от восточноазиатской модели, складывавшейся опытным, практико-управленческим путём и только позднее получившейнаучную систематизацию[6], англосаксонская имела под собой мощный теоретический фундамент, состоявший, прежде всего, из неоклассической традиции и выросшей из неё неоинституциональнойэкономической и управленческой науки. Научная и идеологическая (неолиберальная) база этой модели была создана в Англии и США, откуда она распространилась в различных вариантах по всему англоязычному миру и вышла далеко за его пределы **[13, с. 117 –137; 16; 17]**. К основным чертам англосаксонской модели ИР можно отнести: 1) создание ИР по инициативе "снизу", бизнесом и местными властями (правительство лишь обеспечивает для них инфраструктурные условия); 2) децентрализованное (координационное) и косвенное (монетарное) регулирование работы ИР; 3) преимущественная направленность ИР на преодоление внутренней неравномерности развития, на повышение конкурентоспособности периферийных территорий, депрессивных отраслей и маргинализованых групп населения; 4) преференцирование ИР в большей мере за счёт методов дерегулирования и либерализации; 5) нацеленность ИР на оптимизацию внутринационального распределения ресурсов, а также экспорт капитала и технологий и привлечение дешёвого труда и сырья.

Сделанный выше краткий исторический, концептуальный и типологический обзор позволяет сформулировать в отношении системы ИР в ДФО ряд вопросов. Каково происхождение дальневосточной системы ИР? В чем концептуальная сущность этой системы, и какое место она занимает среди различных моделей ИР? В какой мере реальное воплощение этой системы, её нынешние структура и функционирование отвечают специфическим условиям ДФО?

Генезис дальневосточной системы институтов развития

Рассмотрим сначала вопрос происхождения основных ИР, существующих сегодня в ДФО. Начало их созданию было положено ещё в середине 2000-х гг., когда после полуторадесятилетнего перерыва, потраченного на решение экстренных проблем выживания страны, российское руководство смогло вновь обратиться к задачам социально-экономического развития. В период с 2005 по 2011 гг. в России развернулось активное строительство национальной системы ИР ("национальной инновационной системы"), в составе которой выделяют обычно три организационных "этажа" **[2, с. 6–7]**. Верхний

---

[5] Кроме них, можно выделить европейскую и латиноамериканскую модели, а также модель рыночного социализма. Но и ими этот перечень не исчерпывается, поскольку он связан с широким спектром вариантов позднего капитализма **[20]**.

[6] Например, в теории экономического роста К. Акамацу **[18, с. 48–52]**.

и первый по времени формирования "этаж" был образован более чем двумя десятками ИР, учреждённых федеральными властями (Инвестиционый фонд РФ, Российский банк развития, Российская венчурная компания, Российский фонд прямых инвестиций, Российский экспортный центр, Агентство стратегических инициатив и др.). Средний "этаж" данной системы составили региональные филиалы (отделения) федеральных ИР. Созданный отчасти под воздействием первых двух, отчасти ранее и независимо от них, нижний "этаж" системы включил в себя собственно региональные ИР. К концу данного периода их насчитывалось свыше 200 **[7; 15]**.

В создании национальной инновационной системы российское правительство ориентировалось, прежде всего, на опыт и законодательство США и ЕС. В качестве средства научного обоснования строения этой системы её разработчики апеллировали в основном к т.н. кластерной концепции американских исследователей М. Портера и М. Энрайта и теории "полюсов роста" ряда французских учёных во главе с Ф. Перру **[1, с. 5–30; 4, с. 54–70; 13, с. 107–137]**. Таким образом, с точки зрения концептуальных основ, отечественная модель ИР изначально имела смешанный, если не эклектичный, характер. И всё же на данном этапе явно преобладали черты, сближавшие её с англосаксонской моделью. Хотя процесс строительства российской системы ИР был начат федеральной властью, большая часть элементов её нижнего этажа возникла по инициативе "снизу"[7], в соответствии с решениями региональных и местных администраций, а также заинтересованных компаний. Российская система ИР 2005–2011 гг. отличалась выраженнойдецентрализованностью, и, в отсутствие целостного корпуса нормативных актов, регулировалась в основном косвенными, монетарными методами. Для неё была характерна ориентация на преодоление скорее внутренних (территориальных и отраслевых) дисбалансов в развитии, хотя тесно связанная в те годы с внедрением ИР либеральная концепция "конкурентного федерализма" способствовала скорее обратному эффекту.

В 2005–2011 гг. строительство федеральных ИР было ограничено главным образом европейской частью России. Лишь в отдельных случаях (СЭЗ в Магаданской области и Хабаровском крае) решения об их создании затрагивали территорию ДФО. В эти годы политика развития дальневосточного макрорегиона осуществлялась в формате федеральных программ, финансировавшихся в основном за счёт бюджетных инвестиций и, по сути, бывших наследницами целевых программ советского времени. Создававшиеся в ДФО региональные ИР, при относительной многочисленности, были маломощны, а то и номинальны.

С 2011 г. в политике правительства на РДВ обозначился новый курс. Сокращение под действием экономического кризиса бюджетных доходов и секвестированиепрограммы развития Дальнего Востока и Забайкалья заставило Москву задуматься над возможностью замещения недостающих макрорегиону федеральных средств частными вложениями. В качестве инструмента привлечения частного капитала вполне предсказуемо были избраны уже апробированные на западе страны ИР. В 2011 г. правительством был создан Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона (ФРДВ), задачей которого являлось государственноесофинансирование на льготных условиях инвестиционных проектов на территории ДФО. Одновременно с этим федеральные власти рекомендовали регионам, входящим в ДФО, приступить к созданию агентств по работе с иностранными инвесторами **[9, с. 195]**.

В 2012 г. российское правительство сделало следующий шаг в формировании особой модели развития ДФО, образовав в своей структуре Министерство по развитию Дальнего Востока,ответственное за разработку и исполнение новой госпрограммы "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона". Минвостокразвития предстояло стать главным макрорегиональным ИР, обеспечивающим централизованное регулирование всех остальных дальневосточных институтов подобного типа с большей оперативностью и эффективностью, чем это можно было бы сделать из Москвы. Однако реализоваться в этой роли Минвостокразвития удалось не сразу. Весной 2013 г. его первый глава В. Ишаев добился от правительства одобрения

[7] Некоторые из этих элементов появились еще в 1990-е гг.

варианта госпрограммы, который предусматривал резкий рост её бюджетного финансирования – до 3,8 трлн. руб. Таким образом, была предпринята ещё одна попытка возвращения к "сплошному", комплексному развитию РДВ, которая если не методами, то масштабами напоминала советские планы его освоения. И только драматические события второй половины 2013– начала 2014 гг. (наводнение в бассейне Амура, украинский кризис, присоединение Крыма и их последствия для экономики и госбюджета РФ), уже в апреле 2014 г. повлёкшие 11-кратное урезание "программы Ишаева", окончательно утвердили правительство на том "селективном" курсе, который впервые был намечен в 2011 г.

В основу принятой в апреле 2014 г. очередной версии госпрограммы была положена одобренная правительством 24 октября 2013 г."новая модель" его развития **[5, с. 20]**. Новизна этой модели заключалась, прежде всего, в построении в макрорегионе единой системы ИР, способной привлечь необходимый для него значительный объём российского и иностранного частного капитала. Представление о сложности и специфичности этой системы ИР дают количественные параметры понадобившейся для её запуска правовой базы: к середине 2018 г. она включала в себя более 30 федеральных законов **[3, с. 8]**.

Основные федеральные ИР, образовавшие данную систему, создавались в период с 2015 г. Территориальный фундамент системы сформировали территории опережающего развития (ТОРы), региональные инвестиционные проекты (РИПы) и Свободный порт Владивосток (СПВ). ТОРам, как локальным зонам с особым, льготным режимом предпринимательской деятельности (к середине 2018 г. их число достигло 18), была отведена роль опорных точек новой экономики ДФО, полюсов его будущего роста. Подобными же точками, но за пределами ТОРов, должны были стать отдельные РИПы, осуществляемые на условиях государственной инфраструктурной поддержки (к середине 2018 г. их насчитывалось 16). Задачу связывания точек развития ДФО общим транспортно-логистическим каркасом и их подключения к международной среде АТР должен был решать СПВ, режим которого к середине 2018 г. охватывал уже 22 муниципалитета в прибрежной полосе макрорегиона **[5; 8, с. 56–60]**.

Над низовым, территориальным, уровнем системы в 2015 г. был надстроен её второй уровень из регулирующих ИР, организованных по функциональному (отраслевому) принципу. В их число вошли: Корпорация развития Дальнего Востока, выполняющая функции управляющей компании для ТОРов и СПВ; Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, занимающееся обеспечением ТОРов и СПВ трудовыми ресурсами; Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, привлекающее в ТОРы и СПВ новых инвесторов и продвигающее дальневосточный экспорт на рынки АТР. К данному уровню можно отнести и созданный ранее ФРДВ, деятельность которого с этого времени была сфокусирована на кредитовании резидентов ТОРов и СПВ и инфраструктурной поддержке РИПов **[3, с. 50–53; 5, с. 24–25]**.

Особое место в макрорегиональной системе ИР занял Восточный экономический форум, работа которого также стартовала в 2015 г. Этот периодически активируемый институт решает вопросы информационно-коммуникационного обеспечения функционирования системы ИР, её международного пиара, предпринимательского и потребительского брендинга РДВ, и в определённой мере создания вокруг последнего благоприятных политико-дипломатических условий.

Строительство дальневосточной системы ИР продолжилось и позднее. Так, в 2017 г. ФРДВ совместно с Роснано и Российской венчурной компанией учредили отраслевой Фонд развития и внедрения высоких технологий, целью которого стало увеличение доли в дальневосточной экономике предприятий "хайтека". В 2018 г. при участии ФРДВ был создан такой двусторонний международный институт как Российско-японская инвестиционная платформа, сосредоточенная на консультировании японских инвесторов в ДФО **[3, с. 52–53]**.

На середину 2018 г. процесс формирования системы ИР в ДФО, по-видимому, все ещё нельзя считать завершённым. Тем не менее, основной состав

и несущая структура этой системы сложились уже в такой степени, которая позволяет судить об общем и особенном в них.

Нынешние состав и структура системы ИР в ДФО не имеют прямых аналогов ни за рубежом, ни в России. Вместе с тем, сами принципы устройства и функционирования этой системы, равно как и большинства входящих в неё отдельных институтов, оригинальными не являются. Как и российская система ИР в целом, её дальневосточная подсистема имеет вторичный, смешанный характер, причём в макрорегиональной подсистеме эта смешанность выражена ярче, прежде всего, за счёт более сильного влияния восточноазиатского прототипа.

В 1990-е и 2000-е гг. строительство ИР на РДВ велось в основном силами региональных администраций при участии дальневосточного бизнеса. Для этих институтов была свойственна ориентированность на проблемы внутреннего (в особенности, территориального) неравенства в макрорегионе. В условиях фактического самоустранения федеральной власти управлению ими была присуща высокая мера децентрализованности **[14, с. 204–229]**. Главным методом преференцирования дальневосточных ИР в это время являлись различные виды дерегулирования и либерализации экономической деятельности. В целом, если не касаться вопросов качества (в т.ч. качества нормативно-правовой базы и её исполнения) и эффективности, в данный период устройство и функционирование ИР на РДВ наиболее близко соответствовало концептуальным параметрам англосаксонской модели.

Интерес к дальневосточным ИР со стороны федеральной власти, появление ФРДВ и Минвостокразвития, поначалу не внесли в это положение вещей каких-либо существенных изменений. Лишь с 2015 г., в связи с началом целенаправленного конструирования Москвой единой окружной системы ИР и "закачиванием" в неё значительного объёма государственных средств, распределявшихся ранее по другим каналам, институциональная модель развития ДФО стала очевидно сдвигаться в направлении восточноазиатского образца. В 2015–2018 гг. доминирующая роль в политике развития ДФО перешла к федеральным ИР, созданным "сверху", для которых были характерны преимущественная ориентация на преодоление внешнего неравенства (достижение международной конкурентоспособности) и высоко централизованный порядок управления. В методах преференцирования ИР в этот период меры дерегулирования и либерализации стали уступать место различным инструментам финансовой и нефинансовой помощи государства бизнесу.

Помимо отчасти стихийной, а отчасти вполне сознательной рецепции специфических черт восточноазиатской модели ИР, являющейся, безусловно, наиболее заметным трендом последних лет, внимания заслуживает и другая, менее явная, тенденция. Она состоит в том, что на ряде направлений развития ДФО[8] роль государства, т.е. роль политических решений и следующих за ними государственных вложений, возрастает настолько, что это практически полностью нивелирует их рыночную регуляцию. В этом отношении симптоматично принятое в 2015 г. решение о снятии существовавшего ранее ограничения, согласно которому средства ФРДВ могли инвестироваться только в проекты, обладающие рыночной доходностью и не предполагающие участия госкомпаний **[7, с. 12]**. По существу, речь идёт об отходе от важнейшего принципа первичности рыночной среды, значимого не только для англосаксонской, но и для восточноазиатской модели ИР. Иными словами, частью своих элементов (институтов, проектов) дальневосточная система ИРна сегодня оказываетсяближе к "чистому плану", чем это предписывается восточноазиатской моделью. Появление этой тенденции (которую условно можно назвать "советской") свидетельствует о том, что отмеченному выше смешанному характеру системы ИР в ДФО, присуща особая, повышенная, сложность, которая имеет под собой объективные причины.

Особенности и перспективы институтов развития на РДВ.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что система институтов, принявшая на себя в 2015–2018 гг. ведущую роль в управленииразвитием

[8] Самые показательные из них – это проекты модернизации БАМа и Севморпути.

Таблица 1. Поясная дифференциация дальневосточных институтов развития

Социально-экономические пояса ДФО	Особенности политики развития и характеристик ИР
Постиндустриальный пояс (Южное Приморье и отдельные районы приграничной полосы) – наиболее заселённые и освоенные территории дореволюционной колонизации с комплексной, многоотраслевой экономикой и плотной рыночной средой.	Минимальное (косвенное) вмешательство государства в развитие, связанное с коррекцией избытка рынка (его негативной динамики, в особенности трансграничной). Создаваемые "снизу", ориентированные во вне (на международную конкуренцию), децентрализованно управляемые ИР с режимами, основанными преимущественно на дерегулировании.
Индустриальный пояс (большая часть Юга ДФО и некоторые районы дальневосточного Севера) – территории советского освоения с экономикой, организованной вокруг предприятий обрабатывающей промышленности, и разреженной рыночной средой.	Активное вмешательство государства в развитие, связанное с компенсацией недостатка рынка. Создаваемые "сверху", ориентированные на внешнее и внутреннее неравенство, централизованно управляемые ИР с режимами, сочетающими дерегулирование и меры государственной помощи и защиты.
Доиндустриальный пояс (периферийные районы Юга ДФО и большая часть его Севера) – территории позднего, постсоветского освоения с экономикой, основанной на отдельных предприятиях добывающих отраслей, и минимальной рыночной активностью ("рыночный вакуум").	Замещение отсутствующих рыночных механизмов развития государственным планированием и финансированием с постепенным привлечением частного капитала и маркетизацией. Создаваемые "сверху", ориентированные на внутреннее неравенство (решение социальных проблем), централизованно управляемые ИР с патерналистскими режимами.

Источник: составлено автором.

ДФО, в целом действительно соответствует современной трактовке государственной политики развития, суть которой заключается в идее селективности. Дальневосточные ИР являются инструментами селективного управления, поскольку обеспечивают избирательное (неравное) регулирующее воздействие на неравные по уровню своего развития компоненты социально-экономической системы макрорегиона.

Вместе с тем, ключевая особенность системы дальневосточных ИР состоит в том, что в её функционировании принцип селективности фактически приобретает более сложный смысл, нежели тот, что обычно вкладывается в него в англосаксонских и восточноазиатских концепциях[9]. Управленческая селекция, осуществляемая сегодня в ДФО, выделяет в нем не только точечные (поселения, муниципальные районы, предприятия и их кластеры) и линейные (отраслевые цепочки и транспортные коридоры) объекты. Параллельно с этим происходит постепенная селекция и более крупных – площадных – объектов. Она исходит из осознания внутренней гетерогенности социально-экономического пространства ДФО, наличия в нем ряда неравных по уровню развития субмакрорегиональных зон (поясов).

Такого рода поясность РДВ не являлась тайной уже для советских экономико-географов и управленцев. Исследователи макрорегиона неоднократно указывали на её существование и в постсоветский период **[11, с. 96–100; 21, с. 503–518]**. Однако в современной дальневосточной политике развития этот подход пробивает себе дорогу очень медленно. Сложный социально-экономический "рельеф" ДФО проступает сквозь создаваемую в нем систему ИР исподволь, в процессе её вынужденной подгонки к объективным условиям макрорегиона. Упомянутая смешанность дальневосточной системы ИР, последовательное и одновременное присутствие в ней англосаксонских, восточноази-

[9] Следует подчеркнуть, что и те, и другие основаны на представлении о стадиальной гомогенности социально-экономического пространства.

атских и советских черт[10] и является своеобразным стихийным отражением глубокой внутренней неоднородности ДФО.

Поясная дифференциация, судя по всему, станет долговременной тенденцией эволюции дальневосточной системы ИР. Вместе с тем, управленческая эффективность этой дифференциации будет зависеть от чёткости её концептуального описания, от того, насколько точно и обоснованно социально-экономические пояса макрорегиона будут соотнесены с модельными, типологическими характеристиками применяемых в нем ИР. Предельно упрощённо возможная поясная дифференциация дальневосточных ИР описана в *табл. 1*.

Социально-экономическая поясность ДФО и типологическая разнородность необходимых для него ИР ставят острую проблему достижения системной целостности макрорегиона и согласованности (или, хотя бы, взаимной непротиворечивости) развития его частей. Решить эту проблему также способно только государство, посредством базирующейся на поясном, институционально-географическом,подходе общей стратегии макрорегионального развития. При этом решение данной проблемы предполагает вовсе не приведение поясов ДФО к одному уровню развития. Речь идёт скорее об обеспечении общественной взаимовыгодности их неравенств, их взаимной сбалансированности по ключевым экономическим и социальным параметрам[11]. Основным механизмом балансировки неравенств поясов должно быть их корректное включение в общемакрорегиональные производственные циклы, межпоясные отраслевые цепочки создания стоимости, работа которых позволит ДФО взаимодействовать с международной средой в качестве единой системы.

Поскольку и без того весьма ограниченные финансовые ресурсы федерального центра в условиях кризиса и последующих санкций ещё более оскудели, именно трансграничное взаимодействие с этой средой объективно становится сегодня главной движущей силой развития ДФО. В связи с этим очень важно, чтобы полюса роста разных его поясов вступали в это взаимодействие не порознь, но в результате стадиально и технологически последовательного включения в сквозной общедальневосточный цикл. При этом точки "выхода" ДФО в среду АТР должны быть сосредоточены в наиболее высокотехнологичной и высокостоимостной части его пространства – в постиндустриальном поясе, откуда эффекты развития по производственным цепочкам могут транслироваться в другие части макрорегиона. В противном случае разнонаправленное развитие поясов и полюсов ДФО приведёт к их втягиванию в инонациональные циклы, к разрывам социально-экономического пространства макрорегиона, блокированию его системной интеграции и потере шанса на обретение в будущем внутренних источников динамики.

Данная работа не претендует на построение какой-либо обобщающей концепции, раскрывающей сущностные свойства дальневосточной системы ИР. Цель автора состояла скорее в том, чтобы обратить внимание исследователей на некоторые общие и специфические черты этой системы, заслуживающие дальнейшего изучения. Вкратце их можно выразить в виде нескольких тезисов:

Формирование системы ИР на РДВ, несмотря на его особые (кризисные) обстоятельства, – это закономерный процесс, соответствующий общему тренду эволюции государства в капиталистическом обществе;

Современные ИР являются специфической (селективной) технологией управления социально-экономическим развитием, возникающей на позднем этапе истории капитализма как компромисс между рыночными и плановыми управленческими механизмами и результат их гибридизации;

Дальневосточная система ИР имеет вторичную и смешанную природу, однако наличие в ней "англосаксонских", "восточноазиатских" и "советских" черт является следствием не только эклектичности процессов заимствования

---

[10] Они воплощают не столько национальные и региональные, сколько стадиальные различия.

[11] Примером может быть обеспечение наиболее высокого уровня жизни населению наименее развитого и наименее благоприятного по объективным условиям доиндустриального пояса ДФО.

и комбинирования, но и объективной стадиальной гетерогенности пространства РДВ;

Система ИР задаёт на длительную перспективу новый способ государственного управления РДВ, эффективность которого будет определяться мерой адаптации этой системы к двум условиям развития макрорегиона – качественной гетерогенности его социально-экономического пространства и высокой зависимости от объёмов и характера трансграничной взаимодействия со странами АТР.

Проверка и обсуждение этих тезисов, на мой взгляд, могут способствовать прояснению и практическому разрешению многих актуальных социально-экономических и управленческих проблем РДВ.

Литература

1. Андреев В.А. Администрирование территорий с особым экономическим режимом. Владивосток: ВГУЭС, 2018.116 с.
2. Волков С., Доронкин М., Горбунов А., Зайко А. Российские институты развития: региональный аспект. М.: Эксперт РА, 2010. 32 с.
3. Восточный экономический форум. 2018. Журнал-каталог Фонда Росконгресс. СПб.: Девиз, 2018.
4. Государственно-территориальное устройство России: реформирование регионального уровня. Под ред. В.И. Гришина, В.В. Кистанова. М.: Финансы и статистика, 2007. 288 с.
5. Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. Государственный совет РФ. 2017 [Электронный ресурс] // Минвостокразвития. URL: https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitii-dalnego-vostoka.pdf (дата обращения: 13.09.2018)
6. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.
7. Институты развития как инструмент региональной политики. Научный доклад под рук. А.В. Виленского. М.: ИЭ РАН, 2015. 45 с.
8. Инфраструктура и рынки. Дальний Восток. Аналитический обзор. М.: InfraONE, 2018. [Электронный ресурс] // InfraONE. URL: https://infraone.ru/analitika/Infrastruktura_i_rynky_Dalny_Vostok_InfraONE_Research.pdf (дата обращения: 15.09.2018)
9. Козлов Л.Е. Региональная политика России на Дальнем Востоке: 2007 – 2014 // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: ДВФУ; Дальнаука, 2014. С. 186–204.
10. Лёвушкина А.О. Методологические аспекты исследования институтов развития на Дальнем Востоке России // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 41–56.
11. Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. 176 с.
12. Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
13. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
14. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX - начале XXI в.Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
15. Оценка эффективности деятельности российских и зарубежных институтов развития / Под ред. И.Н. Рыковой. Научный доклад. М.: НИФИ, 2016. 204 с.
16. Портер М., Кетелс К., Дельгадо М., Брайден Р. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики [Электронный ресурс] // Sp-ved.narod.ru. URL: http://sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER_RFstrategy.pdf (дата обращения: 15.09.2018)
17. Свободные экономические зоны и территории опережающего развития: опыт Китая и России / ГоШихун, Б.Н. Паньшин, А.Е. Зубарев, С.Н. Иванченко, И.А. Калашникова, В.Ф. Коуров. Хабаровск: ТОГУ, 2015. 184 с.
18. Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток: ВГУЭС, 2009. 212 с.
19. Семинар "Институты развития на российском Дальнем Востоке" (Иванов С.А., Левушкина А.О., Барбенко Я.А., Губин А.В., Козлов Л.Е., Кондратенко Г.В., Лукин А.Л., Рыжова Н.П.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 65–74.
20. Спиридонова Н.В. Теоретический анализ экономических систем. СПб.: Питер, 2013. 240 с.

21. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
22. Хонгел Хан. Развитие Дальнего Востока России в условиях новой экономической ситуации в мире // ЭКО. 2017. № 3. С. 5–20.
23. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925 – 1975. Stanford: StanfordUniversityPress, 1982.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andreev V.A. Administrirovanie territorij s osobym ehkonomicheskim rezhimom. Vladivostok: VGUEHS, 2018.116 s.
2. Volkov S., Doronkin M., Gorbunov A., Zajko A. Rossijskie instituty razvitiya: regional'nyj aspekt. M.: EHkspert PA, 2010. 32 s.
3. Vostochnyj ehkonomicheskij forum. 2018. ZHurnal-katalog Fonda Roskongress. SPb.: Deviz, 2018.
4. Gosudarstvenno-territorial'noe ustrojstvo Rossii: reformirovanie regional'nogo urovnya. Pod red. V.I. Grishina, V.V. Kistanova. M.: Finansy i statistika, 2007. 288 s.
5. Doklad o kompleksnom razvitii regionov Dal'nego Vostoka. Gosudarstvennyj sovet RF. 2017 [EHlektronnyj resurs] // Minvostokrazvitiya. URL: https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitii-dalnego-vostoka.pdf (data obrashheniya: 13.09.2018)
6. Izotov D.A. Dal'nij Vostok: novatsii v gosudarstvennoj politike // EHKO. 2017. № 4. S. 27–44.
7. Instituty razvitiya kak instrument regional'noj politiki. Nauchnyj doklad pod ruk. A.V. Vilenskogo. M.: IEH RAN, 2015. 45 s.
8. Infrastruktura i rynki. Dal'nij Vostok. Analiticheskij obzor. M.: InfraONE, 2018. [EHlektronnyj resurs] // InfraONE. URL: https://infraone.ru/analitika/Infrastruktura_i_rynky_Dalny_Vostok_InfraONE_Research.pdf (data obrashheniya: 15.09.2018)
9. Kozlov L.E. Regional'naya politika Rossii na Dal'nem Vostoke: 2007 – 2014 // Konkuriruyushhie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma. Vladivostok: DVFU; Dal'nauka, 2014. C. 186–204.
10. Lyovushkina A.O. Metodologicheskie aspekty issledovaniya institutov razvitiya na Dal'nem Vostoke Rossii // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 2. S. 41–56.
11. Melamed I.I., Dyagilev A.A., Avdeev M.A. Osnovnye podkhody k razvitiyu Dal'nego Vostoka i Pribajkal'ya. M.: Sovremennaya ehkonomika i pravo, 2010. 176 s.
12. Minakir P.A. Sistemnye transformatsii v ehkonomike. Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 536 s.
13. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Ocherki po prostranstvennoj ehkonomike. KHabarovsk: IEHI DVO RAN, 2014. 272 s.
14. Moiseeva L.A., Vashhuk A.S. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX - nachale XXI v.Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 348 s.
15. Otsenka ehffektivnosti deyatel'nosti rossijskikh i zarubezhnykh institutov razvitiya / Pod red. I.N. Rykovoj. Nauchnyj doklad. M.: NIFI, 2016. 204 s.
16. Porter M., Ketels K., Del'gado M., Brajden R. Konkurentosposobnost' na rasput'e: napravleniya razvitiya rossijskoj ehkonomiki [EHlektronnyj resurs] // Sp-ved.narod.ru. URL: http://sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER_RFstrategy.pdf (data obrashheniya: 15.09.2018)
17. Svobodnye ehkonomicheskie zony i territorii operezhayushhego razvitiya: opyt Kitaya i Rossii / GoSHikhun, B.N. Pan'shin, A.E. Zubarev, S.N. Ivanchenko, I.A. Kalashnikova, V.F. Kourov. KHabarovsk: TOGU, 2015. 184 s.
18. Sevast'yanov S.V. Nepravitel'stvennye uchastniki sotrudnichestva Vostochnoj Azii: vklad v razvitie regionalizatsii i regional'noj identichnosti. Vladivostok: VGUEHS, 2009. 212 s.
19. Seminar "Instituty razvitiya na rossijskom Dal'nem Vostoke" (Ivanov S.A., Levushkina A.O., Barbenko YA.A., Gubin A.V., Kozlov L.E., Kondratenko G.V., Lukin A.L., Ryzhova N.P.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2015. № 4. S. 65–74.
20. Spiridonova N.V. Teoreticheskij analiz ehkonomicheskikh sistem. SPb.: Piter, 2013. 240 s.
21. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / pod red. P.A. Minakira. KHabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 c.
22. KHongel KHan. Razvitie Dal'nego Vostoka Rossii v usloviyakh novoj ehkonomicheskoj situatsii v mire // EHKO. 2017. № 3. S. 5–20.
23. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925 – 1975. Stanford: StanfordUniversityPress, 1982.

Киреев А.А. Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы

Работа посвящена изучению созданной в ДФО системы институтов развития (ИР) как новой формы государственной политики развития макрорегиона. Рассматриваются вопросы генезиса концептуальных основ и практического воплощения дальневосточной системы ИР, её типологических особенностей и перспектив эволюции в специфических условиях ДФО. Анализ дальневосточных ИР ведётся в сравнительном контексте, на основе предлагаемой периодизации истории капиталистических обществ и выделяемых автором основных моделей ИР.

Ключевые слова: *институты развития, система институтов развития в ДФО, политика развития, гетерогенность пространства*

Kireev A.A. The system of development institutions in the FEFD: concepts, implementation, and prospects

The article is focused on the system of development institutions (DI) created in the FEFD as a new form of state policy for the macroregion development. The issues of genesis of the conceptual foundations and practical implementation of the Far Eastern system of DI, its typological features and the prospects for evolution in specific conditions of the FEFD are considered. The analysis of the Far Eastern DI is conducted in a comparative context, based on the proposed periodizationof history of capitalist societies and the main models of DI identified by the author.

Key words: *development institutions, system of development institutions in the Far Eastern Federal District, development policy, space heterogeneity*

Для цитирования: Киреев А.А. Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 85–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/85-95

For citation: Kireev A.A. The system of development institutions in the FEFD: concepts, implementation, and prospects // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 85–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/85-95

◆

УДК 327 *Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь Сюэжуй*

Первый опыт применения режимов ТОР и СПВ в России и экспериментальных ЗСТ в Китае

Современный мир характеризуется всё более быстрыми изменениями внешнеполитической обстановки и экономической конъюнктуры, когда и российский и китайский бизнес сталкивается с новыми вызовами в мировой экономике и внешней торговле. В этой ситуации правительства России и Китая, начиная с 2012 г., стали активно создавать новый комплекс институтов ускоренного развития отдельных регионов, выбранных ими в качестве приоритетных. Важной частью этой стратегии стало формирование особых экономических зон и преференциальных режимов для инвесторов, которые предлагают более выгодные условия ведения хозяйственной деятельности в отдельных регионах этих государств.

Актуальность статьи обусловлена тем, что, начиная с 2012 г., правительство РФ формирует в Дальневосточном федеральном округе (ДВФО) комплекс институтов развития, в число которых входят режимы Свободного порта Владивосток (СПВ) и территорий опережающего развития (ТОР), степень воздействия которого на социально-экономическую динамику региона пока остается незначительной. Для анализа эффективности институциональных мер поддержки российского Дальнего Востока (РДВ) следует определить метод исследования и дефиницию институтов развития. Авторы используют интегративный подход, предполагающий, что организации, правила и нормы образуют институциональную систему, в которой организации являются посредником между нормой и поведением индивидов. Вместе с этим, организации рассматриваются как самостоятельные институты, с присущими им внутренними правилами и нормами, стремлением к самосохранению и борьбе за ресурсы **[5]**. Ключевыми методами исследования стали институциональный и сравнительный.

Предметом для сравнительного анализа в данной статье стали первые достигнутые результаты и проблемы применения режимов СПВ и ТОР на РДВ и использования экспериментальных зон свободной торговли (ЭЗСТ) в Китае, которые сравнительно недавно вступили в стадию реализации (с 2015 г. на РДВ и с 2013 г. в Китае). Правомерным и уместным такое сравнение авторами делает то, что этим институтам развития правительствами предписано решать схожие задачи на основе широкого и во многом совпадающего набора финансовых, правовых, административных и других инструментов. При этом важным различием в стратегиях их реализации стало то, что в Китае приняли решение начать применение этих новых институтов с наиболее развитых регионов, а в России – с депрессивного региона Дальнего Востока, ускоренное развитие которого объявлено стратегическим приоритетом для страны.

Эффективность и проблемы институтов развития российского Дальнего Востока (СПВ и ТОР) и Китая (ЭЗСТ) в данной работе проанализированы че-

© *Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь Сюэжуй, 2018*

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д-р полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** sevastyanov.sv@dvfu.ru

РЕУТОВ Дмитрий Александрович, нештатный сотрудник лаборатории международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** reutov.dmitrii@mail.ru

НЯНЬ СЮЭЖУЙ, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** 2403918910@qq.com

Выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00032\18 "Институты развития как инструмент управления трансграничными отношениями российского Дальнего Востока"

рез оценку пяти ключевых факторов их инвестиционной привлекательности, таких как налоговые льготы, администрирование, доступность финансирования, инфраструктура и человеческие ресурсы.

Свободный порт Владивосток

Режим свободного порта Владивосток был введен на территории Дальнего Востока в октябре 2015 г. За это время более 900 компаний получили статус резидента СПВ, из них с иностранным капиталом – 43 (4,8%), заявив объем инвестиций около 500 млрд. руб. Фактически к концу 2018 г. работают не более 150 проектов с вложениями до 50 млрд. руб., а в стадии подготовки к реализации находится ещё около 300 проектов **[7].**

Режим СПВ предназначен для привлечения российских и зарубежных инвестиций для создания несырьевых экспортоориентированных производств с высокой добавленной стоимостью, логистических центров с особыми условиями обработки грузов, расширения трансграничной торговли, а также для развития транспортной инфраструктуры с включением Приморья в международные транспортные коридоры "Приморье-1" и "Приморье-2" **[3].**

Для привлечения инвестиций в СПВ установлен особый правовой режим предпринимательской и инвестиционной деятельности, предполагающий ряд преференций, среди которых ключевыми являются:

– свободная таможенная зона;

– льготная ставка оплаты страховых взносов, налога на прибыль, понижающий коэффициент по НДПИ;

– пятилетние каникулы по земельному налогу и налогу на имущество организаций;

– ускоренная процедура возмещения НДС;

– получение 8-дневной визы для деловых и туристических поездок на границе;

– привлечение иностранной рабочей силы вне квот;

– возможность получения земельного участка в аренду без торгов.

В настоящее время наблюдаются сложности с использованием резидентами льгот СПВ. В первую очередь, это касается ключевого элемента преференциального режима – применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны, которое сдерживается излишне сложной процедурой оборудования зоны таможенного контроля, необходимой для ее применения. Чтобы получить таможенные льготы, резиденты должны на своем участке установить контрольно-пропускной пункт, весовое оборудование, видеонаблюдение, погрузочно-разгрузочную технику для таможенных операций и взвешивания, что выливается в многомиллионные затраты и ставит под сомнение выгоду от таможенных льгот, которые предоставляет государство.

Остается нерешенным ряд бюрократических вопросов функционирования зон таможенного контроля. Только в сентябре 2018 г. в таможенном законодательстве появилась возможность совместного использования участков для применения таможенной процедуры СПВ резидентами. Стоит отметить, что подобная практика совместного использования зон таможенного контроля имеет широкое распространение в Китае, Сингапуре, Гонконге и в других странах.

Упрощение визового режима получилось "скомканным": нововведение заработало только спустя два года после начала работы СПВ, а создание перечня стран, граждане которых могут получить визу на границе, во многом дискредитирует саму идею упрощенного визового режима. Так, помимо действительно необходимого упрощения въезда для граждан КНР и Японии (граждане Республики Корея и Монголии могут посещать РФ без визы), в перечень попали страны Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко), Персидского залива (Бахрейн, Катар, Иран, Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ), а также Бруней, Индия, КНДР, Мексика, Оман, Сингапур и Турция **[6].** В то же время, отсутствие в данном списке наиболее экономически развитых государств мира (США, Канады и стран ЕС) сдерживает инвестиционное и технологическое сотрудничество с этими странами.

Помимо проблем, связанных со льготами СПВ, существуют вопросы бюрократического и методологического характера. В частности, необходимость подготовки и защиты бизнес-плана проекта, который затем анализируется

Корпорацией развития Дальнего Востока (КРДВ) по целому комплексу критериев, ставит вопрос об излишней сложности процесса вхождения в СПВ. Заявка и бизнес-план инвестиционного проекта тщательно сопоставляются на предмет соответствия всем требованиям, и все чаще возвращаются на доработку заявителю **[10].** Это привело к возникновению рынка консалтинговых и юридических услуг, предусматривающих помощь в подготовке бизнес-плана и заявки. Такой подход исключает массовость режима СВП и сокращает возможность вступления для субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП).

Режим СПВ в существующем "урезанном" виде без свободных таможенных зон, ускоренного возврата НДС, отягощенный административными препонами, становится внутренним механизмом получения льгот отдельными предприятиями, которые за счет предоставляемых преференций повышают конкурентоспособность и прибыльность проектов, но не отрасли в целом. Часто статус резидента СПВ получает бизнес, который существовал ранее, однако "меняет вывеску" для получения резидентства. Одновременно существующие компании, которые не идут на это ухищрение, лишаются возможности получения льгот.

Таким образом, зачастую новые и маскирующиеся под новые компании за счет предоставления им льготных условий могут потеснить "старые" законопослушные предприятия. Анализ сфер деятельности резидентов СПВ подтверждает наше утверждение о внутреннем характере режима получения льгот отдельными предприятиями с российскими учредителями, так как основная масса резидентов – это строительные компании, компании по производству строительных материалов, лесоматериалов, пищевых продуктов, в том числе рыбы и морепродуктов, сельскохозяйственные предприятия, логистические компании, арендодатели, базы отдыха, рестораны, гостиницы и автосервисы. Эти предприятия в своем большинстве не являются экспортоориентированными и используют режим СПВ исключительно как метод оптимизации налогообложения.

Территории опережающего социально-экономического развития

Территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) – экономические зоны со льготными налоговыми условиями, административными преференциями и инфраструктурой, создаваемые для ускоренного развития экономики, привлечения инвестиций и улучшения жизни населения. Предполагается, что в ТОР должны быть созданы условия ведения бизнеса, конкурентные с ключевыми деловыми центрами АТР **[11].** Многие страны региона применяли создание подобных экономических зон для ускоренного индустриального развития, в то время как в России прежний опыт их использования не всегда был удачным.

ТОР предусматривает следующие налоговые льготы:

– налог на прибыль 0% в течение первых 5 лет и 12% в течение следующих 5 лет (обычная ставка налога – 20%);

– налог на землю 0% в течение первых 5 лет;

– налог на имущество 0% в течение первых 5 лет, не более 2,2% последующие 5 лет;

– льготная ставка оплаты страховых взносов (7,6% вместо 30%).

Также режим предусматривает привлечение иностранной рабочей силы без учета квот, создание объектов инфраструктуры, предоставление земельного участка для реализации проекта и возможность применения процедуры свободной таможенной зоны.

Режим ТОР начал действовать в 2015 г., и на настоящий момент на РДВ создано 18 ТОР, в которых планирует осуществлять деятельность более 250 резидентов с общим объемом заявленных инвестиций более 2 трлн руб. При этом затраты федерального и региональных бюджетов на строительство инфраструктуры ТОР Дальнего Востока составят до 70 млрд руб. **[8].** В *табл. 1* представлена обобщенная информация о статусе реализации проекта, основной специализации и других параметрах 18 ТОР.

Предполагалось, что каждая ТОР будет иметь "якорного" резидента со своей специализацией, а другие предприятия ТОР будут встраиваться в производственные цепочки с "якорным" резидентом, однако анализ участников

ТОР показывает, что так происходит не всегда **[2]**. Если в Приморье, Хабаровском крае, на Сахалине и в Амурской области в целом просматривается специализация ТОР, то в других регионах в ТОР представлены компании, чья деятельность не связана друг с другом. Фактически, на Камчатке, Чукотке, в ЕАО (в каждом регионе действует по одной ТОР) и в Якутии (две ТОР) в них вступают компании любой специализации, заинтересованные в получении льгот. Полагаем, что такая ситуация связана с недостаточной диверсификацией экономики этих регионов.

Среди ключевых проблем резидентов ТОР (в той же мере актуально для СПВ) стоит отметить сложность привлечения финансирования. Ставки по банковским кредитам остаются высокими, доступность кредитов, особенно для субъектов МСП, остается низкой. В период становления режимов ТОР и СПВ, Минвостокразвития РФ пыталось привлечь иностранные, в частности, китайские банки к кредитованию резидентов, однако энтузиазма среди иностранных банков это не вызвало. В настоящее время Минвостокразвития РФ и КРДВ ведут работу по созданию механизма субсидирования процентной ставки для резидентов ТОР и СПВ.

Сохраняется административное давление на резидентов ТОР со стороны государственных органов и естественных монополий. В частности, наблюдаются сложности с получением земельного участка без аукциона из-за затягивания бюрократических процедур, а монополисты коммунальных услуг затягивают сроки сдачи объектов инфраструктуры. Между Федеральной налоговой службой (ФНС) и резидентами наблюдаются разногласия по уплате налога на имущество. В частности, ФНС пытается начислить налог резидентам, которые имеют "старое" имущество, то есть имущество, приобретенное до вступления резидента в льготный режим, в случаях его реконструкции (в первую очередь, это касается портовых мощностей) **[12].**

Со стороны региональных и местных властей проявляется недовольство резидентами ТОР, для которых за счет бюджета создается инфраструктура, а отдачи по налогам пока не наблюдается. В этом ключе показателен пример "Русагро-Приморье", которое является "якорным" резидентом ТОР "Михайловский" и реализует крупнейший проект по производству свинины. Инвестор вложил в свой проект около 16 млрд руб., а общие расходы бюджета Приморского края на ТОР "Михайловский" составили почти 2,5 млрд руб. В то же время, в 2018 г. предприятие планирует заплатить всего 24,4 млн руб. в федеральный бюджет, 1 млн руб. – в региональный, и 4,4 млн руб. – в бюджет Михайловского района.

В феврале 2018 г. состоялось заседание комитета по экономической политике и собственности Законодательного собрания Приморского края, на котором краевые депутаты и чиновники, несмотря на то, что производство на тот момент еще не было запущено, обвинили "Русагро-Приморье" в отсутствии эффективной налоговой отдачи от строек свинокомлексов. Также краевые власти упрекнули инвестора в отсутствии диалога с районными властями и социальной ответственности перед жителями.

При этом не вполне корректны предъявляемые руководству "Русагро-Приморье" требования депутатов указать конкретные сроки, когда край вернёт вложенные в инфраструктуру ТОР бюджетные средства, так как это не предусматривается ни буквой, ни духом ТОР. При этом именно "Русагро-Приморье", а не ФНС ставится в вину то, что подрядчики, которые задействованы на стройке, не платят налоги в местный и региональный бюджеты **[1]**. "Русагро" также обвинили в скупке сельскохозяйственных земель и вытеснении мелких производителей, демпинге закупочных цен на сою на недавно приобретенном холдингом Уссурийском масложирокомбинате.

Таким образом, региональные власти демонстрируют свои реальные ожидания от крупных инвесторов в ТОР: быстрая возвратность инвестиций в инфраструктуру путем уплаты инвестором налогов; высокая социальная нагрузка инвестора; несоздание конкуренции местным предприятиям; нерыночное поведение инвестора (покупка сырья и земель выше рыночной стоимости, обязательство инвестора следить за уплатой налогов своими подрядчиками) и др. Подобные пожелания властей понятны, но по сути контрпродуктивны, так как изменение "правил игры" в ходе реализации проектов в рамках ТОР и

Таблица 1. Статус реализации, основная специализация и другие характеристики территорий опережающего развития на РДВ

№ п/п	Название ТОР	Основная специализация	Количество резидентов	Объем планируемых инвестиций, млрд руб.	Количество создаваемых рабочих мест	Статус реализации
Приморский край						
1	Надеждинская	Логистика и производство	39	33,5	6 248	Функционирует
2	Михайловский	Сельское хозяйство	11	77	3 890	Функционирует
3	Большой Камень	Судостроение	15	223,9	14 302	Функционирует
4	Нефтехимический	Нефтепереработка	1	939,2	8 303	Предынвестиционная фаза
Сахалинская область						
5	Горный воздух	Рекреация	13	18,2	1 249	Функционирует, ведется строительство
6	Южная	Сельское хозяйство	4	14,6	884	Функционирует
7	Курилы	Рыбопереработка	1	6,3	700	Функционирует
Хабаровский край						
8	Хабаровск	Логистика, производство, сельское хозяйство	32	27,8	2 975	Функционирует
9	Комсомольск	Машиностроение	20	81,6	5 504	Функционирует
10	Николаевск	Рыбопереработка, золотодобыча	5	2,9	636	Функционирует
ЕАО						
11	Амуро-Хинганская	Логистика, производство	4	15,5	1 190	Функционирует, наблюдаются задержки строительства

Амурская область						
12	Белогорск	Сельское хозяйство, лесопереработка	5	4,5	572	Функционирует
13	Приамурская	Логистика, производство	6	124,4	1 484	Функционирует
14	Свободный	Газохимия	3	948,4	2 696	Ведется строительство
Республика Саха (Якутия)						
15	Южная Якутия	Добывающая промышленность	7	32,9	3 747	Функционирует
16	Кангалассы	Производство	12	92,6	489	Функционирует
Камчатский край						
17	Камчатка	Рекреация, логистика, производство	51	37,7	5 256	Функционирует
Чукотский автономный округ						
18	Беринговский	Добывающая промышленность	25	22,5	1 813	Функционируето
ИТОГО:			254	2 703,5	61 938	

Источник: составлено авторами на основании открытых данных КРДВ, Минвостокразвития РФ, резидентов ТОР

СПВ чревато ухудшением финансовых показателей, что оттолкнет существующих и будущих инвесторов от дальнейших вложений.

Неудовлетворительные состояние социальной инфраструктуры также создает сложности в реализации проектов. Так, на полях ВЭФ-2018 генеральный директор резидента ТОР ООО "Мазда Соллерс Мануфэкчуринг Рус" Дмитрий Кудинов, выступая на специальной сессии, посвященной эффективности ТОР и СПВ, сравнил социальные условия Владивостока с Алабугой (Татарстан), где завод "Соллерс" также работает в особой экономической зоне. Топ-менеджер указал, что, помимо материальных стимулов, в Алабуге проявляется вклад со стороны управляющей компании в создание социальной инфраструктуры. В частности, построены школы и детские сады, ведется работа по поиску сотрудников и сдаче в аренду площадей. Кудинов резюмировал, что нагрузка, которая ложится на инвесторов в части создания инфраструктуры, часто более существенна, чем предоставляемые льготы и преференции **[9].** Похожие оценки ситуации по неудовлетворительному состоянию объектов социальной инфраструктуры и пожелания региональным властям по улучшению ситуации прозвучали на этой же сессии от представителей таких крупных компаний, как "Сибур", "Колмаргруп" и др.

Что касается зарубежных инвестиций, то иностранцы не спешат массово вступать в СПВ и ТОР. Для них более приоритетны проекты добычи и экспорта нефти, газа и других сырьевых ресурсов (в интересах загрузки предприятий обрабатывающей промышленности в собственных странах), в то время как режимы ТОР и СПВ не поддерживают такие проекты, а, напротив, нацелены на экспорт из России продукции обрабатывающей промышленности.

Тем не менее, иностранное финансирование приходит на Дальний Восток. Например, по данным ВРИО губернатора Приморского края О.Н. Кожемяко, резидентами четырех ТОР в Приморском крае уже стали 84 компании, из них с участием иностранного капитала – 12 (14% - хороший показатель), в том числе, 3 – из Японии, 3 –из Китая, 2 – из РК **[4].**

Что касается публичных оценок эффективности ТОР и СПВ, тем более критических, то иностранные бизнесмены, в том числе и на форуме ВЭФ, делали их неохотно. Тем не менее, на специальной сессии на полях ВЭФ 2018, посвященной сотрудничеству РФ и Японии, г-н Асадо (представитель компании "Марубени" и председатель российско-японского комитета по сотрудничеству японской ассоциации бизнеса "Кэйданрэн") открыто высказался о состоянии этого сотрудничества и внес конкретные предложения по его улучшению. Что касается первого, то он отметил, что японские компании по-прежнему мало знают о возможностях ТОР и СПВ, хотя "Кэйданрэн" и проводит соответствующие мероприятия в Японии. Те же японские компании, что уже работают на РДВ, страдают от низкого уровня транспортно-логистической инфраструктуры.

В интересах повышения качества режимов ТОР и СПВ он предложил:

– продлить сроки инвестиционных преференций для резидентов (нынешние пять лет – это очень мало);

– обеспечить послеинвестиционное сопровождение реализуемых проектов, для чего представителям Минвостокразвития регулярно посещать (например, раз в полгода) предприятия ТОР и СПВ для выявления проблем и оказания помощи в их устранении.

Экспериментальные зоны свободной торговли Китая

Экспериментальные зоны свободной торговли (ЭЗСТ) основаны в соответствии с национальными законами Китая и применяются на его территории с 2013 г. в качестве инструмента ускоренного развития отдельных регионов и страны в целом. На деятельность резидентов ЭЗСТ распространен целый ряд торговых, инвестиционных, административных и других преференций, например, в них упрощены торговые процедуры и расчеты, товары, ввозимые на данную территорию, не облагаются пошлинами либо к ним применяются заниженные таможенные ставки и др.

Правительство Китая приняло решение о создании ЭЗСТ для того, чтобы сохранить качественный рост экономики, который стал замедляться на фоне меняющейся международной и внутренней политической и социально-экономической ситуации в стране. Всего с 2013 г. в Китае было создано

12 ЭЗСТ в городах Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин и провинциях Гуандун, Фуцзянь, Ляонин, Чжэцзян, Хэнань, Хубэй, Шэньси, Сычуань, Хайнань. По времени формирования ЭЗСТ делятся на четыре группы. Сформированная в 2013 г. Шанхайская ЭЗСТ является первой подобной зоной в Китае. ЭЗСТ в провинциях Гуандун, Фуцзянь и городе Тяньцзинь были созданы в 2015 г. Важно то, что эксперимент по созданию ЭЗСТ в Китае начали с наиболее развитых городов (Шанхай, Тяньцзинь) и провинций (Гуандун, Фуцзянь). При этом две последние ЭЗСТ были нацелены, в том числе, на привлечение

Таблица 2. Стратегия развития и специализация экспериментальных зон свободной торговли Китая

Название / площадь	Стратегия развития / специализация	Специализация районов ЭЗСТ
Шанхайская ЭЗСТ / 120.72 кв. км.	преимущественно развитие финансового сектора с опорой на экономический пояс вдоль реки Янцзы,	Объединяет четыре района: *в районе Пудун* формируются пять кластеров: международная торговля, финансовое обслуживание, судоходное дело, машиностроение высокого уровня и профессиональные услуги; *финансовый и торговый район Луцзяцзуй* - создание современного финансового центра мирового уровня; *Шанхай Цзиньцяо экономическая и технологическая зона развития* – развитие новых высокотехнологичных отраслей с международной конкурентоспособностью; *парк высоких технологий Чжанцзян* - развитие высоких технологий в биомедицине, информатизации и др.
Гуандунская ЭЗСТ / 116.2 кв. км.	стимулирование сотрудничества и поиск инновационной модели взаимодействия между провинцией Гуандун, САР Сянган и Аомэнь	Объединяет три района: *Новый район Наньша в Гуанчжоу* ориентируется на такие отрасли, как: судоходство и логистика, финансы, международная торговля, машиностроение и др.; *Цянь Хай и Промышленная зона Шэко в Шэньчжэне* сосредоточены на финансы, современную логистику, информатику и современные технологии; *Район Хэнцинь в Чжухай* ориентируется на пилотную зону культуры, образования, бизнеса.
Тяньцзиньская ЭЗСТ / 119.9 кв. км.	скоординированное развитие экономического кластера Цзин-Цзинь-Цзи (Пекин, Тяньцзинь, провинция Хэбэй).	Объединяет три района: *Тяньцзиньский порт свободной торговли* ориентирован на такие кластеры, как: судоходство, логистика, международная торговля, лизинг; *Комплексная зона свободной торговли аэропорта Тяньцзинь* ориентируется на развитие авиастроения и космонавтики, электронной информации, аутсорсинга; *Центральный деловой район* реформа в сфере финансов и развития финансового центра.
Фуцзяньская ЭЗСТ /118.04 кв. км.	углубление сотрудничества с Тайванем в сфере торговли и инвестиций	Объединяет три района: В *районе Пинтань* планируется создание международного острова для туризма, внедрение упрощенного режима обмена туристами между материком и Тайванем; *район в Сямэнь* нацелен на создание показательного района сотрудничества между материком и островом в сферах промышленности, услуг, международного судоходства. *район Фучжоу* - создание платформы сотрудничества со странами вдоль Морского Шёлкового пути XXI века

Источник: [13].

финансов, технологий, туристов и пр. из соседних, более развитых Гонконга и Тайваня.

Третью группу в 2017 г. сформировали еще семь ЭЗСТ в провинциях и городах Китая, которые также относятся к экономически развитым. Последней в 2018 г. была создана ЭЗСТ, которая охватывает всю территорию острова Хайнань и предусматривает выход на более высокий уровень открытости экономики и постепенный переход к режиму свободного порта.

Далее в статье обобщён опыт реализации стратегии развития четырех ЭЗСТ в городах Шанхай, Тяньцзинь, провинциях Гуандун и Фуцзянь, которые первыми получили этот статус. Краткие данные, характеризующие стратегию развития и специализацию этих ЭЗСТ, приведены в *табл. 2*.

На основе изучения международного опыта создания подобных зон, был выработан ряд инновационных подходов для управления китайскими ЭЗСТ, например:

– *Модель управления "Негативный список"* – используемый правительствами режим управления и контроля вложения иностранных инвестиций. В этом списке перечисляются отрасли и сферы деятельности, в которые вкладывать капиталы запрещено полностью или частично. При этом отрасли, не указанные в списке, открыты для инвестирования;

– *Режим "одного окна"* – предназначен снизить время контактов предпринимателей с бюрократическими структурами и выражается в том, что оказание услуг происходит в одном месте, начиная от подачи заявления до выдачи результатов решения исполнительного или иного органа **[14]**.

С помощью внедрения вышеназванных и других инновационных подходов в развитии китайских ЭЗСТ достигнуты существенные успехи.

– *Заметно выросло число резидентов в ЭЗСТ.*

Так, за 5 лет с момента создания Шанхайской ЭЗСТ её резидентами стали более 55 тысяч компаний, при этом доля иностранных компаний от общего числа резидентов постепенно выросла с 5% до 20%. По площади эта ЭЗСТ занимает лишь 2% территории Шанхая, при этом её ВРП составляет 25% от общегородского объема ВРП. В трёх других ведущих ЭЗСТ страны число новых резидентов также заметно увеличилось.

– *Упрощены процедуры торгово-экономических операций.*

Благодаря режиму одного окна, упростилась процедура торговых операций на всех ЭЗСТ. Например, в Фуцзяньской ЭЗСТ время оформления таможенной декларации сократилось с 4 часов до 10 минут.

Наряду с достижениями, в работе ЭЗСТ отмечены и недостатки.

– *Управленческая система еще не достаточно эффективна.*

В связи с тем, что у различных структур ЭЗСТ действуют свои правила управления, общая система управления не скоординирована. Многие резиденты высказывают пожелания о том, чтобы руководящие органы ЭЗСТ упростили административные процедуры и лучше координировали работу управленческих органов между собой.

– *Информационная платформа ЭЗСТ требует совершенствования.*

Резиденты ЭЗСТ отмечают серьезные недостатки в информационном обеспечении. Так, данные сайтов долго не обновляются, что негативно влияет на деятельность резидентов **[15]**.

– *Не хватает высококвалифицированных кадров.*

Хотя среди резидентов ЭЗСТ есть компании мирового уровня, наблюдается нехватка высококвалифицированных кадров в таких областях, как финансы, биомедицина, информатика и др. В этой связи, большое значение имеет выстраивание эффективной кадровой политики.

***

Сложность оценки эффективности новых преференциальных экономических режимов в настоящее время связана с непродолжительностью их действия на РДВ и в Китае. Их предварительная оценка возможна только на среднесрочном горизонте (4-5 лет), а более адекватная – в долгосрочной перспективе (10–15 лет) на основе таких интегральных показателей, как рост ВРП; его рост на душу населения; объем инвестиций по отношению к ВРП и др. Если рост ВРП отражает общую динамику развития региональной экономики, то его рост на душу населения (более важного, качественного показа-

теля) будет означать рост числа высококвалифицированных рабочих мест и производительности труда. Эти данные, в совокупности с объемом инвестиций по отношению к ВРП, дадут в перспективе более объективную оценку инвестиционной привлекательности и работоспособности преференциальных режимов на РДВ.

Пока же для оценки их эффективности мы можем полагаться, в первую очередь, на динамику количественных показателей, таких, как число новых резидентов, объемы заявленных для реализации проектов частных инвестиций и государственных вложений в инфраструктуру, и других. Эти показатели могут дать предварительный ответ на вопрос об инвестиционной привлекательности институтов развития, для оценки которой, в свою очередь, мы использовали данные по пяти ключевым факторам: налоговые льготы, администрирование, доступность финансирования, инфраструктура и человеческие ресурсы.

В ходе исследования авторы сравнили первый опыт создания и применения новых комплексов институтов развития на РДВ и в Китае. С учетом того, что в России эти институты внедряются в менее развитом (по сравнению с ведущими в стране) регионе, а в Китае, напротив, – в наиболее развитых регионах, то и полученные результаты существенно разнятся.

Резиденты ЭЗСТ в Китае, работая в условиях развитой логистической и социальной инфраструктуры, а также доступности финансовых ресурсов, в числе важнейших проблем при работе отметили сложность административных процедур, которыми исторически отличается китайская бюрократия, и нехватку высококвалифицированных кадров в ряде высокотехнологичных, прорывных отраслей деятельности.

Сравнительный анализ проблем показал, что полностью с российскими реалиями у китайских институтов развития совпал только один показатель – сложные бюрократические процедуры, характерные для обеих стран. В Китае и на РДВ отмечается большое число институтов развития с дублирующими функциями, что ведет к их бюрократизации. Это хорошо иллюстрируют российские примеры с бизнес-планами, предоставлением земельных участков и др. В этой связи упрощение процедуры вхождения резидентов в преференциальные режимы, смягчение административного и налогового контроля, упорядочение нормативной базы и иные меры по снижению зарегулированности региональной экономики будут весьма эффективны.

Для резидентов ТОР и СПВ (как иностранных, так и российских) ключевой проблемой остается слабая развитость производственно-логистической инфраструктуры, при этом для российских компаний критическую важность имеет острая нехватка социальной инфраструктуры. Очевидно, что нагрузка по её созданию должна ложиться преимущественно на региональные и федеральные власти. В свою очередь, Минвостокразвития РФ, региональным властям и КРДВ следует уделять больше внимание вопросам планирования и финансирования строительства и функционирования объектов социальной инфраструктуры, в том числе путем координации планирования этой проблематики с разрабатываемыми национальными проектами.

В целом, являющиеся резидентами ТОР и СПВ крупные российские компании, которые обладают существенным административным ресурсом, значительным штатом юристов, экономистов и других специалистов, способны максимально использовать возможности и преимущества инвестиционных режимов ТОР и СПВ в части получения налоговых льгот, доступности финансирования и пр., что позволяет им существенно оптимизировать свои производственные и финансовые расходы. Для среднего бизнеса правомерность этого тезиса более проблематична.

Что касается иностранных инвесторов на РДВ, то представители японского бизнеса сделали конкретное предложение повысить качество режимов ТОР и СПВ за счёт продления инвестиционных преференций для резидентов на срок более пяти лет, а также обеспечения силами Минвостокразвития послеинвестиционного сопровождения проектов для оказания помощи в устранении проблем, возникающих при их реализации. Помимо проблем, уже обозначенных для всех резидентов, реализации иностранцами проектов в рамках ТОР и СПВ мешают волатильность курса рубля, неясные перспективы роста спроса на товары внутри страны, санкционные риски и др.

Тем не менее, есть основания полагать, что по мере совершенствования общей и социальной инфраструктуры, с отладкой процедуры применения свободной таможенной зоны, с урегулированием налоговых споров и других острых вопросов, мы увидим более существенный рост инвестиций на РДВ, в том числе и со стороны иностранных компаний. Однако, как представляется авторам, эффект от преференциальных экономических режимов мог бы быть значительно больше в случае распространения предоставляемых ими льгот на весь бизнес, действующий на территории РДВ. Это поставило бы все предприятия региона в равные условия (независимо от сроков начала деятельности) и могло бы способствовать росту конкурентоспособности региональной экономики в целом, а не только отдельных предприятий.

Литература

1. Абашева Е. Дырка от ТОРа // Золотой Рог. 14 ноября 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru /business/primorje_14.11.2017_86517_dyrka-ot-tora.html (дата обращения: 20.11.2017).

2. Козлов Л.Е., Волынчук А.Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке в условиях неблагоприятной внешней среды (2014–2016 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4. С. 24–35.

3. Красова Е.В., Ма И. Свободный порт Владивосток: условия развития, перспективы, риски // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6. С. 108–122.

4. Кожемяко О.Н. Особые экономические зоны: новые возможности всеобщего процветания регионов СВА // Сборник докладов 23-го саммита региональных администраций стран СВА. Владивосток: Администрация Приморского края, 2018. С. 3–8.

5. Левушкина А.О. Методологические аспекты исследования институтов развития на Дальнем Востоке России // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 41–56.

6. Оформление электронной визы в свободный порт Владивосток // Консульский информационный портал МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: http://electronic-visa.kdmid.ru/ (дата обращения: 20.09.2018).

7. О СПВ // Корпорация развития Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: https://erdc.ru/about-spv/ (дата обращения: 10.09.2018).

8. О ТОР // Корпорация развития Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: https://erdc.ru/about-tor/ (дата обращения: 10.09.2018).

9. Салков А. Пустырь для инвестора // Золотой Рог. 18 сентября 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_18.09.2018_91062_pustyr-dlja-investora.html (дата обращения: 28.09.2018).

10. Свободный порт: взгляд изнутри // Золотой Рог. 12 апреля 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_12.04.2018_88561_svobodnyj-port-vzgljad-iznutri.html (дата обращения: 15.04.2018).

11. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" // Президент России [Электронный ресурс]. URL:http://kremlin.ru/acts/bank/39279 (дата обращения: 12.09.2016).

12. Щербаков Д. Сейчас – налоговая справедливость, раньше – хорошая отчетность? Зачем КРДВ попросила уточнить порядок применения льгот // Информационно-аналитическое агентство "Восток России". 26 июля 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eastrussia.ru/material/seychas-nalogovaya-spravedlivost-ranshe-khoroshaya-otchetnost/ (дата обращения: 10.09.2018).

13. 林雄. 中国自贸区建设与国际经验[M]. 广州：中山大学出版社，2016： 59–77. (Линь Сюн. Строительство китайских зон свободной торговли и мировой опыт. Гуанчжоу: Издат. университет им. Сунь Ятсена, 2016. С. 59-77.)

14. 中国（上海）自由贸易试验区官网. Официальный сайт Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли.[Электронный ресурс]. URL: http://www.china-shftz.gov.cn/Homepage.aspx/ (дата обращения: 07.09.2018).

15. 上海自贸区建设自贸港的问题和建议，光明网，2018-09-10. Предложения о превращении Шанхайской зоны свободной торговли в свободный порт // "Гуанмин". 10 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1611188780330838081&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 12.10.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abasheva E. Dyrka ot TORa // Zolotoj Rog. 14 noyabrya 2017. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.zrpress.ru /business/primorje_14.11.2017_86517_dyrka-ot-tora.html (data obrashheniya: 20.11.2017).

2. Kozlov L.E., Volynchuk A.B. Regional'naya politika Rossii na Dal'nem Vostoke v usloviyakh neblagopriyatnoj vneshnej sredy (2014–2016 gg.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 24–35.

3. Krasova E.V., Ma I. Svobodnyj port Vladivostok: usloviya razvitiya, perspektivy, riski // EHkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2015. № 6. S. 108–122.

4. Kozhemyako O.N. Osobye ehkonomicheskie zony: novye vozmozhnosti vseobshhego protsvetaniya regionov SVA // Sbornik dokladov 23-go sammita regional'nykh administratsij stran SVA. Vladivostok: Administratsiya Primorskogo kraya, 2018. S. 3–8.

5. Levushkina A.O. Metodologicheskie aspekty issledovaniya institutov razvitiya na Dal'nem Vostoke Rossii // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 2. S. 41–56.

6. Oformlenie ehlektronnoj vizy v svobodnyj port Vladivostok // Konsul'skij informatsionnyj portal MID RF [EHlektronnyj resurs]. URL: http://electronic-visa.kdmid.ru/ (data obrashheniya: 20.09.2018).

7. O SPV // Korporatsiya razvitiya Dal'nego Vostoka [EHlektronnyj resurs]. URL: https://erdc.ru/about-spv/ (data obrashheniya: 10.09.2018).

8. O TOR // Korporatsiya razvitiya Dal'nego Vostoka [EHlektronnyj resurs]. URL: https://erdc.ru/about-tor/ (data obrashheniya: 10.09.2018).

9. Salkov A. Pustyr' dlya investora // Zolotoj Rog. 18 sentyabrya 2018. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_18.09.2018_91062_pustyr-dlja-investora.html (data obrashheniya: 28.09.2018).

10. Svobodnyj port: vzglyad iznutri // Zolotoj Rog. 12 aprelya 2018. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_12.04.2018_88561_svobodnyj-port-vzgljad-iznutri.html (data obrashheniya: 15.04.2018).

11. Federal'nyj zakon ot 29.12.2014 g. № 473-FZ "O territoriyakh operezhayushhego sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya v Rossijskoj Federatsii" // Prezident Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL:http://kremlin.ru/acts/bank/39279 (data obrashheniya: 12.09.2016).

12. SHHerbakov D. Sejchas – nalogovaya spravedlivost', ran'she – khoroshaya otchetnost'? Zachem KRDV poprosila utochnit' poryadok primeneniya l'got // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo "Vostok Rossii". 26 iyulya 2017. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.eastrussia.ru/material/seychas-nalogovaya-spravedlivost-ranshe-khoroshaya-otchetnost/ (data obrashheniya: 10.09.2018).

13. 林雄. 中国自贸区建设与国际经验[M]. 广州：中山大学出版社，2016： 59–77. (Lin' Syun. Stroitel'stvo kitajskikh zon svobodnoj torgovli i mirovoj opyt. Guanchzhou: Izdat. universitet im. Sun' YAtsena, 2016. S. 59-77.)

14. 中国（上海）自由贸易试验区官网. Ofitsial'nyj sajt SHankhajskoj ehksperimental'noj zony svobodnoj torgovli.[EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.china-shftz.gov.cn/Homepage.aspx/ (data obrashheniya: 07.09.2018).

15. 上海自贸区建设自贸港的问题和建议，光明网，2018-09-10. Predlozheniya o prevrashhenii SHankhajskoj zony svobodnoj torgovli v svobodnyj port // "Guanmin". 10 sentyabrya 2018 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1611188780330838081&wfr=spider&for=pc (data obrashheniya: 12.10.2018).

Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь Сюэжуй. Первый опыт применения режимов ТОР и СПВ в России и экспериментальных ЗСТ в Китае.

В статье исследуется первый опыт применения режимов свободного порта Владивосток и территорий опережающего развития на Дальнем Востоке России (РДВ) и китайских экспериментальных зон свободной торговли, которые лишь недавно вступили в стадию реализации (с 2015 г. на РДВ и с 2013 г. в Китае). Ключевыми методами исследования стали сравнительный и институциональный. Эффективность и проблемы новых институтов развития в РФ и Китае оценены с помощью анализа пяти ключевых факторов их инвестиционной привлекательности: налоговых льгот, администрирования, доступности финансирования, инфраструктуры и человеческих ресурсов.

Ключевые слова: *институты развития, региональная политика, российский Дальний Восток, территория опережающего развития, свободный порт Владивосток, экспериментальные зоны свободной торговли Китая*

Sevastianov S.V., Reutov D.A., Nian Xuezhui. First experience in implementing TAD and SPV regimes in Russia and experimental FTZs in China.

The main research task of this article is to study first experience in implementing regimes of Vladivostok free port and territories of advanced development in the Russian Far East (RFE) and Chinese experimental free trade zones that just recently became operational (from 2015 at the RFE and from 2013 in China). The key research methods are: comparative and institutional. The effectiveness and problems of the new development institutions in Russia and China are evaluated by analyzing five key factors of their investment attractiveness: tax breaks, administration, availability of financing, infrastructure, and human resources.

Key words: *development institutions, regional policy, Russian Far east, territories of advanced development, Vladivostok free port, Chinese experimental free trade zones*

Для цитирования: Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь Сюэжуй. Первый опыт применения режимов ТОР и СПВ в России и экспериментальных ЗСТ в Китае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 96–108. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/96-108

For citation: Sevastianov S.V., Reutov D.A., Nian Xuezhui. First experience in implementing TAD and SPV regimes in Russia and experimental FTZs in China // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 96–108. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/96-108

◆

УДК 321 *Алексеенко А.П.*

Регулирование государственной гражданской службы в КНР

Под руководством "пятого поколения китайских руководителей" во главе с Председателем КНР Си Цзиньпином в Китайской Народной Республике реализуется административная реформа, призванная оптимизировать принятие и исполнение управленческих решений в стране. Исследователи отмечают, что "устранение неповоротливости административного аппарата, по замыслу инициаторов реформы, должно способствовать повышению экономической эффективности предоставляемых услуг административными органами, сокращению расходов на содержание бюрократического аппарата" **[7, с. 1265]**. Между тем, очевидно, что без квалифицированного аппарата государственных гражданских служащих невозможно добиться претворения в жизнь подобных преобразований, тем более, что сейчас Китай находится в условиях, требующих больших усилий для сохранения существующего политического режима и дальнейшего поступательного развития в сфере экономики. Всё это обуславливает интерес к изучению системы государственной гражданской службы КНР, особенно если учесть тот факт, что перед Россией, как и перед Китаем, стоит цель модернизации экономики, достичь которую возможно лишь опираясь на профессионалов в сфере государственного управления.

Регулирование отношений в сфере государственной гражданской службы в КНР основывается на положениях, закреплённых в Конституции КНР 1982 г. (в ред. от 14.03.2004) **[18]**; Законе КНР "О государственной гражданской службе" от 27.04.2005 **[17]**; подзаконных актах министерств и ведомств, например, Мнении Государственной администрации гражданской службы "О внедрении стратегии взаимодействия между государственными гражданскими служащими Пекина, Тяньцзиня и Хэбэй в целях лучшего управления **[13]**; нормативных документах Китайской коммунистической партии (далее – КПК), к ним можно отнести, например, Уведомление ЦК КПК и Государственного совета КНР "О плане претворения в жизнь Закона КНР "О государственной гражданской службе" **[16]**. Кроме того, ввиду того, что большая часть китайских чиновников – это члены КПК, большое значение имеют партийные документы нормативного характера.

В соответствии со ст. 2 Закона КНР "О государственной гражданской службе" государственный служащий – это персонал, осуществляющий публичные обязанности в соответствии с законом, включённый в кадры государственной администрации и получающий заработную плату и пособия за счёт государственных финансов. Так как согласно ст. 3 Конституции КНР государственные органы Китайской Народной Республики взаимодействуют на основе принципа демократического централизма, государственная гражданская служба в КНР включает в себя государственную службу национального, провинциального и местного уровней, то есть в Китае отсутствует муниципальная служба. Централизм также достигается посредством того, что единым органом, осуществляющим управление государственной гражданской службой в рамках всей страны, является Государственная администрация гражданской службы КНР.

Кроме деления по уровням все должности государственной гражданской службы в Китае подразделяются на руководящие и не руководящие, а также по рангам. Наглядно данный материал представлен в таблице, разработанной на основе Уведомления ЦК КПК и Государственного совета КНР "О плане претворения в жизнь Закона КНР "О государственной гражданской службе".

© *Алексеенко А.П, 2018*

АЛЕКСЕЕНКО Александр Петрович, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток).* **E-mail:** alekseenko.a.p@gmail.com

Таблица 1. Должности государственной гражданской службы КНР неруководящего уровня

№	Должность	Ранг
1	инспекторы	8–13
2	заместители инспекторов	10–15
3	консультанты	12–18
4	заместители консультантов	14–20
5	заведующие отделами	16–22
6	заместители заведующих отделами	17–24
7	референты	18–26
8	клерки	19–27

Источник: [16].

Как отмечают в литературе, "главная цель современной правовой регламентации государственной службы в КНР – создание корпуса руководящих работников и иного управленческого персонала, обладающего высокой профессиональной квалификацией, преданного КПК и в то же время свободного от клановых, местнических и иных влияний" **[2, с. 60]**. Так, в соответствии со ст. 21 Закона КНР "О государственной гражданской службе" поступление на должность ниже, чем заведующий отделом, или на любые другие не руководящие должности осуществляется на основе открытого экзамена, проводимого на конкурсной основе. По мнению исследователей, "система экзаменов – это важная ступень при приёме кандидата на госслужбу, где он должен продемонстрировать совокупность своих моральных и профессиональных качеств" **[3, с. 39]**. Проведением экзамена занимаются в зависимости от органа, куда поступает кандидат, Государственная администрация гражданской службы КНР или её департаменты провинциального и муниципального уровней. Данная система заслуживает внимания, так как можно достичь большей объективности в оценке претендента, ввиду того, что в экзамене представители органа (или структурного подразделения), где открыта вакансия, не принимают участия.

О проведении конкурса даётся объявление. Сам же экзамен проводится в письменной форме и посредством интервью по вопросам, касающимся государственной службы, также выясняются моральные качества претендентов. После проведения экзамена осуществляется проверка данных, указанных в заявлениях, а также медицинский осмотр кандидата на соответствие должности, куда он поступает. При этом процедура поступления на отдельные посты государственной службы может быть упрощена по разрешению Государственной администрации гражданской службы КНР провинциального уровня или выше и проводиться посредством назначения, а не экзаменов. Такой подход может стать причиной коррупции в среде лиц, отвечающих за кадровое обеспечение.

Представляется, что рассматриваемый закон КНР менее чётко регламентирует порядок поступления на государственную гражданскую службу, чем это сделано, например, в Федеральном законе "О государственной гражданской службе Российской Федерации" **[4]** и Указе Президента РФ "О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации" **[5]**. Кроме того, в РФ есть такое понятие как кадровый резерв, чего в китайском законодательстве обнаружить не удалось. Однако, несмотря на все преимущества российских нормативных правовых актов, отечественному законодателю следует более детально изучить вопрос о возможности проведения конкурса не самим органом, где открыта вакансия, а специальным ведомством.

Таблица 2. Должности государственной гражданской службы КНР руководящего уровня

№	Должность	Ранг
1	руководители государственного значения	1
2	заместители руководителей государственного значения	2–4
3	руководители уровня провинций и министерств	4–8
4	заместители руководителей уровня провинций и министерств	6–10
5	руководители департаментов и бюро	8–13
6	заместители руководителей департаментов и бюро	10–15
7	руководители уездного и местного уровня	12–18
8	заместители руководителей уездного и местного уровней	14–20
9	руководители волостного уровня	16–22
10	заместители руководителей волостного уровня	17–24

Источник: [16].

В Законе КНР "О государственной гражданской службе" отдельная глава посвящена обучению и повышению квалификации государственных служащих. В ст. 61 рассматриваемого закона закреплено, что государственные органы должны обеспечить обучение лиц, вновь поступивших на государственную службу, как навыкам государственной службы в данном органе, так и специфическим знаниям. Обучению также подлежат лица, впервые назначенные (переведённые) на руководящие посты, даже если они ранее уже замещали должности государственной гражданской службы. В России обязательное обучение подобного рода не проводится. Вновь поступившие на государственную службу лица фактически учатся "на ходу" без какой-либо адаптации и лишь тем навыкам, которые старшие коллеги решат им передать, наставничество не работает. Возникают ситуации, когда государственный служащий не может выполнить задание лишь потому, что он не знает, как работать с той или иной специфической базой данных (программой), применяемой в данном подразделении. В этой связи российскому законодателю следует обратить внимание на названную норму.

В целях обучения государственных служащих в Китае предусмотрена система стажировок. Так, в ст. 66 Закона КНР "О государственной гражданской службе" закреплено, что государственный гражданский служащий в целях выработки у него новых навыков может быть направлен на стажировку на государственное предприятие или в государственные органы, в том числе находящиеся в другой провинции (уезде), на должность выше или ниже, чем та, которую он занимает. Такой подход следует оценить положительно, так как он способствует расширению круга компетенций государственных служащих, что позволяет, в случае необходимости, восполнить кадры. Более того, благодаря этому могут готовиться лица, которые в перспективе станут претендентами на руководящие должности, ведь посредством подобных стажировок будет видно, справляется ли конкретный служащий с обязанностями руководителя. Как отмечается некоторыми авторами, "сегодня в приоритете не трудовой стаж работника, а его личные способности и заслуги. Уже остались в прошлом "пожизненные" руководящие должности государственных чиновников, что придает современный характер и жизнеспособность государственным административным органам и системе госслужбы в целом" **[8, с. 27]**.

Обучение государственных гражданских служащих в КНР осуществляется не только в общем плановом порядке и при принятии на службу, но и в целях реализации конкретных государственных программ и планов. Так, 13 декабря 2016 г. была принята Директива Канцелярии Госсовета КНР "Об учебных планах для государственных гражданских служащих в целях выполнения 13-го пятилетнего плана" **[14]**. Примечательно, что обучение должно

заканчиваться аттестацией и проверкой компетентных органов на факт проведения обучения.

Итак, Китай уделяет большое внимание обучению государственных гражданских служащих и повышению их квалификации. Причём такое обучение обязательно выстраивается с учётом реализации государством планов экономического развития. Подобный опыт может представлять интерес для России, ведь применение таких мер способствует повышению качества работы государственных служащих.

Большое внимание в Китае уделено борьбе с коррупцией и урегулированию конфликта интересов. В законодательстве КНР закреплена система "отводов государственных гражданских служащих", которая представляет собой систему превентивного отстранения от должности во избежание злоупотреблений. По своему содержанию она аналогична тому, что в России называется предотвращением конфликта интересов. Кроме того, установлен ряд ограничений, связанных с родственными связями и сменой сферы деятельности. Так, закон запрещает близким родственникам государственных гражданских служащих, к которым относятся муж, жена, дети, родители и даже родственники третьего поколения (дедушки, внуки и т.п.), а также лица, имеющие тесную связь с государственными служащими, занимать должности, связанные с непосредственным подчинением такому государственному служащему. При этом непосредственным подчинением будет являться, в том числе, ситуация, когда родственник претендует на должность мэра города в той же провинции, где государственный служащий является губернатором. Кроме того, названные выше лица не имеют права принимать участие в проверках, дисциплинарных расследованиях, когда руководящую должность в проверяемом органе занимает их родственник.

Отдельное внимание в КНР уделено системе самоотводов. Закон устанавливает, что государственный служащий обязан взять самоотвод, если у него присутствует личный интерес, или имеется интерес его родственников, связанный с осуществлением им своих должностных обязанностей. Примечательно, что с просьбой обязать государственного служащего взять самоотвод к его руководству может обратиться любое лицо, чьи интересы могут быть затронуты. Данный аспект прогрессивен и позволяет гражданам осуществить превентивную защиту своих прав.

Примечательно, что Законом КНР "О государственной гражданской службе" закреплено, что лицо, вступившее в конфликт интересов или замешанное в коррупции, подлежит наказанию, однако какому именно, не понятно. В связи с тем, что коррупция является преступлением, очевидно, что лицо будет привлечено к уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом КНР. Что же касается конфликта интереса, то тут, исходя из анализируемого закона, будет применяться дисциплинарное взыскание. В ст. 53 закона закреплены виды дисциплинарных наказаний (предупреждение, выговор, строгий выговор, понижение в должности, увольнение) и составы должностных правонарушений. Между тем, не установлено, как они соотносятся. Такой подход китайского законодателя делает невозможным составить мнение о том, каким образом будет наказано лицо, скрывшее, например, конфликт интересов. Из этого следует вывод, что вряд ли положения Закона КНР "О государственной гражданской службе", касающиеся рассмотренного аспекта, могут быть использованы для совершенствования отечественного законодательства.

В соответствии со ст. 53, 101 рассматриваемого закона органы и ведомства, уполномоченные осуществлять надзор и контроль в сфере государственной службы, привлекают к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих в случае нарушения ими требований Закона КНР "О государственной гражданской службе", в частности за превышение полномочий, пренебрежительное отношение к обязанностям, халатность, фаворитизм. Данные нарушения могут проявляться, в том числе, посредством назначения на должность, выхода на пенсию или в отставку без соблюдения необходимой процедуры; незаконного наложения дисциплинарного взыскания; разглашения ответов на вопросы экзаменационного теста для поступления на службу или для прохождения аттестации; недопущение критики; распространение порочащих сведений о государстве или о государственном органе; растрата

государственного имущества; употребление наркотиков; пристрастие к азартным играм; аморальное поведение; увлечение суевериями и др. Список такого рода нарушений достаточно велик. Примечательно, что наказание назначается на определенный срок: 6 месяцев – предупреждение, 12 месяцев – выговор, 18 месяцев – строгий выговор, 24 месяца – понижение. Названные сроки могут быть уменьшены, если государственный служащий раскаялся, осуществил самокритику и в течение срока наказания не совершил больше дисциплинарного нарушения.

Уголовной ответственности подвергаются чиновники, замешанные в коррупции. На сегодняшний день борьба с коррупцией находится среди приоритетов внутренней политики КНР, что связано как со стремлением укрепить авторитет Компартии Китая, так и, вероятно, ослабить политических конкурентов нынешнего руководства страны. В докладах Верховной Народной прокуратуры КНР отмечается, что в рамках кампании по "борьбе с тиграми и мухами" с 2013 г. по декабрь 2017 г. в масштабах страны по подозрению в коррупции было возбуждено 199 676 дел, в том числе против членов Центрального Комитета Политбюро КПК, министров, губернаторов провинций **[19]**. Одним из основных коррупционных нарушений в КНР является торговля должностями государственной гражданской службы, и в этом преступлении нередко замешаны функционеры кадровых департаментов КПК. Исходя из сообщений СМИ, достаточно большое количество китайских чиновников было арестовано именно за это. Так, за торговлю должностями в 2004 г. был привлечён к ответственности бывший губернатор провинции Хэбэй Чжан Гогуан, в том же году было начато расследование в отношении главы уезда Наньчун провинции Сычуань, продавшего 61 должность в период с 1999 по 2003 гг., в 2006 г. был вынесен приговор в отношении бывшего главы Организационного департамента провинции Цзянсу за получение взяток на сумму 100 млн. юаней за продвижение по службе **[15]**, в 2017 г. был казнён бывший заместитель главы комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПКС) автономного района Внутренняя Монголия, также замешанный в торговле должностями **[1]**.

Как правило, продаются должности, связанные с предоставлением государственных услуг населению в сфере градостроительства, таможенной деятельности, охраны труда, образования **[9, с. 69]**. Такого рода взяточничество особенно опасно, ведь оно автоматически порождает новых коррупционеров, объединённых к тому же в систему. Так, в г. Сямэнь была выявлена коррупционная сеть, объединяющая 360 государственных гражданских служащих **[11, с. 67-91]**. Очевидно, что государственные служащие, заплатившие за назначение на новую должность (поступление на службу), будут пытаться вернуть потраченные средства, в том числе, за счёт вымогания взяток с граждан и юридических лиц. Кроме того, в результате такого рода коррупции ту или иную должность могут занять лица, не подготовленные к осуществлению должностных обязанностей или же совсем не компетентные, что нанесёт значительный вред функционированию всего механизма государственного управления.

Руководство КНР решает проблему коррупции преимущественно посредством ужесточения репрессивных мер. При этом власть всячески демонстрирует, что оно не делает исключений среди коррупционеров, а наказание за преступление неизбежно, несмотря на звания и ранги. Примером такого подхода являются дела бывшего министра общественной безопасности КНР, секретаря Политико-юридической комиссии ЦК КПК Чжоу Юнкана; руководителя канцелярии ЦК КПК Лин Цзихуа; главы горкома КПК г. Чунцин, члена Политбюро ЦК КПК Бо Силая **[12]**. При этом беглых коррупционеров активно пытаются вернуть в страну и привлечь к ответственности. Как отмечает В.В. Севальнев, "власти КНР помимо законодательных процедур широко применяют специальные программы по розыску и возвращению "беглых" чиновников. Такие мероприятия привели к возвращению 2566 бывших китайских чиновников и депутатов, подозревающихся в различных коррупционных правонарушениях, и способствовали значительному снижению числа уличённых в коррупции чиновников" **[6, с. 100]**.

Вторым средством, которое используется для того, чтобы решить проблему со взятками, является увеличение заработной платы и введение уни-

фицированной системы стимулирования за добросовестный труд **[10]**. Ст.73 закона закрепляет порядок исчисления заработной платы, указывая на то, что руководящим началом в данном случае должно быть "распределение в соответствии с работой". Согласно ст. 74 заработная плата состоит из базовой части, премии, субсидий, компенсаций, доплаты за деятельность в труднодоступной местности. При этом премиальные выплаты полагаются только тем служащим, которые "успешно" или "великолепно" прошли ежегодную аттестацию. Такой подход позволяет исключить так называемый фаворитизм. Можно рассмотреть вопрос о внедрении данной практики и в России в тех государственных органах (их структурных подразделениях), где сейчас премиальные выплаты не зависят от какого-либо количественного показателя.

Ещё одним заслуживающим внимания аспектом является то, что уровень заработка государственного гражданского служащего должен соответствовать уровню развития экономики региона. Для этого проводится периодическое сравнение выплат, производимых государственным служащим, с уровнем заработка в коммерческих организациях. Если сравнивать порядок оплаты труда государственных гражданских служащих в КНР с порядком, закреплённым в ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации", то видно, что российский законодатель более чётко урегулировал данный вопрос. Между тем, в российском законе не закреплена привязка премирования к успешному прохождению аттестации. Кроме этого в законе РФ не установлено, что уровень оплаты труда государственного гражданского служащего должен формироваться с учетом уровня заработной платы в коммерческих структурах. На сегодняшний день именно невысокая заработная плата государственных гражданских служащих в РФ обуславливает высокую текучесть кадров.

Также важно рассмотреть особенности увольнения с государственной гражданской службы в КНР. Китайское законодательство закрепляет два вида отставки государственных гражданских служащих: отставка по собственному желанию и отставка по инициативе работодателя.

Процедура добровольной подачи в отставку достаточно длительна. Так, согласно ст. 80-81 Закона КНР "О государственной гражданской службе" государственный служащий, желающий уйти в отставку, обязан подать заявление, которое рассматривается компетентным органом в течение тридцати дней. В случае если имеется одно из нижеследующих обстоятельств, добровольная отставка невозможна: не достигнут минимальный срок службы; имеется незавершенное важное дело, необходимое для удовлетворения публичных интересов; в отношении государственного гражданского служащего не завершено дисциплинарное расследование, проверка или уголовное расследование; имеются иные обстоятельства, установленные законом, подзаконными актами. Названные ограничения не применяются к лицам, занимающим руководящие должности, если их желание об отставке является мотивированным.

Данный порядок в некоторой степени ограничивает право человека на труд. Однако его нельзя не оценить положительно. Очевидно, что в случае если лицо увольняется с государственной гражданской службы, не завершив какое-либо дело, например, не сдав отчетность, это может повлечь негативные последствия для государственного органа. В России нередко встречается ситуация, когда государственные гражданские служащие пытаются уйти от ответственности за неисполнение того или иного задания посредством ухода в отпуск с последующим увольнением, перекладывая её тем самым на других служащих.

Государственные гражданские служащие подлежат отставке по инициативе работодателя в следующих случаях: признание по результатам аттестации некомпетентным в течение двух лет подряд; отказ от принятия предложения о другой должности в связи с сокращением штата, слиянием, ликвидацией государственного органа; неисполнение должностных обязанностей и нарушение служебной дисциплины; отказ от прохождения обучения, если принято дисциплинарное взыскание в виде увольнения; отсутствие на рабочем месте более чем 15 дней подряд или 30 дней в течение года. При этом государственные гражданские служащие не подлежат отправке в отставку, если они потеряли трудоспособность в результате исполнения своих долж-

ностных обязанностей; признаны временно нетрудоспособными и проходят лечение; находятся в отпуске по беременности и родам; имеются иные обстоятельства, установленные законом и подзаконными актами.

Интересным также является то, что при выходе в отставку в отношении государственного служащего может быть проведена проверка. Такой подход позволяет выявить наличие нарушений в деятельности служащего или же незавершенные им дела.

Исходя из проведенного анализа законодательства КНР о государственной службе, можно прийти к выводу, что ряд положений Закона КНР "О государственной гражданской службе" заслуживает внимания и дальнейшего изучения и может быть использован для совершенствования регулирования в РФ деятельности государственных гражданских служащих.

Во-первых, в целях повышения объективности результатов конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы процедуру проведения конкурса следует поручить отдельному специализированному ведомству. Это позволит снизить вероятность таких ситуаций, когда лицо, фактически не участвовавшее в конкурсе, становится его победителем.

Во-вторых, для улучшения качества работы, выполняемой государственными гражданскими служащими, необходимо внедрить обязательное обучение вновь поступивших на службу лиц. При этом для того, чтобы такое обучение проводилось фактически, следует предусмотреть систему контроля. Также не может быть не оценён опыт КНР, касающийся обучения государственных служащих различных ведомств совместной работе.

В-третьих, предусмотренная в КНР система стажировок государственных гражданских служащих позволяет выявить способность служащего работать в новой обстановке, даёт ему новые компетенции, что является важным для подготовки новых руководящих кадров.

В-четвёртых, для обеспечения стабильности делопроизводства представляется интересным рассмотреть возможность внедрения опыта КНР, касающегося отказа государственному служащему в увольнении в ситуации, когда он не передал дела в должном виде, либо предусмотреть ответственность материального или дисциплинарного характера, если дела переданы с существенными недостатками, которые могут повлечь или повлекли убытки (трудности при выполнении функций / должностных обязанностей) у государственного органа или лица, заместившего такого государственного служащего.

Литература

1. В Китае казнён бывший высокопоставленный чиновник Внутренней Монголии [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/26/chinapunishment/ (дата обращения: 07.08.2017).

2. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД "ФОРУМ", 2009. 592 с.

3. Кулешова Н.С., Лун Х. Особенности трансформации государственной службы Китая в новых экономических условиях / Н.С. Кулешова, Х. Лун // Вестник ТГУ. 2015. № 4. (144). С. 24–32.

4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 26.07.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.09.2017).

5. О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 (ред. от 18.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.09.2017).

6. Севальнев В.В. Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай (сравнительно-правовой аспект) / В.В. Севальнев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 95–100.

7. Трощинский П.В. Административная реформа в КНР: политико-правовые аспекты / П.В. Трощинский // Административное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 1264–1270.

8. Хао Лун. Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе. Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2015. 36 с.

9. Burns J.P., Xiaoqi W. Civil service reform in China: Impacts on civil servants' behavior // China Quarterly. 2010. № 201. pp. 58–78.

10. Liang Ma. Governing civil service pay in China // Journal of Chinese Governance. 2016. Vol. 1.Iss. 2. pp. 373–375.
11. Shawn Shieh. The rise of collective corruption in China: the Xiamen smuggling case //Journal of Contemporary China. 2005. Vol. 14. № 42. pp. 67–91.
12. 薄熙来 (Бо Силай) [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/薄熙来/181299?fr=aladdin (дата обращения 04.09.2017).
13. 国家公务员局关于公务员管理工作更好服务于京津冀协同发展战略的实施意见 (Мнение Государственной администрации гражданской службы "О внедрении стратегии взаимодействия между государственными гражданскими служащими Пекина, Тяньцзиня и Хэбэй в целях лучшего управления" от 25.05.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.scs.gov.cn/zcfg/201705/t20170525_8988.html (дата обращения: 04.09.2017).
14. 国务院办公厅关于转发人力资源社会保障部国家公务员局"十三五"行政机关公务员培训纲要的通知 (Директива Канцелярии Госсовета КНР "Об учебных планах для государственных гражданских служащих в целях выполнения 13-го пятилетнего плана" от 13.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/23/content_5152015.htm (дата обращения: 07.08.2017).
15. 江苏省委原常委、组织部部长受贿640万元 (Бывший глава организационного департамента постоянного комитета провинции Цзянсу получил взятку 6,4 млн. юаней) [Электронный ресурс]. URL: http://www.qingdaonews.com/gb/content/2006-01/25/content_5949521.htm (дата обращения: 06.09.2017).
16. 中共中央、国务院关于印发中华人民共和国公务员法实施方案的通知 (Уведомление ЦК КПК и Государственного совета КНР "О плане претворения в жизнь Закона КНР "О государственной гражданской службе" от 09.04.2006) [Электронный ресурс]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182147/11002816.html (дата обращения: 07.08.2017).
17. 中华人民共和国公务员法 (Закон КНР "О государственной гражданской службе" от 27.04.2005) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2005-06/21/content_8249.htm (дата обращения: 07.09.2017).
18. 中华人民共和国宪法 (Конституция КНР от 04.12.1982) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-03/21/content_2643049.htm (дата обращения: 01.09.2017).
19. 最高人民检察院工作报告 (Отчеты Верховной Народной прокуратуры КНР) [Электронный ресурс]. URL: http://www.spp.gov.cn/spp/gzbg/index.shtml (дата обращения: 28.10.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. V Kitae kaznyon byvshij vysokopostavlennyj chinovnik Vnutrennej Mongolii [EHlektronnyj resurs]. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/26/chinapunishment/ (data obrashheniya: 07.08.2017).
2. Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ehkonomika, kul'tura. K 60-letiyu KNR. M.: ID "FORUM", 2009. 592 s.
3. Kuleshova N.S., Lun KH. Osobennosti transformatsii gosudarstvennoj sluzhby Kitaya v novykh ehkonomicheskikh usloviyakh / N.S. Kuleshova, KH. Lun // Vestnik TGU. 2015. № 4. (144). C. 24–32.
4. O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federatsii: Federal'nyj zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ (red. ot 26.07.2017) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashheniya: 06.09.2017).
5. O konkurse na zameshhenie vakantnoj dolzhnosti gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby Rossijskoj Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 01.02.2005 № 112 (red. ot 18.12.2016) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashheniya: 06.09.2017).
6. Seval'nev V.V. Zakonodatel'stvo v sfere protivodejstviya korruptsii: Rossiya i Kitaj (sravnitel'no-pravovoj aspekt) / V.V. Seval'nev // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017. № 3. S. 95–100.
7. Troshhinskij P.V. Administrativnaya reforma v KNR: politiko-pravovye aspekty / P.V. Troshhinskij // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2014. № 12. C. 1264–1270.
8. KHao Lun. Funktsionirovanie i razvitie sistemy gosudarstvennoj sluzhby v KNR na sovremennom ehtape. Avtoref. dis. kand. polit. nauk. M., 2015. 36 s.
9. Burns J.P., Xiaoqi W. Civil service reform in China: Impacts on civil servants' behavior // China Quarterly. 2010. № 201. rp. 58–78.
10. Liang Ma. Governing civil service pay in China // Journal of Chinese Governance. 2016. Vol. 1.Iss. 2. rr. 373–375.
11. Shawn Shieh. The rise of collective corruption in China: the Xiamen smuggling case //Journal of Contemporary China. 2005. Vol. 14. № 42. pp. 67–91.

12. 薄熙来 (Bo Silaj) [EHlektronnyj resurs]. URL: https://baike.baidu.com/item/薄熙来/181299?fr=aladdin (data obrashheniya 04.09.2017).
13. 国家公务员局关于公务员管理工作更好服务于京津冀协同发展战略的实施意见 (Mnenie Gosudarstvennoj administratsii grazhdanskoj sluzhby "O vnedrenii strategii vzaimodejstviya mezhdu gosudarstvennymi grazhdanskimi sluzhashhimi Pekina, Tyan'tszinya i KHehbehj v tselyakh luchshego upravleniya" ot 25.05.2017) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.scs.gov.cn/zcfg/201705/t20170525_8988.html (data obrashheniya: 04.09.2017).
14. 国务院办公厅关于转发人力资源社会保障部国家公务员局"十三五"行政机关公务员培训纲要的通知 (Direktiva Kantselyarii Gossoveta KNR "Ob uchebnykh planakh dlya gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashhikh v tselyakh vypolneniya 13-go pyatiletnego plana" ot 13.12.2016) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/23/content_5152015.htm (data obrashheniya: 07.08.2017).
15. 江苏省委原常委、组织部部长受贿640万元 (Byvshij glava organizatsionnogo departamenta postoyannogo komiteta provintsii TSzyansu poluchil vzyatku 6,4 mln. yuanej) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.qingdaonews.com/gb/content/2006-01/25/content_5949521.htm (data obrashheniya: 06.09.2017).
16. 中共中央、国务院关于印发中华人民共和国公务员法实施方案的通知 (Uvedomlenie TSK KPK i Gosudarstvennogo soveta KNR "O plane pretvoreniya v zhizn' Zakona KNR "O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe" ot 09.04.2006) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182147/11002816.html (data obrashheniya: 07.08.2017).
17. 中华人民共和国公务员法 (Zakon KNR "O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe" ot 27.04.2005) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2005-06/21/content_8249.htm (data obrashheniya: 07.09.2017).
18. 中华人民共和国宪法 (Konstitutsiya KNR ot 04.12.1982) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-03/21/content_2643049.htm (data obrashheniya: 01.09.2017).
19. 最高人民检察院工作报告 (Otchety Verkhovnoj Narodnoj prokuratury KNR) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.spp.gov.cn/spp/gzbg/index.shtml (data obrashheniya: 28.10.2018).

Алексеенко А.П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР.

В статье проанализирован Закон КНР "О государственной гражданской службе", а также связанные с ним подзаконные акты и документы Коммунистической партии Китая. Автор обращает большое внимание на такие особенности регулирования государственной гражданской службы в КНР как поступление на государственную гражданскую службу, обучение государственных служащих, а также затрагивает вопросы коррупции в этой среде. На основе изучения китайского опыта даются рекомендации, которые могли бы использоваться для совершенствования государственного управления в России.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, Китай, государственный служащий, коррупция в КНР, реформа государственной гражданской службы, Коммунистическая партия Китая*

Alekseenko A.P. Regulation of the civil service in the PRC.

This article analyses a Civil Servant law of the PRC as well regulations connected with it, and documents of the Communist Party of China. The author pays attention to the specific features of the mentioned law related to admission to public service, training of civil servants and corruption. Basing on the study of Chinese experience the author gives recommendations which can be used to improve public administration in Russia.

Key words: *civil service, China, civil servant, corruption in China, civil service reform, Communist Party of China*

Для цитирования: Алексеенко А.П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 109–117. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/109-117

For citation: Alekseenko A.P. Regulation of the civil service in the PRC // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 109–117. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/109-117

◆

УДК 316.44 *Казакова А.Ю.*

Образ дома в массовой кинопродукции: оценки, классификаторы, модели

Введение

Социокультурное значение дома в ряду других социальных институтов – недостаточно исследованная сегодня тема. Феноменология дома позволяет утверждать, что чем благоприятней его образ в индивидуальном и массовом сознании, тем благополучней и общество в целом. Об этой базовости дома как целостного конструкта сознания, объединяющего в себе множество и познавательных, и оценочных категорий, множество частных образов и деталей, фактически являющегося архетипом, насколько бы конкретным в своей социально-исторической обусловленности ни выглядело каждое отдельное жилище, подробно писал Г. Башляр: "Дом одна из наибольших интегрирующих сил для человеческой мысли, воспоминаний и грёз. Связующим принципом этого интегрирования является мечтание. Прошлое, настоящее и будущее дают дому различные динамики, подчас пересекающиеся, подчас противоречащие, подчас провоцирующие друг друга. <…> Он есть первый мир человеческого существа. <…> У жизни доброе начало, она заключена, защищена, согрета в лоне дома" **[1, с. 2]**. Указывая, что дом объединяет "все частные ценности в единую основополагающую ценность …, – особенную ценность всех наших образов защищённой интимности" **[1, с. 1]**, французский философ и культуролог задаётся вопросом о том, как снять проблему описания связанных с домом фактов и впечатлений, "чтобы достичь первоначальных ценностей, в которых каким-либо образом обнаруживается установка, свойственная первоначальной функции обитания" **[1, с. 1–2]**. В рамках своего "топо-анализа" психологического пространства, то есть психологического исследования "мест нашей внутренней жизни", организации и удержания в памяти впечатлений, воспоминаний и чувств, Г. Башляр специальное внимание уделяет одиночеству и "пространствам уединения": крову, комнате, хижине. Эти статично "интровертные" (в отличие от движения, дороги) топосы выступают критериями, мерилом личного человеческого благополучия: "Подлинная сокровенность не отталкивает. Все области сокровенного отмечены притяжением. Повторим ещё раз, что их бытие — это благо-бытие. При этих условиях топо-анализ характеризуется топо-филией" **[1, с. 8]**.

Начиная со знаменитой работы Й. Хейзинги **[8]**, масштабного кросскультурного лонгитюдного исследования современного досуга Ж. Проново **[10]**, все более популярной в философских, культурологических, социокультурных изысканиях становится идея игры как основной формы современной социальности. В одной из философских работ, рассматривающей культуру с позиций проблемы выживания (как приземлённого варианта богословской категории спасения), предлагается "новая парадигма "игровой" культуры, в которой … частным случаем проблемы выживания является оздоровление, осуществляемое средствами культуры и искусств и выступающее как альтернатива медикаментозно-таблеточному лечению" **[5, с. 82]**. У другого философа, стремящегося выявить в популярных фантастических романах "моральный код" современных социальных представлений россиян о справедливости, об отношениях общества и государства с личностью, обнаруживаем ответ на вопрос о том, почему игра начинает выполнять такую важную смыслообра-

© *Казакова А.Ю., 2018*

КАЗАКОВА Анна Юрьевна, канд. социол. наук, докторант Северо-Кавказского федерального университета, доцент кафедры философии и культурологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского *(г. Калуга)*. **E-mail:** kazakova.a.u@yandex.ru

Таблица 1. Временные интервалы: распределение в подборке фильмов по годам

		Частота	Процент
Валидные	1,00	9	1,6
	2,00	22	3,8
	3,00	41	7,2
	4,00	111	19,4
	5,00	211	36,9
	6,00	177	30,9
	Итого	571	99,8
Пропущенные	Системные пропущенные	1	,2
Итого		572	100,0

Источник: составлено автором

зующую роль: "выработка модели морального сознания оказывается тесно связанной с процессом самосознания отдельной личности, и в этой связи возникает вопрос о критерии выбора тех или иных аксиологических категорий. Критерий практического апробирования оказывается несостоятельным в силу отсутствия устоявшейся социальной практики. Критерий веры не является безоговорочным в современном десакрализованном обществе. Критерий рационального анализа теряет силу на фоне множества иррациональных философских течений. Вероятно, одним из немногих востребованных методов философской рефлексии в условиях современной цивилизации, основанной на идеале разносторонне развитой личности, является метод экзистенциального переживания" **[4, с. 87–88]**.

Возможность экзистенциального переживания множества ситуаций и ролей за короткий срок, которое теряет в достоверности, но даёт преимущество одновременного доступа к целому спектру эмоций, жизненных стилей, мотивов выбора поведенческих стратегий дают, помимо игры, средства массовой коммуникации. Имитационная природа СМК также позволяет возводить их к игре как более общей (абстрактной) категории (в данном случае речь может идти о таком её виде, как игра-мимесис). Благодаря художественной типизации кино, литература, телепередача становятся чрезвычайно действенным средством распознавания (а также создания, распространения, закрепления) присутствующих в обществе ценностных ориентаций и установок: "герой вводится в ситуацию, предельно обнажающую суть аксиологического конфликта. Средством создания "предельности" может служить введение магического предмета, фантастического технологического устройства или специфика пространственно-временного устройства мира. <…> "Предельность" выполняет … функцию сбрасывания эмпирической обыденности …, сглаживающей ту или иную аксиологическую проблему, маскирующей её иногда до полной невидимости" **[4, с. 88]**.

Задача данной статьи – ответ на вопрос о том, насколько благоприятен образ домашнего пространства в современной "игровой" культуре. Её важными признаками становятся и способность дома к трансформации, и мобильность, вызванная ростом номадических тенденций, и попытки возврата к прошлому (рост руральности и почвенничества в общественных настроениях), а также категория риска, результатом которого становится та или иная реализация в пространстве дома идеи "выживания". Поэтому в первую очередь речь идёт о соотношении в современном развлекательном кинематографе (мы намеренно отбрасываем арт-хауз, "кино-не-для-всех") жанров, основанных на эстетических категориях "прекрасного" и "ужасного".

Таблица 2. Распределение в подборке фильмов по странам-производителям

		Частота	Процент
Валидные	СССР	55	9,6
	Славянские страны, включая Россию	51	8,9
	Европа	142	24,8
	США и Канада	245	42,8
	Австралия, Новая Зеландия, ЛатАмерика	18	3,1
	Азия и Африка, включая совместные с Европой	61	10,7
	Итого	572	100,0

Источник: составлено автором

Они позволяют зрителю очертить границы потребительского жилищного стандарта, выше которых наблюдается "престижное потребление", а ниже которых – устойчивые лишения, то есть депривация. В границах этого стандарта присутствует высокая вариативность оценок жилищных условий, связанная с их многокомпонентностью. Поэтому достаточно сложно не только оценить обоснованность предельно низкой удовлетворённости, но и механизм перехода от просто неудовлетворённости к фрустрации. Это невозможно сделать вне анализа культурных паттернов жилья, задающих рамки его восприятия и оценивания в конкретной социальной ситуации как соответствующего или не соответствующего потребительскому стандарту, вне выявления её важнейших дискриминант.

Материалы и методы

Сбор репрезентаций ***дома*** в массовой кинопродукции осуществлён нами методом контент-анализа названий фильмов, содержащих лексемы "дом", "жилье", "жилище", "квартира", "комната" и т.д. (синонимы и близкие по смыслу слова и выражения с учётом этнолингвокультурного варьирования наименований различных типов жилищ в различных языках), а также аннотаций к ним, размещённых в каталоге фильмов на сайте https://my-hit.org. На момент поиска (14.08.2017) по запросу "дом" в данном каталоге нами было обнаружено 9452 метаописания. Методом основного массива, отфильтровывая описания, где ***дом*** представлен в метафорическом или неосновном значении (например, "Позор дома Романовых" 1917 г. или документальный фильм 2009 г. "Дом", посвящённый антропогенному воздействию на Землю), избавляясь от дубликатов, мы отобрали 572 единицы наблюдения. Дальнейшая обработка состояла в формализации данных путём кодификации значений переменных, относящихся как к самому контенту (характеристикам изображённых в фильмах домов), так и к коммуникативному процессу (год выхода фильма, его жанр, рейтинг в соответствии с выставленными зрителями онлайн-оценками, страна-производитель).

В группу переменных, относящихся к образу дома, нами введены следующие. Числовая порядковая *Защищённость*: упоминаются ли в названии фильма элементы, подчёркивающие опасность/безопасность проживания, пребывания в доме или его посещения, с тремя градациями: "подчёркивается незащищённость", "нет упоминаний", "подчёркивается защищённость". Числовая дихотомическая *Инженерно-строительные признаки:* упоминаются ли в названии материал дома, конструктивные элементы, технические, архитектурные, дизайнерские решения, со значениями "нет" и "да". Числовая порядковая *Обитаемость: с*оставляет ли это важный смыслообразующий элемент названия, со значениями "не упоминается", "брошенное или нежилое помещение", "жилье временное или сезонного использования", "используемое для постоянного проживания". Числовая дихотомическая *Размер жилища:*

Таблица 3. Зрительские оценки фильмов, где важным элементом системы образов является дом: средние для выделенных временных интервалов

Временные интервалы	N	Среднее	Стд. отклонение
1,00	9	94,44	16,67
2,00	22	96,73	9,24
3,00	41	96,12	10,68
4,00	111	86,49	26,53
5,00	211	82,48	26,42
6,00	177	70,73	26,93
Итого	571	81,33	26,46

Источник: составлено автором

упоминается ли он в названии, со значениями "нет" и "да". Числовая дихотомическая *Индивидуальный/Многоквартирный:* упоминается ли в названии фильма признак принадлежности дома к индивидуальному или многоквартирному жилфонду, со значениями "нет" и "да". Числовая дихотомическая *Старость жилища:* упоминается ли в названии срок функционирования, или срок существования, или время постройки, или завершённость строительства дома, со значениями "нет" и "да". Числовая дихотомическая *Местоположение жилища:* упоминается ли оно в названии, со значениями "нет" и "да". Числовая дихотомическая *Принадлежность жилища*: упоминаются ли в названии притяжательные местоимения ("мой", "твой", "свой" и пр.) или иные маркёры собственности (напр., триллер 1995 г. "Дом, который купила Мэри"), со значениями "нет" и "да". Наконец, числовая порядковая *Эмоция*: присутствуют ли в названии оценочные слова либо экспрессивно окрашенные эмоционально-оценочные эпитеты, со значениями "резко отрицательная оценка/эмоция", "шок, удивление, растерянность, интерес", "нет выражений оценки/эмоции", "однозначно положительная оценка/эмоция". В сложных случаях значения отдельных переменных уточнялись с помощью аннотаций (данный ресурс был выбран в качестве основы выборки именно благодаря развёрнутым, подробным описаниям фабулы и характеристик фильмов, в большинстве случаев избавлявших от необходимости их просмотра).

Анализ данных осуществлялся автоматически на базе пакета IBM-SPSS Statistics 20. Основой анализа стали классификационные процедуры. Для решения промежуточных задач применялись непараметрические проверки распределений, оценка корреляционных связей, кросстабуляция.

Для всех задействованных переменных нулевые гипотезы о равной вероятности появления их категорий или нормальности распределения значений отклонены (соответственно по одновыборочному биномиальному или хи-квадрата критерию либо критерию Колмогорова-Смирнова) со значимостью 0,000 на уровне значимости 0,05.

Массив: структура и распределения

Временной отрезок, которым представлена совокупность рассмотренных фильмов, – 1913–2018 гг. Количественная переменная частотности фильмов по годам преобразована в порядковую переменную с шестью интервалами: 1900–1929=1; 1930–1949 = 2; 1950–1969 = 3; 1970–1989 = 4; 1990–2009 = 5; 2010 – до настоящего времени = 6. Периоды становления кинематографа и его современного состояния, безусловно, несопоставимы ни с точки зрения количества фильмов *(см. табл. 1)*, ни жанрового разнообразия, ни социокоммуникативных функций.

Неравномерно и распределение количества фильмов по странам-производителям, которое отражает скорее меру информационного неравенства

Таблица 4. Парные корреляции переменных, характеризующих связь восприятия фильма зрителями с оценочностью названий и жанровой принадлежностью

			Эпитет/Оценка в названии	Образ дома	Рейтинг
ро Спирмена	Эпитет/Оценка в названии	Коэффициент корреляции	1,000	,533**	,223**
		Знч. (2-сторон)		,000	,000
		N	572	572	572
	Образ дома (по жанру)	Коэффициент корреляции	,533**	1,000	,435**
		Знч. (2-сторон)	,000		,000
		N	572	572	572
	Рейтинг	Коэффициент корреляции	,223**	,435**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,000	
		N	572	572	572

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Источник: составлено автором

между государствами, чем меру ориентации киноиндустрии на "домашние" ценности. Как видно из *табл. 2*, основную долю информационного пространства, где формируется образ дома, занимают США, с которыми мы объединили и Канаду ввиду единства географического положения и ряда историко-культурных особенностей колонизации континента. Наша доля сопоставима с долей стран Азии и Африки, и даже объединение двух периодов – советского и постсоветского – не позволит говорить о "конкурентоспособности" нашего (русского, славянского) образа дома по сравнению с европейской и – шире – западной моделью.

Распределение жанров в сформированном массиве показывает (см. гистограмму на *рис. 1*), что потоки кинопродукции моделируют в общественном сознании преимущественно тревожный, драматичный, снижающий чувство защищённости образ дома. В общем итоге основную долю занимает драма, а на втором месте оказываются ужасы, далее триллер, после – комедия, детектив и другие жанры. Но если рассмотреть только жанры, указанные первыми, то есть определяющие основную тональность фильма, лидеры поменяются местами, и список возглавят ужасы.

На этом фоне неудивительно, что средняя зрительская оценка фильмов, изображающих домашнее пространство, поступательно снижается, как показывает сравнение средних в *табл. 3*. Если выпущенные с предвоенных лет и до начала 1970-х гг. фильмы получили стабильно высокие оценки (значительно выше среднего для всего массива уровня), то в результате наступившего позднее спада к настоящему времени они оказались такими негативными, что выпали далеко за нижнюю границу контрольного диапазона в 3σ. Усилилась и неоднородность оценок (см. в *табл. 3* рост значений стандартного отклонения).

Этот спад можно было бы объяснить внутренними закономерностями развития массовых коммуникаций (например, зрительской пресыщенностью), если бы не выявленная нами умеренно сильная корреляция между рейтингом фильма и его жанровой принадлежностью, представленная в *табл. 4*. Переменная *Образ дома* – количественная с тремя интервалами ("негативный" – "нейтральный" – "позитивный"). Она является производной от номинальной (текстовой) переменной *Жанр*. Исходя из постулата М. Мак-Люэна "Канал предопределяет содержание" **[6]**, мы поставили в соответствие каждому жанру одно из трёх перечисленных выше значений, имея в виду, что ужасы, триллер, мистика обязательно предполагают возникновение эмоций страха, тоски, неуверенности, гнева, отвращения; мелодрама, романтическая комедия или

Таблица 5. Частные корреляции переменных, характеризующих связь восприятия фильма зрителями с оценочностью названий и жанровой принадлежностью

Переменные			Эпитет/Оценка в названии	Образ Дома	Рейтинг
Исключённые: Временные интервалы & Год	Эпитет/Оценка в названии	Корреляция	1,000	,537	,258
		Значимость (2-сторон.)		,000	,000
		ст.св.	0	567	567
	Образ Дома	Корреляция	,537	1,000	,402
		Значимость (2-сторон.)	,000		,000
		ст.св.	567	0	567
	Рейтинг	Корреляция	,258	,402	1,000
		Значимость (2-сторон.)	,000	,000	
		ст.св.	567	567	0

Источник: составлено автором

так называемый "семейный" фильм призваны вызывать умиление, надежду, растроганность; детектив же, комедия или драма хотя и вызывают те или иные эмоции, но всё же обыгрывают ситуации, которые заставляют в большей степени думать, чем чувствовать и сопереживать. Как видим, чем чаще перед нами жанр, программирующий положительный образ дома, тем выше и зрительская оценка.

В условиях парциальных корреляций с исключением переменных *Годы, Временные интервалы* связь несколько слабеет, но сохраняет и уровень средней силы, и статистическую значимость *(см. табл. 5)*. Почти такой же уровень связи (r=0,409; ro=0,436) мы получаем при анализе парных корреляций в условиях взвешивания наблюдений по переменной *Временные интервалы*. Таким образом, около 40% разброса зрительских оценок – независимо от времени создания фильма – обусловлено присутствующим в нем образом дома.

Какие признаки отличают "дом мечты" от адского "дома-монстра", мы выясняли с помощью классификационных процедур.

Итоги классификации "хороших" и "плохих" домов

Кластеризация методом k – средних на основе переменных *Рейтинг, Образ дома (по жанру)* и *Эмоция/оценка в названии* позволила сгруппировать все единицы массива в два почти одинаковых по объёму кластера: 1 ("идеальный дом") и 2 ("страшный дом"). Доля первого составляет 54,7%, доля второго 45,3%.

Классификация методом CHAID признаков принадлежности изображённого жилища к кластеру "страшных" или "идеальных" домов осуществлена на основе всех переменных из блока репрезентаций дома. Оценка риска = 0,323 со стандартной ошибкой 0,020; процент корректных предсказаний 67,7%, в том числе для кластера 1 ("идеальный дом") 72,4%, для кластера 2 ("страшный дом") 27,6%. Трехуровневое дерево классификации *(рис. 2)* состоит из 10 узлов, количество терминальных узлов 6. Как видим, главным классификационным критерием является безопасность; в случае, если в названии фильма лингвистические маркёры опасности/безопасности жилища отсутствуют, таким критерием становится использование жилого помещения по прямому назначению – постоянного, или сезонного, или временного характера проживания, или же его полной заброшенности (что также косвенно соотносится с критерием безопасности); для жилых помещений важно, к какому типу жилфонда оно относится; для прочих – установлено ли и насколько безоговорочно соблюдается право собственности.

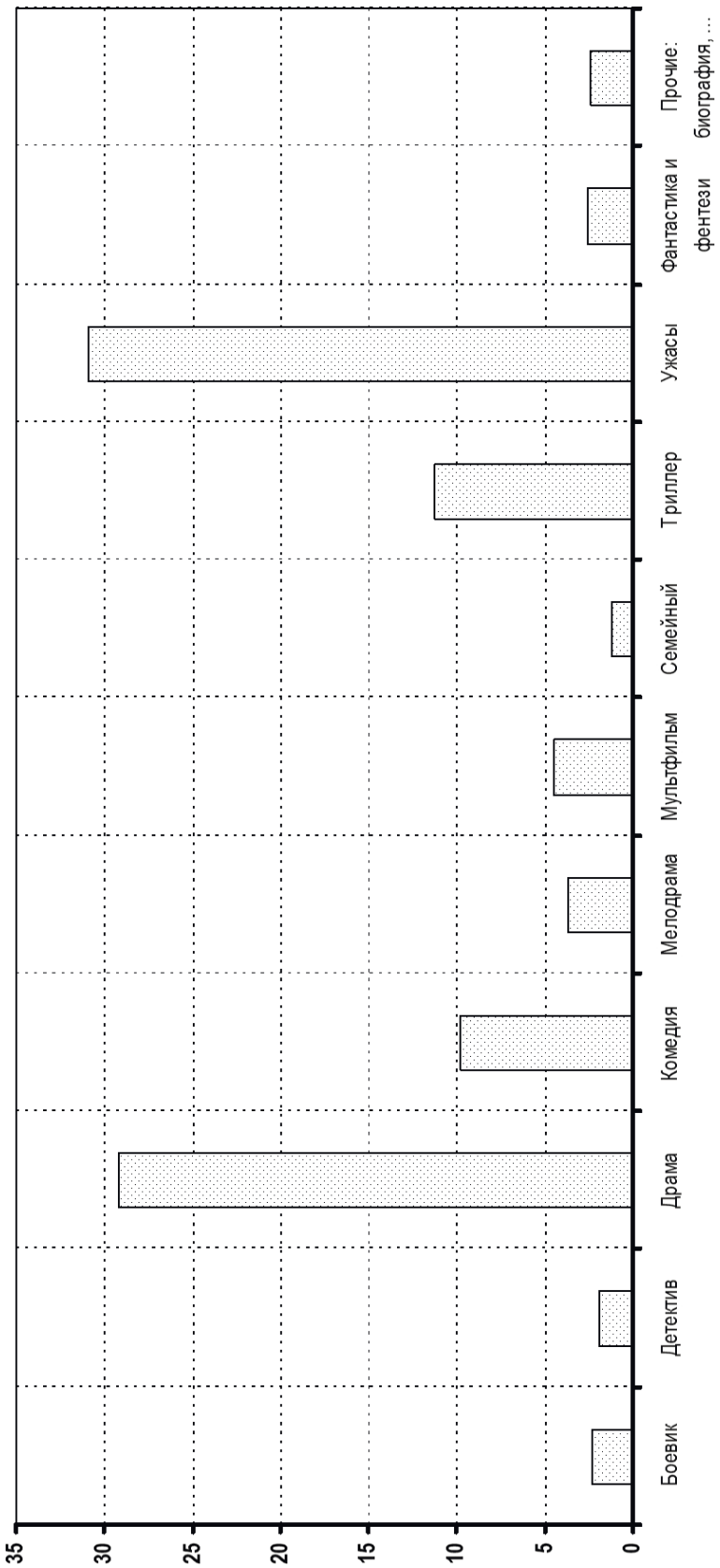
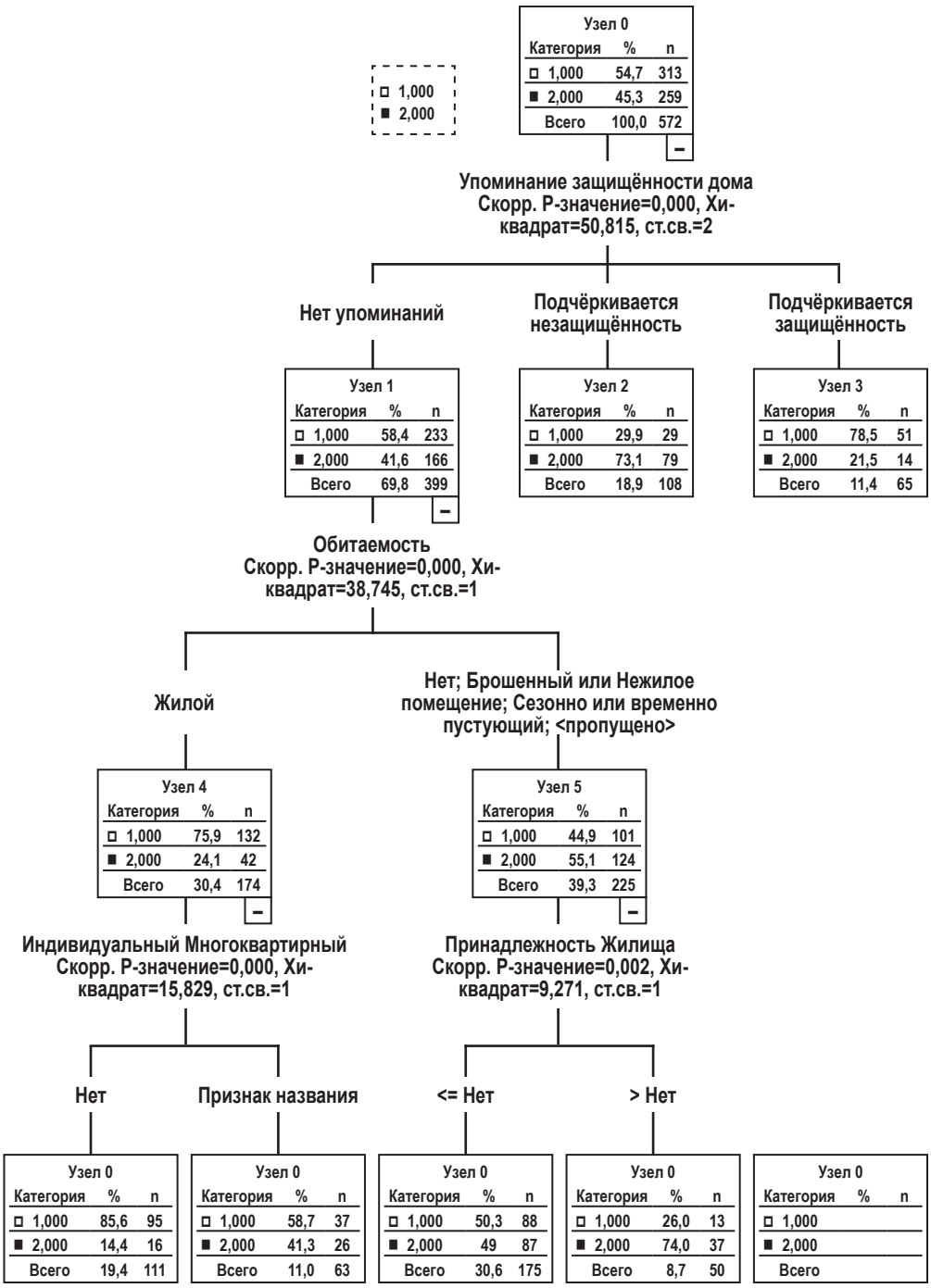


Рисунок 1. Распределение частотности фильмов в подборке по ведущему жанру (только жанры, упомянутые первыми)

Источник: составлено автором

Рисунок 2. Классификаторы оценочности в образе дома

1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный



Источник: составлено автором

Таблица 6. Сопряжённость частот значений переменных Временные интервалы * 1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный

			1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный		Итого
			1	2	
Временные интервалы	1,00	Частота	4a	5a	9
		% в Временные интервалы	44,4%	55,6%	100,0%
	2,00	Частота	11a	11a	22
		% в Временные интервалы	50,0%	50,0%	100,0%
	3,00	Частота	29a	12b	41
		% в Временные интервалы	70,7%	29,3%	100,0%
	4,00	Частота	60a	51a	111
		% в Временные интервалы	54,1%	45,9%	100,0%
	5,00	Частота	114a	97a	211
		% в Временные интервалы	54,0%	46,0%	100,0%
	6,00	Частота	95a	82a	177
		% в Временные интервалы	53,7%	46,3%	100,0%
Итого		Частота	313	258	571
		% в Временные интервалы	54,8%	45,2%	100,0%

Каждая подстрочная буква обозначает набор 1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный категорий, для которых пропорции столбцов значимо не различаются между собой на уровне ,05.

Источник: составлено автором

Проанализировав соотношение частот в ячейках таблицы сопряжённости 6, мы пришли к выводу об отсутствии выраженной исторической динамики в восприятии дома (аналогичные результаты получены и при взвешивании). Иными словами, мы не можем говорить о том, что негативизация образа окружающего пространства, включая домашнее, наметилась в последние годы или десятилетия и что она спровоцирована ростом политической нестабильности или потоками низкопробной кинопродукции, смакующей различные апокалиптические сценарии. Скорее речь идёт о сосуществовании в массовом сознании "идеала" и "антиидеала" дома – "хорошего", благополучного, счастливого, безопасного, многолюдного, живущего в гармонии с прошлым и будущим (смена поколений, надежды или приятные воспоминания и ностальгическая грусть), и "плохого", уединённого, пустого, угрожающего жизни и здоровью, физическому или психическому, лишающего сил, свободы, надежд и, в конечном счёте, полностью разрушающего личность.

Как видим, исключение составляет короткий промежуток 1950-х и 1960-х гг., когда с уверенностью можно говорить о доминировании первой, "оптимистической", модели. Такой благодатный для образа дома период может объясняться спецификой культурного потребительского стандарта.

С одной стороны, отчасти сгладилась травма военных лет, набирающее обороты материальное производство привело к росту уровня жизни населения, что позволило Д. Гэлбрайту в 1958 г. назвать США "обществом изобилия" **[3]**. С другой стороны, в этот период "американская мечта" – уютный односемейный пригородный коттедж – все ещё оставалась мечтой, но мечтой достижимой: общество ещё не перешло к этапу жадного сверхпотребления ради него самого, которое исключает удовлетворённость жилищными услови-

Таблица 7. Сопряжённость Страны * 1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный

			1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный		Итого
			1	2	
Страны	СССР	Частота	53a	2b	55
		% в Страны	96,4%	3,6%	100,0%
	Славянские страны, включая Россию	Частота	43a	8b	51
		% в Страны	84,3%	15,7%	100,0%
	Европа	Частота	76a	66a	142
		% в Страны	53,5%	46,5%	100,0%
	Штаты и Канада	Частота	90a	155b	245
		% в Страны	36,7%	63,3%	100,0%
	Австралия, Новая Зеландия, Латинская Америка	Частота	8a	10a	18
		% в Страны	44,4%	55,6%	100,0%
	Азия и Африка, включая совместные с Европой	Частота	43a	18b	61
		% в Страны	70,5%	29,5%	100,0%
Итого		Частота	313	259	572
		% в Страны	54,7%	45,3%	100,0%

Каждая подстрочная буква обозначает набор 1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный категорий, для которых пропорции столбцов значимо не различаются между собой на уровне ,05.

Источник: составлено автором

ями в принципе. Последствия этого перехода многократно рассматривались в научной литературе, но для нас представляет интерес анализ этих последствий применительно к жилищной сфере, причём глазами американцев: "Синдром потреблятства поражает американцев независимо от уровня их доходов, однако его последствия более разрушительно сказываются на бедных людях. Прежде всего, бедные часто являются главными жертвами экологических последствий применения стратегий производства более дешёвых товаров. Ведь они живут большей частью в местах, где уровень загрязнения окружающей среды наиболее высок <…> В то же время значительно повысившийся уровень зарплаты лидеров новой "информационной экономики" привёл к ужесточению конкуренции на рынке недвижимости, в результате чего цены на жилье стали недосягаемыми даже для людей со средними доходами. Многие вынуждены покидать места, где они и их семьи прожили всю жизнь.

Наконец, бедных дразнят телевизионными программами и рекламой, где перед ними мелькают образы потребительских стандартов, которые считаются типичными для среднестатистического американца, но достичь которых у бедных людей нет никакой возможности — кроме, быть может, ограбления банка или выигрыша в лотерею" **[2]**.

Как видно из таблицы сопряжённости 7, европейский кинематограф (куда мы не включали славянские страны) не выказывает тяготения к той или иной модели, равно как несвойственно это и Австралии, Новой Зеландии и Латинской Америке (результаты аналогичны и при взвешивании по переменным *Временные интервалы* и *Страны).* СССР, современной России и другим славянским странам несвойственно конструирование образа "страшного" дома, что сближает их со странами азиатского региона (фильмов с африканского континента в подборке почти нет). На этом фоне США и Канада стоят

Таблица 8. Сопряжённость Страны * Допустимость детской аудитории

			Допустимость детской аудитории		Итого
			Предназначен для детской аудитории	Не предназначен для детской аудитории	
Страны	СССР	Частота	13a	42b	55
		% в Страны	23,6%	76,4%	100,0%
	Славянские страны, включая Россию	Частота	6a	45a	51
		% в Страны	11,8%	88,2%	100,0%
	Европа	Частота	10a	132b	142
		% в Страны	7,0%	93,0%	100,0%
	Штаты и Канада	Частота	30a	215a	245
		% в Страны	12,2%	87,8%	100,0%
	Австралия, Новая Зеландия, Латинская Америка	Частота	0a	18a	18
		% в Страны	0,0%	100,0%	100,0%
	Азия и Африка, включая совместные с Европой	Частота	11a	50a	61
		% в Страны	18,0%	82,0%	100,0%
Итого		Частота	70	502	572
		% в Страны	12,2%	87,8%	100,0%

Каждая подстрочная буква обозначает набор Допустимость детской аудитории категорий, для которых пропорции столбцов значимо не различаются между собой на уровне ,05.

Источник: составлено автором

особняком: очевидно доминирование в информационном пространстве именно той кинопродукции, в которой дом страшен, опасен, ненадёжен, уродлив, связан с тёмными потусторонними силами или скрывает за фасадом внешней благопристойности какие-то ужасные или постыдные тайны. Внутри такого дома обитает зло: в мистически окрашенных жанрах его воплощает демон или призрак, а если жанр оперирует рационалистическими категориями, зло персонифицируется в образе безумного маньяка.

70 единиц (12,2% всей подборки) относятся к жанрам, предполагающим детскую аудиторию: мультфильмы, "семейные" и разножанровые фильмы, включая ужасы, с пометкой "детские". В составе всех ориентированных на детскую аудиторию фильмов кластер 2 (со "страшными" домами) занимает 10%. И, как видно из таблицы сопряжённости 8, последовательная дифференциация контента "детских" и "недетских" жанров присуща, кроме СССР, только неславянским странам Европы. Современная Россия в этом отношении, как видим, не отличается от стран, сформировавших узнаваемые стили хоррора, – США и Японии.

Именно эта тенденция представляет собой ярко выраженную примету современности. Создание детских фильмов в классической стилистике мистического триллера обозначилось с 1990-х гг. Наиболее яркие и коммерчески успешные (красочные, с талантливыми актёрами, неожиданными сюжетными поворотами) образцы – "Белоснежка: Страшная сказка" (1997), "Братья Гримм"(2005), "Красная Шапочка" (2011 – США, Канада; 2015 – США); "Гензель и Гретель" (во множестве вариантов). Таблица сопряжённости 9 отчёт-

Таблица 9. Допустимость детской аудитории * 1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный

Временные интервалы				1 кластер Идеальный, 2 кластер - Страшный		Итого
				1	2	
1,00	Допустимость детской аудитории	Не предназначен для детской аудитории	Частота	4a	5a	9
			% в Допустимость детской аудитории	44,4%	55,6%	100,0%
	Итого		Частота	4	5	9
			% в Допустимость детской аудитории	44,4%	55,6%	100,0%
2,00	Допустимость детской аудитории	Предназначен для детской аудитории	Частота	4a	0b	4
			% в Допустимость детской аудитории	100,0%	0,0%	100,0%
		Не предназначен для детской аудитории	Частота	18a	22b	40
			% в Допустимость детской аудитории	45,0%	55,0%	100,0%
	Итого		Частота	22	22	44
			% в Допустимость детской аудитории	50,0%	50,0%	100,0%
3,00	Допустимость детской аудитории	Предназначен для детской аудитории	Частота	15a	3a	18
			% в Допустимость детской аудитории	83,3%	16,7%	100,0%
		Не предназначен для детской аудитории	Частота	72a	33a	105
			% в Допустимость детской аудитории	68,6%	31,4%	100,0%
	Итого		Частота	87	36	123
			% в Допустимость детской аудитории	70,7%	29,3%	100,0%
4,00	Допустимость детской аудитории	Предназначен для детской аудитории	Частота	48a	0b	48
			% в Допустимость детской аудитории	100,0%	0,0%	100,0%
		Не предназначен для детской аудитории	Частота	192a	204b	396
			% в Допустимость детской аудитории	48,5%	51,5%	100,0%
	Итого		Частота	240	204	444
			% в Допустимость детской аудитории	54,1%	45,9%	100,0%
5,00	Допустимость детской аудитории	Предназначен для детской аудитории	Частота	150a	15b	165
			% в Допустимость детской аудитории	90,9%	9,1%	100,0%
		Не предназначен для детской аудитории	Частота	420a	470b	890
			% в Допустимость детской аудитории	47,2%	52,8%	100,0%
	Итого		Частота	570	485	1055
			% в Допустимость детской аудитории	54,0%	46,0%	100,0%

6,00	Допустимость детской аудитории	Предназначен для детской аудитории	Частота	84a	18b	102
			% в Допустимость детской аудитории	82,4%	17,6%	100,0%
		Не предназначен для детской аудитории	Частота	486a	474b	960
			% в Допустимость детской аудитории	50,6%	49,4%	100,0%
	Итого		Частота	570	492	1062
			% в Допустимость детской аудитории	53,7%	46,3%	100,0%

Каждая подстрочная буква обозначает набор 1 кластер – Идеальный, 2 кластер – Страшный категорий, для которых пропорции столбцов значимо не различаются между собой на уровне ,05.

Источник: составлено автором

ливо показывает эту зависимость на основе взвешенного и разделённого по переменной Временные *интервалы* массива наблюдений.

Приобщаясь к формированию картины мира ребёнка, массовая кинопродукция, таким образом, содействует развитию негативной территориальности, ядром которой является образ дома как первого и ближайшего пространства, окружающего ребёнка и служащего основой дальнейшего моделирования абсолютно всех пространственных и социально-пространственных связей и отношений **[7]**.

Выводы

Массовый кинематограф, выполняя функцию канализации и сброса негативных социально-психологических состояний **[11]**, впечатлений от шокирующих исторических событий (например, войн, террористических актов или нашумевших преступлений), имеет и негативный эффект снижения уверенности людей в том, что они защищены даже в пределах собственного дома. Доминирует в массовом сознании "дом в стиле хоррор", что можно считать одним из факторов формирования особых нервных расстройств – ойкофобий (в узком значении – боязнь собственного дома, в широком – пространственные страхи вообще). Это тем более вероятно, что, как мы показали, основную долю информационного пространства занимает кинопродукция США, где в изображении дома в фильмах, не предназначенных для детского просмотра и специально предназначенных для него (мультфильм, детский, семейный, в том числе в сочетании с жанрами "фантастика", "фэнтези", "комедия"), отсутствует избирательность (чем грешит и современный отечественный кинематограф). Наметившаяся тенденция к созданию ориентированных на детскую аудиторию фильмов, основанных на эстетической категории страшного, позволяет ожидать в ближайшем будущем следует укрепления "антидомашних" ценностей, усиления ойкофобных состояний, роста тревожности в обществе.

Наша догадка о связи сверхпотребления с демонизацией дома в массовой культуре перекликается с замечанием американского литературоведа о том, что "дом с призраками" в американской литературе представляет собой извращённую "американскую мечту", отличаясь от классического готического рассказа полным устранением из поля рассмотрения качества, обстоятельств, образа жизни семьи и наделением самого дома сознанием и самостоятельной злой волей **[9]**. Неслучайно хоррор все меньше нуждается в обосновании того, почему несчастье поражает конкретную семью: "вина" или ошибка состоят уже в том, что они "соблазнились", прельстились рекламной обёрткой, меняющей приоритеты (дом для семьи или семья для дома). Однако жизненная ситуация, особенности потребительских, в том числе жилищных, установок жителей "демонических домов" в кинохорроре, равно как и система признаков, с помощью которых маркируется "антиидеал" жилищной культуры, ещё ждут своего анализа.

Литература

1. Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос. 2002. № 3 (43). С. 1–26.
2. Грааф, Д. де, Ванн, Д., Нейлор, Т.Х. Потреблятство. Болезнь, угрожающая миру[Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/10416/Vann,_de_Graaf,_Neiilor_-_Potreblyatstvo._Bolezn',_ugrozhayushchaya_miru.html (дата обращения: 24.12.2017).
3. Гэлбрайт Д.К. Новое индустриальное общество. Избранное (сборник). М.: Эксмо, 2008. 1200 с. (Антология экономической мысли).
4. Капустина Е.В. Фантастика как социально-философский феномен // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 85–90.
5. Корень Р.В. Фундаментальная культурология как наука выживания и её смысловая аналогия богословской сотереологии // NB: Философские исследования. 2013. № 12. С. 82–134.
6. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа. Внешнее расширение человека (пер. с англ. В. Николаева). 2-е изд. М.: Гиперборея. Кучково поле. 2007. 464 с.
7. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых [Электронный ресурс]. URL: http://экосфера-человека.рф/d/399698/d/m.v.-osorinasekretnyy-mir-detey.pdf (дата обращения: 16.02.2017).
8. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
9. Bailey D.F. The Haunted House formula in American fiction. Аннотация диссертации [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=5488299 (дата обращения: 26.12.2017).
10. Pronovost G. Introduction: Time in a Sociological and Historical Perspective // International Social Sciences Journal. 1986. Vol. 38. No. 1 (107). P. 5–18.
11. Skotarczak D. Film jako odzwierciedlenie nastrojów społecznych. Związek między filmem a kondycjią psychicznią jednostki // Człowiek i społeczenstwo. T. XII. Poznan: Uniw. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1995. T. 12. S. 75–883.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bashlyar G. Dom ot pogreba do cherdaka. Smysl zhilishha // Logos. 2002. № 3 (43). S. 1–26.
2. Graaf, D. de, Vann, D., Nejlor, T.KH. Potreblyatstvo. Bolezn', ugrozhayushhaya miru[EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/10416/Vann,_de_Graaf,_Neiilor_-_Potreblyatstvo._Bolezn',_ugrozhayushchaya_miru.html (data obrashheniya: 24.12.2017).
3. Gehlbrajt D.K. Novoe industrial'noe obshhestvo. Izbrannoe (sbornik). M.: EHksmo, 2008. 1200 s. (Antologiya ehkonomicheskoj mysli).
4. Kapustina E.V. Fantastika kak sotsial'no-filosofskij fenomen // Vestnik CHuvashskogo universiteta. 2008. № 1. S. 85–90.
5. Koren' R.V. Fundamental'naya kul'turologiya kak nauka vyzhivaniya i eyo smyslovaya analogiya bogoslovskoj sotereologii // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 12. S. 82–134.
6. Maklyuehn G.M. Ponimanie Media. Vneshnee rasshirenie cheloveka (per. s angl. V. Nikolaeva). 2-e izd. M.: Giperboreya. Kuchkovo pole. 2007. 464 s.
7. Osorina M.V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslykh [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ehkosfera-cheloveka.rf/d/399698/d/m.v.-osorinasekretnyy-mir-detey.pdf (data obrashheniya: 16.02.2017).
8. KHyojzinga J. Homo ludens. CHelovek igrayushhij / Sost., predisl. i per. s niderl. D.V. Sil'vestrova; Komment., ukazatel' D. EH. KHaritonovicha. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2011. 416 s.
9. Bailey D.F. The Haunted House formula in American fiction. Annotatsiya dissertatsii [EHlektronnyj resurs]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=5488299 (data obrashheniya: 26.12.2017).
10. Pronovost G. Introduction: Time in a Sociological and Historical Perspective // International Social Sciences Journal. 1986. Vol. 38. No. 1 (107). P. 5–18.
11. Skotarczak D. Film jako odzwierciedlenie nastrojów społecznych. Związek między filmem a kondycjią psychicznią jednostki // Człowiek i społeczenstwo. T. XII. Poznan: Uniw. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1995. T. 12. S. 75–883.

Казакова А.Ю. Образ дома в массовой кинопродукции: оценки, классификаторы, модели.

Массовый кинематограф рассматривается как источник моделирования образа жилища в культуре современного общества. Методом контент-анализа фильмов, где частью системы образов является дом как жилище (n=572), определяется частотность репрезентаций образа "плохого" и "хорошего" домов и выявляются их классификационные признаки. Главный классификатор – безопасность. Доли "страшного" и "идеального" домов в массиве почти равны, и это соотношение устойчиво во времени. Тенденция к созданию детских фильмов в стилистике хоррора позволяет ожидать укрепления "антидомашних" ценностей, усиления ойкофобных состояний, роста тревожности в обществе.

Ключевые слова: *жилище, массовая культура, кинематограф, массовая тревожность, территориальность, ойкофобия*

Kazakova A.Yu. Image of the House in a mass film production: estimates, classifiers and models.

The mass-film are analyzed as a source of simulation of the image of the home in contemporary society and culture, which can be described in terms of games, risk, consumption and survival. Based on content analysis of films, where a building as a dwelling is the part of images (n=572), we determined the frequency representations of the image of "bad" and "good" houses and their classification features. The main classifier is safety. The shares of "terrible" and "perfect" houses in the data array were almost equal and and this ratio is stable in time. Since there is a tendency to create films in a traditional "children's" genre, but in the style of horror, strengthening "antidomestic" values, increasing oikophobia state of consciousness, growth of anxiety in society should be expected in the nearest future.

Key words: *housing, mass culture, cinema, mass anxiety, locality, oikophobia*

Для цитирования: Казакова А.Ю. Образ дома в массовой кинопродукции: оценки, классификаторы, модели // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 118–132. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/118-132

For citation: Kazakova A.Yu. Image of the House in a mass film production: estimates, classifiers and models // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 118–132. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/118-132

◆

УДК 574

Орешкина Т.А., Коняшкин В.А.

Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации

Условимся понимать термин "экологическое сознание населения" как информированность населения об экологических проблемах своего региона и, в пределе биосферы в целом, осознание степени экологической опасности, обеспокоенность состоянием окружающей среды и, в перспективе, тенденциями цивилизационного развития.

Мы сознательно выводим за рамки нашего исследования вопросы духовно-теологического аспекта, детально освещённые в работе Тейяра де Шардена "Феномен человека" (трактующего ноосферу как Сферу Духа, формируемую духовными составляющими людей, проживающих на планете Земля, заканчивающуюся в конечной точке развития боге Омега), и активно разрабатываемые частью современных учёных, в первую очередь гуманитарной направленности[1]. В последнее время в определённой среде стало модно добавлять термин экология к различным аспектам жизнедеятельности: экология души; экология мыслей; экология чувств, встречается даже экология астральных тел и тому подобное. Допуская возможную актуальность и важность обозначенного научно-философского направления, мы полагаем, что это предмет совершенно других исследований, весьма спорно совместимых с материалистическим подходом.

В данном случае нас интересует, возможно ли формирование в массовом сознании такой системы ценностей (и если да, то, когда, в каких обстоятельствах и при каких условиях), в которой, наряду с материальными, культурными, технологическими, социально-этическими и другими, разделяемыми обществом, традиционными антропоцентрическими ценностями, ценность природы может занять важнейшее место, что, в конечном итоге, могло бы привести к изменению форм и способов взаимодействия общества и природы и достижения относительной гармонии социо-природных отношений.

Как и всякий живой организм, человек является продуктом и частью биосферы, но его взаимодействие с природной средой носит специфический характер. Создавая и совершенствуя в процессе эволюции техносферу, человек преодолел практически все природные лимитирующие факторы, воздействующие на другие биологические объекты. Как следствие, в противовес природным (биосферным, экологическим) законам, законы социума, выработанные и сформулированные человечеством, в процессе развития цивилизации, заняли в сознании общества доминирующее положение.

Доминирующая (потребительская) роль человека по отношению к другим биологическим видам и природе в целом закрепилась не только в экономической, юридической, морально-этической (антропоцентрическая этика) сферах, но и в фундаментальных монотеистических религиях (иудаизм, христианство, ислам), что привело к таким формам взаимодействия человека с природой, которые стали наносить ей непоправимый и невосполняемый

[1] См. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса: [сб.] / пер. Н.А. Садовского, М. Чавчавадзе. М.: Айрис-Пресс, 2002.

© *Орешкина Т.А., Коняшкин В.А., 2018*

ОРЕШКИНА Татьяна Анатольевна, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина *(г. Екатеринбург).* **E-mail:** t.a.oreshkina@urfu.ru

КОНЯШКИН Валерий Афанасьевич, старший преподаватель кафедры экологического менеджмента Биологического института Национального исследовательского Томского государственного университета *(г. Томск).* **E-mail:** koniashkin@green.tsu.ru

ущерб. Таким образом, техногенная цивилизация, создаваемая человечеством на протяжении тысяч лет, не только вошла в противоречие с биосферными процессами, но и сформировала в обществе потребительскую, экофобную систему ценностей. Тем не менее, несмотря на распространённую в обществе антропоцентрическую, технократическую систему ценностей, общество крайне обеспокоено качеством среды обитания. Однако эта обеспокоенность, как правило, не выходит за рамки микрорайона, города, максимум, региона проживания.

Необходимо признать, что сегодня в России население не имеет доступа к объективной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды в местах своего непосредственного проживания и, тем более, о глобальной экологической ситуации. Однако большинство граждан России имеют своё представление о том, что такое благоприятная окружающая среда, какова эта среда в месте проживания и какие экологические проблемы региона являются наиболее важными. Глобальные общепланетарные проблемы, проблемы устойчивости биосферы освещены во многих научных трудах. К сожалению, эти труды и даже их научно-популярное изложение, увы, редко востребованы широкими массами населения.

Общепризнано, что для решения экологических проблем необходимо формировать *массовое* экологически ориентированное сознание. Проблему формирования экологического сознания населения мы предлагаем рассмотреть через художественные описания различных цивилизаций, представленные в популярных научно-фантастических произведениях.

Научная фантастика как вид литературы имеет фундаментальную особенность конструировать хронотоп художественного текста, что в парадигме социальных наук означает социальное проектирование и конструирование реальности. Используя анализ художественных образов экологического сознания цивилизаций, описанных в научно-фантастических произведениях, мы постараемся описать весь спектр экологических дискурсов.

Гипотеза исследования заключается в том, что классификация экологических дискурсов современной цивилизации, основанная на рациональном анализе экологической ситуации в различных странах и регионах, является неполной и должна быть дополнена экологическими дискурсами, основанными на художественных образах и представлениях научных фантастов.

Целью статьи является анализ полного спектра экологических дискурсов, в принципе возможных для разумной цивилизации в настоящем и в будущем, для стимулирования повышения ответственности общества перед природой.

Изучение экологического дискурса

Первой попыткой системной оценки будущего нашей планеты является доклад Римскому клубу "Пределы роста". Эта работа заставила по-другому взглянуть на проблемы окружающей среды не только специалистов, но и учёных, общественность, правительства многих стран. В дальнейшем в результате коллективной рефлексии на тему взаимоотношений общества и природы в обществе сформировались различные экологические дискурсы. В данной статье мы придерживаемся трактовки понятия дискурса, заложенной Ю. Хабермасом, в которой дискурс рассматривается как форма коммуникации, в рамках которой происходит коллективная рефлексия и переопределение предпосылок социального бытия.

Исследования экологического дискурса проводились преимущественно за рубежом **[31; 32; 34]**. Обратимся к классификации экологических дискурсов Дж. Дризека. По определению Дж. Дризека, экологический дискурс – это способ постижения мира. При этом он имеется не только у тех, кто считает себя экологами, но и у политиков, чиновников, руководителей компаний, юристов, журналистов, граждан и проявляется при любом взаимодействии с окружающей средой.

Американский учёный выделяет экологические дискурсы, представленные в *табл. 1*. Дж. Дризек делит экологические дискурсы на реформистские и радикальные. К радикальным относится дискурс зелёного радикализма, который основан на идее полной трансформации промышленной политики и сознания человека для достижения гармонии с природой. Севайвализм

Таблица 1. Основные экологические дискурсы по Дж. Дризеку

	Реформистские	Радикальные
Прозаические (обыденные)	Дискурсы решения проблем	Севайвализм
Творческие	Устойчивое развитие	Зелёный радикализм

Источник: [34].

также относится к радикальным дискурсам, его основной идеей является то, что продолжающийся экономический рост и прирост населения должен удерживаться в пределах потенциала экосистем. К реформистским относятся дискурсы решения проблем (экологическая модернизация, экономический рационализм и зелёный рационализм), когда политико-экономическая система сохраняет свой статус-кво, и может корректироваться для решения экологических проблем, в частности посредством государственной политики; и дискурс устойчивого развития. Кроме того, описывается "прометеевский дискурс" постоянной эксплуатации и "покорения природы" **[34, с. 15]**.

В России понятие экологического дискурса определяется Е.В. Ивановой как связный устный или письменный текст, ключевой темой которого являются отношения между живыми организмами и окружающим их миром **[16, с. 134]**.

Д.В. Ефременко в своей монографии "Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция" **[9]** выделяет следующие эколого-политические дискурсы: алармистский, дискурс глобализации, пацифистский дискурс и дискурс устойчивого развития как доминантный эколого-политический дискурс. По мнению учёного, идеи устойчивого развития отличались позитивной нормативностью, ориентированной на гармонизацию интересов нынешних и будущих поколений, развитых и развивающихся стран, стимулирование экономического роста и мер по сохранению биосферы планеты.

Некоторые теоретические идеи об экологическом сознании будущего

Обратимся к логическому анализу вариантов экологического развития. Во взаимодействии общества и природы возможно несколько вариантов развития. В настоящее время прогресс общества достигается за счёт нещадной эксплуатации природы, что ведёт к её деградации (регрессу). В экологическом дискурсе по Дж. Дризеку такой тип социо-природного взаимодействия может быть обозначен термином "прометеевский дискурс". Возможен такой вариант социо-природного взаимодействия (т.е. общество осуществит такую систему хозяйственных отношений), когда прогресс общества не будет приводить к дальнейшей деградации природы и она на длительное время стабилизируется в текущем состоянии (нейтральное). По Дж. Дризеку этот тип можно отнести к термину "Экологическая модернизация". Наиболее благоприятный (теоретически возможный, но достижимый ли на практике в нашем обществе?) вариант социо-природных отношений возникает в случае, когда прогресс общества не только не угнетает природу, но и предоставляет ей возможность в полной мере восстанавливать и развивать, по собственным законам экосистемы, ландшафты, биогеоценозы и иные компоненты биосферы (т.е. прогрессировать). В экологическом дискурсе Дж. Дризека нет термина, соответствующего данному варианту социо-природных отношений. Мы предлагаем данный вариант обозначить термином "коэволюция", который в своё время предложил Н.Н. Моисеев.

Далее, если общество по каким-либо причинам остановится в своём развитии (стагнация, нейтральное развитие), то и здесь возможны три варианта. В первом случае, природа может начать интенсивно восстанавливаться (прогрессировать). Об этом создано немало популярных фильмов (например, Life After People, 2008 г.). По Дж. Дризеку, такой тип социо-природного взаимодействия может быть охарактеризован как "зелёный рационализм". Термин "устойчивое развитие", в терминологии Дж. Дризека, может характеризовать

такое состояние, когда при нейтральном развитии общества, природа не имеет возможности запустить процессы восстановления, а способна только сохранять существующее состояние (нейтральное – нейтральное). Однако может сложиться и такая ситуация, когда даже при стагнации (нейтральном развитии) общества природа будет продолжать деградировать (регресс). По Дж. Дризеку такое состояние можно охарактеризовать, как "дискурсы решения проблем" Не надо долго гадать, что в этом случае общество, скорее всего, не сможет долго сохранять статус-кво и тоже начнёт деградировать.

При регрессе общества не исключён вариант, что природа может восстановиться до своего первоначального состояния (прогрессировать), в терминологии Дж. Дризека это можно охарактеризовать термином "Зелёный радикализм", но возможен и вариант стабилизации в текущем состоянии (нейтральное), по Дж. Дризеку этот вариант приблизительно соответствует термину "экономический рационализм"

Безусловно, самый неблагоприятный вариант наступает в том случае, когда даже при регрессе общества природа не находит возможностей к самовосстановлению, продолжает регрессировать и практически полностью деградирует. В экологическом дискурсе Дж. Дризека не существует термина, который мог бы соответствовать такому варианту "развития" социо-природной системы. Мы предлагаем охарактеризовать этот вариант весьма распространённым в литературе термином "экологическая катастрофа".

Как видим, современная классификация экологических дискурсов не включает в себя два крайних варианта, одновременный прогресс и одновременный регресс составляющих социоэкосистемы. Очевидно, это произошло потому, что эти варианты не существуют в современной ситуации, а являются вариантами будущего. Поэтому для проведения анализа нам необходимо проанализировать и современное общество, и общество будущего.

Дискурс "экологической катастрофы"

В последние десятилетия вопросу перспектив социально-экологического развития, а также вариантам выхода из современного экологического кризиса посвящено немало научных работ.

В.И. Вернадский, обосновал основные положения концепции ноосферы (сферы разума) как формы гармоничного социоприродного взаимодействия, базирующегося на тщательном изучении биосферных процессов, научном подходе к природопользованию и направленному развитию биосферы **[2; 3]**. Многие современные учёные, например В.Г. Горшков **[7]**, не без основания полагают, что концепция Вернадского утопична и недостижима, человечество не готово к равноправному сотрудничеству с природой.

Н.Ф. Реймерс в монографии "Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология" систематизировал экологические законы, принципы, правила, учитывать которые, по его мнению, человечество обязано для предотвращения экологической катастрофы **[25]**.

Французский профессор-зоолог Жан Дорст в своей работе "До того как умрёт природа" исследовал нарушение социо-природного равновесия в современном мире и возможные последствия этого нарушения в будущем **[8]**.

Американский эколог Барри Коммонер сформулировал в виде афоризмов ряд социально-экологических положений, получивших название законов Коммонера **[17]**. И хотя эти законы не отражают всей полноты социо-природных взаимодействий, соблюдение их, в определённой мере, могло бы способствовать выходу из экологического кризиса.

Во второй половине XX в. большую популярность приобрели работы Римского клуба и, в первую очередь, доклад супругов Медоузов "Пределы роста" **[18]**, в котором, с помощью компьютерной модели, наглядно показано, что к середине XXI в. возможно резкое сокращение населения, вследствие исчерпания невозобновимых ресурсов планеты и неустранимой деградации биосферы. Для выхода из экологического кризиса авторы предложили изменить тенденции роста населения и экономическую модель природопользования. Несмотря на то, что доклад вызвал в научной среде ожесточённые споры и резкую критику, достоверность разработанной модели была подтверждена самой практикой жизни. В начале XXI в. авторы повторно провели исследо-

вания, опубликованные в работе "Пределы роста 30 лет спустя" **[19]**, где подтверждены результаты первоначальных расчётов.

Большое внимание перспективам социально-экологического развития уделял академик АН СССР, впоследствии РАН, д.ф-м.н, профессор Никита Николаевич Моисеев. С вопросами экологической устойчивости биосферы он вплотную столкнулся при расчёте модели последствий возможного глобального ядерного конфликта, так называемую модель "ядерной зимы" **[20, 21]** В США, независимо от Н.Н. Моисеева подобную модель рассчитывал Карл Саган **[26, 27]**. По окончании холодной войны выяснилось, что независимые расчёты учёных совпали с высокой точностью (до четвёртого знака после запятой). Модели, построенные по этим расчётам, показали, что последствия глобального ядерного конфликта фатальны не только для цивилизации, но и для всех высших форм животных и растений планеты. Вследствие интенсивного запыления атмосферы, в течение нескольких лет наступит резкое снижение инсоляции, температура упадёт до –50°С, мировой океан покроется мощным слоем льда.

Исследования по устойчивости биосферы, глобальным изменениям климата и перспективам социо-природного развития были продолжены Н.Н. Моисеевым при подготовке материалов к Конференции ООН по окружающей среде и развитию ("Рио-92") и анализе материалов конференции **[23]**. В своей научно-популярной работе "Судьба цивилизации. Путь Разума" Никита Николаевич сформулировал условия коэволюции природы и общества на современном этапе, так называемый "принцип кормчего" – не управляемое, а направляемое развитие общества, с использованием естественных природных процессов **[22, с. 191]**.

Большую озабоченность проблемами цивилизационного развития высказывает доктор геолого-минералогических наук, профессор Всеволод Алексеевич Зубаков **[**12–15**]**. По его мнению, человечество находится в середине пути между глобальным экологическим кризисом (ГЭК – который общепризнан) и тотальной экологической катастрофой (ТЭК), подобной той, которая произошла на Земле около двух миллиардов лет назад. Прокариоты – лидеры эволюции той эпохи отравили окружающую среду продуктом своей жизнедеятельности – кислородом, который являлся для них ядом. В результате этого началась лавинная мутация и массовая гибель прокариот, произошла трансформация архебиосферы в оксибиосферу, которую, со временем, заполнили кислорододышащие эукариоты

На современном этапе человек интенсивно загрязняет биосферу тяжёлыми металлами, радиоактивными элементами, стойкими органическими соединениями (например, диоксинами), следствием чего является эндоэкологическое отравление межклеточной среды (ЭОО) и, по мнению Зубакова, может привести к лавинной мутации и массовой гибели эукариот. Произойдёт трансформация биосферы в техносферу, радиактивно-диоксинную среду, пригодную для обитания интенсивно создаваемых в настоящее время систем с искусственным интеллектом, роботов и киборгов (кибернетических организмов).

Положение усугубляется ещё и тем, что в разрушенной биосфере люди смогут жить только в искусственно созданных поселениях, где условия жизнедеятельности (воздух, вода, питание) будут поддерживаться комплексом технических систем, управление которыми, ввиду высокой сложности, придётся возложить на искусственный интеллект.

По мнению В.А. Зубакова, выход из ГЭК для человечества может быть только в своевременном (не позже первой трети XXI столетия), сознательном выборе принципиально нового типа стратегии взаимоотношения с природой – сознательно регулируемого гомеостаза общества с биосферой. Но формат научных и даже научно-популярных работ, опирающихся на реалии настоящей действительности, не предоставляет авторам достаточной свободы в конструировании вариантов будущего. Общество будущего и все возможные варианты цивилизационного развития представлены в литературных произведениях, которые в литературе называют фантастическими. Фантастика в этом плане обладает гораздо большей степенью свободы, к тому же, будучи литературой художественного плана, более доступна для понимания широким массам населения, далёким от науки и научной деятельности, чем способствует формированию массового экологического сознания.

Исследование фантастической литературы для изучения общества предпринимается и социологами, и философами, и политологами. Л.Г. Фишман в своей книге "Фантастика и гражданское общество" **[29, с. 3]** пишет: "Об обществе, как известно, многое можно сказать, изучая его литературу, а фантастика представляет в этом отношении уникальные возможности для исследователя…".

Для изучения отношений между природой и обществом будущего мы можем обратиться к принципам экокритики, сформулированным в культурологии в конце XX в. Экокритика поможет нам оценить наличие экологических установок и экологически ориентированного сознания в фантастических произведениях **[35, pp. 15–19]**.

Мы обратимся к популярным фантастическим произведениям XIX–XX и начала XXI в., которые дадут нам возможность дополнить список экологических дискурсов до полного спектра всех возможных вариантов. Такой подход оправдан тем, что писатели-фантасты конструируют свои сюжеты, опираясь на логические законы развития существующих в современном обществе тенденций, и нередко им удаётся предвидеть некоторые технические инновации, которые впоследствии реализуются в повседневной жизни общества.

Самым известным и ярким примером является творчество Жюля Верна, который в своих произведениях предсказал не только освоение космоса, в частности полёты на Луну, но и развитие авиации (самолёт, вертолёт), телевидение, автономный аппарат для подводного плавания (акваланг), строительство Транссибирской магистрали, прохождение Северного морского пути за одну навигацию и многое другое **[10, с. 106–110]**.

Можно также вспомнить произведения Александра Беляева, в которых он предсказал создание искусственных органов ("Голова профессора Доуэля"), выращивание аквакультуры, фермы по выращиванию моллюсков, водорослей ("Подводные земледельцы") и подводную видеосъемку ("Чудесное око"), создание психотронных средств и психотронного оружия ("Властелин мира"), с большой долей достоверности описал функционирование околоземной орбитальной станции и выход людей в открытый космос ("Звезда КЭЦ")[2].

В произведениях Аркадия и Бориса Стругацких "Полдень XXII век", "Волны гасят ветер" предсказано появление мобильной и видеосвязи[3].

Однако предсказания технических инноваций в произведениях фантастов не являются предметом нашего исследования. В контексте рассматриваемой темы интерес представляют произведения фантастов, посвящённые глобальным (планетарным) вопросам социально-экологического взаимодействия. Выбор произведений в данной работе обусловлен их популярностью и широкой известностью, то есть значительным влиянием на массовое сознание.

Ситуация одновременного регресса человеческой цивилизации и окружающей среды рассматривается во многих фантастических и научных произведениях. Назовём ситуацию одновременного регресса общества и среды дискурсом "экологической катастрофы".

Глобальная экологическая катастрофа на планете Десса, с одновременным регрессом значительной части природной среды и общества, показана в фантастическом фильме Ричарда Викторова "Через тернии к звёздам", снятом в 1980 г. по одноимённому сценарию Кира Булычёва и Ричарда Викторова. В фильме проводится мысль, что даже страх перед очевидной окончательной гибелью на планете всего живого не останавливает аборигенов от продолжения техногенного существования, только лишь усиливает борьбу за средства существования (источники чистой воды, средства защиты от негативных воздействий и пр.).

В фантастической повести братьев Стругацких "Жук в муравейнике" описана ситуация на планете, где произошла экокатастрофа, которая привела к проблемам с ДНК ("бешенство генных структур"), и люди начали стареть

---

[2] См. подробнее: Беляев Александр. Собрание сочинений в восьми томах. М. Изд-во: "Молодая гвардия", 1963; Беляев Александр. Романы. Повести. Рассказы. М. Изд-во: Эксмо 2008.

[3] См. подробнее: Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис. Собрание сочинений. Том 2. Полдень, XXII век. Далекая Радуга. М.: Текст, 1992; Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис. Парень из преисподней; Беспокойство; Жук в муравейнике; Волны гасят ветер: Фантастические повести. / Сост. Н. Ютанов; Предисл. С. Перслегина; Ил. Я. Ашмариной. М.: ТКО АСТ; СПб., 1996.

годам к пятнадцати. Жители планеты стремительно деградируют, не пытаются найти выход из ситуации, пытаются во всем обвинить внешнего "врага" — инопланетную цивилизацию, пытающуюся спасти часть населения, в частности детей.

Экологической катастрофе, возникшей вследствие ядерного апокалипсиса, посвящено немало фантастических произведений. В 1986 г. вышел фильм Константина Лопушанского "Письма мёртвого человека", по сценарию Вячеслава Рыбакова, Константина Лопушанского, Бориса Стругацкого и Алексея Германа. В фильме показана жизнь группы людей, уцелевших после ядерного конфликта, в условиях "ядерной зимы". Формат художественного произведения, тем более созданного в советское время, несколько упрощает модель Моисеева и Сагана, тем не менее, процесс деградации общества, утраты достижений цивилизации раскрыт полностью. После смерти взрослого, пытающегося, в условиях тяжелейшей борьбы за существование, передать детям необходимые знания, дети остаются только с навыками выживания. Практически возвращаются в каменный век.

Фантастический роман "Обитаемый остров" (экранизация: одноимённый фильм Федора Бондарчука, 2008) также повествует о постапокалиптической жизни на планете Саракш, пережившей ядерную войну. Жизнь аборигенов планеты на территориях, подвергшихся воздействию ядерного оружия, показана достаточно детально. Но ядерная тема проходит в этом произведении лишь рефреном. Основное повествование ведётся вокруг другого изобретения техногенной цивилизации, описанного Беляевым ещё в 1929 г. и реализованного в наше время, – психотронного излучения, подчиняющего психику людей и управляющего их действиями. Авторы подводят читателя к выводу, что многие (в пределе – любые) достижения техногенной цивилизации – это "палка о двух концах", и в недобросовестных руках могут быть использованы во зло и людям и природе в целом.

В фильмах Джеймса Кэмерона "Терминатор", "Терминатор 2": Судный день" и последующих, снятых другими режиссёрами, также приводится немало сцен ядерного апокалипсиса и постапокалиптической жизни. Кроме того, в этих фильмах затрагивается ещё одна весьма острая тема – конфликт людей с искусственным разумом, созданным самими людьми. Разумеется, остросюжетность фильмов потребовала драматизировать ситуацию, представить её виде прямых боевых столкновений между людьми и роботами. В действительности (если вспомнить выводы В.А. Зубакова) этот процесс может быть реализован гораздо мягче и гораздо неотвратимее. Искусственный интеллект, от которого, так или иначе, в разрушенной биосфере будет зависеть жизнеобеспечение людей, возьмёт под контроль все средства существования людей (вернее, люди сами возложат на него эти функции) и сможет регулировать численность населения без всяких боевых действий.

Как пишет В. А. Зубаков: "Мы не можем, не имеем права обольщать себя иллюзиями, что в роботах будет продолжаться эволюция человеческого разума. Электронным роботам и даже киборгам людские эмоции и этика, как и наша культура, будут ещё более далеки, чем нам переживания соседской собаки" **[11, с. 29]**.

Не претендуя на полноту списка приведённых примеров, мы можем сделать заключение, что, исходя из тенденций развития техногенной (технократической) цивилизации, фантасты давно посылают обществу сигналы-предупреждения об ошибочности, если не сказать губительности данного направления. А если учесть, что предсказания технических инноваций фантастами осуществляются весьма успешно, то обществу следовало бы воспринимать научную фантастику не просто как развлекательную литературу, а весьма серьёзно задуматься по поводу перспектив ожидаемого будущего.

После краткого обзора дискурса "экологической катастрофы" мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, тезис, что экологические проблемы нужно решать после экономических, путём технической модернизации, нужно признать полностью несостоятельным. Цивилизация, пошедшая по пути техногенного преобразования планеты, не сможет в какой-то момент остановиться и заявить, что нужное экономическое благосостояние достигнуто и теперь можно взяться за решение экологических проблем. Постепенное снижение качества окружающей среды сначала воспринимается как временное

затруднение, которое нужно переждать, а после наступает момент, когда среда становится непригодной для обитания, сделать уже ничего нельзя.

Во-вторых, можно предположить, что экологические дискурсы определяются гражданско-политическим дискурсом и не могут ему противоречить, и, согласно теории Хабермаса, достижение консенсуса как цели коммуникативного действия возможно только при нахождении всех субъектов коммуникации в поле одного дискурса **[33]**.

Дискурс "коэволюция"

Гораздо интереснее рассмотреть дискурс коэволюции человека и природы. Обратимся к миру Стругацких. В этом мире Стругацкие рисуют картину "Благоустроенной планеты" Леонида, где люди впервые сталкиваются с биологической цивилизацией[4]. Авторами впервые ставится вопрос, чья цивилизация выше, машинная, с орудиями труда, городами и заводами или биологическая, с полётами на птицах, селекцией, генетикой и дрессировкой. В массовой культуре идея биологической цивилизации ярко показана в фильме Джеймса Кемерона "Аватар", где представлено в буквальном воплощении и понятие "ноосфера", сфера разума, которая объединила всю планету Пандора в единое целое.

Размышления о возможных путях развития цивилизаций Стругацкие продолжают в своём произведении "Малыш", где авторы предлагают читателям задуматься, достаточно ли знает человечество, чтобы судить, какое развитие исторически перспективно, а какое – нет[5]. Вариант одновременного прогресса среды и общества назовём дискурсом – "коэволюция".

В данной статье мы не рассматриваем жанр фантастической литературы, называемый "фэнтэзи" по следующим причинам. Во-первых, в литературе фэнтэзи, в отличие от научной фантастики, опирающейся на логические законы развития тенденций, существующих в современном обществе, допускаются и, как правило, играют значительную роль иррациональные (точнее, сверхрациональные) элементы: волшебство, магия, сверхспособности, помогающие героям произведений "на раз-два" решать многие проблемы. Во-вторых, фэнтэзи зачастую возлагает решение проблем человека на "доброго дядю извне", что снимает ответственность (по крайней мере частично) с самого человека. Приятно же сознавать, что придёт добрый волшебник Гэндальф (Р. Толкиен "Властелин колец"[6]) и обязательно поможет с помощью волшебства победить злобного технократа Саурона с его приспешниками орками.

Примерно аналогичный сценарий можно встретить в произведениях Джулиан Мэй ("Галактическое содружество")[7]. У людей планеты Земля в конце XX – начале XXI вв. серьёзные проблемы (непосредственно экологической проблемы, проблем взаимодействия природы и общества Мэй почти не касается, её занимают проблемы политические), угроза ядерной катастрофы, терроризм, противостояние крупного бизнеса и государственных структур в США, тоталитарный строй в СССР и т.п. Но в обществе формируется новый тип людей-оперантов, обладающих метафункциями, а попросту экстрасенсорными способностями (телепатия, телекинез, левитация и т.д.), но общество их страшится и отторгает, боится, что будет разрушен традиционный жизненный

---

[4] Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис. Обитаемый остров; Малыш: Фантастические романы. / Сост. Н. Ютанов; Предисл. С. Перслегина; Ил. Я. Ашмариной. М.: ТКО АСТ; СПб., 1996; Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис. Парень из преисподней; Беспокойство; Жук в муравейнике; Волны гасят ветер: Фантастические повести. / Сост. Н. Ютанов; Предисл. С. Перслегина; Ил. Я. Ашмариной. М.: ТКО АСТ; СПб., 1996.

[5] См. подробнее: Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис. Парень из преисподней; Беспокойство; Жук в муравейнике; Волны гасят ветер: Фантастические повести. / Сост. Н. Ютанов; Предисл. С. Перслегина; Ил. Я. Ашмариной. М.: ТКО АСТ; СПб, 1996.

[6] См. подробнее: Толкин Дж.Р.Р. Властелин колец. Трилогия с приложениями / Предисл. и пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. Стихи в переводе И. Гриншпуна. Худож. Д. Гордеев, А. Николаев. Л.: Северо-Запад, 1991.

[7] См. подробнее: Джулиан Мэй. Вторжение (из цикла "Галактическое содружество"); Джулиан Мэй. Разноцветная земля (из цикла "Изгнанники в плиоцен").

уклад. И вот, как по волшебству, появляется добрый "самаритянин" – лилмик (ангел? полубог? представитель высшей цивилизации?), в общем, непосредственный подручный бога Омега, и через своего агента на Земле помогает, в той или иной степени, решить все животрепещущие проблемы человечества и принимает землян в галактическое содружество, где царят взаимопонимание, не насилие, всеобщая дружба и любовь.

В нашем представлении такие фантастические произведения не только не способствуют формированию экоориентированого (экофильного) сознания, но, наоборот, уводят читателя в сторону от проблемы, формируя мысль: "Ерунда эта ваша экология, я здесь и сейчас буду делать, что мне заблагорассудится, а потом придёт добрый дядя ("Прилетит к нам волшебник, в голубом звездолёте") и спасёт меня, моих детей, внуков от любой экологической катастрофы".

Однако надеяться на волшебника, Бога, Высший Разум, инопланетную цивилизацию – занятие, безусловно, увлекательное, но весьма ненадёжное. Если даже он (волшебник) и прилетит, то высока вероятность того, что спасать уже будет некого. Человечество должно само найти пути выживания в биосфере планеты Земля. И найти их необходимо было вчера, а, возможно, даже позавчера, о чем и предупреждали нас фантасты.

Заключение

Таким образом, мы оспариваем тезис о том, что парадигма устойчивого развития является рецептом исцеления планеты. О.Н. Яницкий пишет **[30, с. 3-13]**: "Техногенная цивилизация…все время сокращает количество живого вещества… Исходную позицию анализа форм экосоциального производства можно представить как оппозицию сферы жизни, противостоящую сфере потребления ресурсов планеты (…) Путь преодоления этого противоречия – это "вживление" технических систем в природные и социальные экосистемы. То есть необходима адаптация технических систем к природным экосистемам и "биологизация" технического мира, созданного человеком". Описание проблемы сделано экосоциологом абсолютно верно, а с выводами учёного можно поспорить. Даже если мы отбросим анализ круговорота веществ, в принципе незнакомых биосфере, а созданных человеком (например, плутония), надежда на "биологизацию" технического мира является инфантильной иллюзией человечества в рамках внешнего локуса контроля. Отказ от иллюзии позволит сделать первые шаги к решению проблемы отходов и ресурсов планеты, состоящие в создании собственных замкнутых технологических циклов.

Известно, что эволюция не может иметь обратного хода, и вид, вступивший на путь узкой специализации, уже не сможет её поменять или вернуться в начало пути. Наивно верить, что развитие техники приведёт к единению человека с природой.

Главная цель критики существующей классификации экологичесих дискурсов – смещение локуса контроля с высших сил (Природы, Бога) на конкретного, каждого человека в его повседневной деятельности.

Восприятие парадигмы устойчивого развития как сбалансированной системы с двумя равноправными партнёрами, человеком и природой, неверно потому, что для техногенной цивилизации, подавляющей природу, должна быть очевидна истина о слабеющей роли природной саморегуляции, и, следовательно, ответственности человека за всю систему. Возрастание власти человека над природой должно стимулировать повышение уровня ответственности за свои действия.

Принцип "устойчивого развития", брошенный в общество как лозунг, породил неверные представления о будущем развитии цивилизации у экологов и социологов. Так, например, Л.Г. Титаренко пишет: "… Концепция устойчивого развития гармонично соединяет экономический и социальный прогресс с ответственностью человечества за окружающую среду…. Экоцентристский подход к развитию современного общества предполагает стремление к гармонии человека с природой" **[28, с. 106]**.

Как мы показали выше, сценарий развития нашей цивилизации не предполагает одновременный экономический, социальный прогресс и гармонию с природой. Необходимо уже расстаться с мечтой о коэволюции природы и Homo sapiens, что позволит переосмыслить принцип устойчивого развития как достижение стадии стагнации развития человечества с сохранением окру-

жающей среды. И, что особенно важно, даже сохранение существующих характеристик качества окружающей среды потребует от человечества грандиозных изменений в сфере управления, образования и политики.

Литература

1. Брундланд Г. Х. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): Пер. с англ. Под ред. и с послесл. С.А. Евтеева и Р.А. Перелёта. М.: Прогресс, 1989.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. Отв. Ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991.
4. Гирусов Э.В Глобальные проблемы современности в их системном единстве и развитии // Философские науки. 2012. № 12.
5. Гирусов Э.В. Нужен ли человек природе? // Философские науки. 2011. № 8.
6. Гирусов Э. В. Философский и социальный смысл понятия "ноосфера" // Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Т.2. М., 1991.
7. Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни / М.: Винити, 1995. 470 с.
8. Дорст Ж. До того, как умрёт природа Перевод с французского М.А. Богуславской, Н.Б. Кобриной. М.: Прогресс, 1968. 223 с.
9. Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы: Возникновение и эволюция. М.: ИНИОН, 2006. 284 с.
10. Злотницкий Д. "Пророк прогресса". Удачные и не очень предсказания Жюля Верна // Мир фантастики. 2011. № 11. С. 106–110.
11. Зубаков В.А. Параметры экогеософской стратегии выживания // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 142–152.
12. Зубаков В.А. Дом-Земля – стратегия XXI века: симбиоз объединенного человечества с поддерживаемой биосферой // "Зеленый мир", 2000. № 19-20. С. 28–31.
13. Зубаков В.А. Куда идем: к экокатастрофе или экореволюции? // Философия и общество. 2001. Выпуск № 4 (25).
14. Зубаков В.А. Итоги XX и перспективы XXI веков глазами геоэколога: ипостаси глобализации и императивы выживания // История и современность. 2006. Выпуск № 2.
15. Зубаков В.А. Прошлое и будущее человечества глазами эколога // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 114–128.
16. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 134–138.
17. Коммонер Б. Замыкающийся круг. М.: Гидрометеоиздат, 1974. 280 с.
18. Медоуз Деннис, Рандерс Йорген, Медоуз Донелла. Пределы роста /Перевод А. Саркисов, М.: Издательство МГУ, 1991. 208 с.
19. Медоуз Донелла, Рандерс Йорген, Медоуз Деннис. Пределы роста 30 лет спустя. Учебное пособие для ВУЗов. Перевод – Е.С. Оганесян. М.: ИКЦ "АКАДЕМКНИГА", 2007. 342 с.
20. Моисеев Н.Н.Человек, природа и будущее цивилизации: "Ядерная зима" и проблема "запретной черты": [Пер. с рус.] / Никита Моисеев. М.: Изд-во агентства печати "Новости", 1986. 92 с.
21. Моисеев Н.Н. Экология человечества глазами математика: (Человек, природа и будущее цивилизации) / Н. Моисеев. М.: Мол. гвардия, 1988. 251 с.
22. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 205 с.
23. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству М.: Ульяновский Дом печати, 1999. 288 с.
24. Назаретян А.П. Демографическая утопия устойчивого развития // Общественные науки и современность. 1996. № 2.
25. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М.: "Россия молодая", 1992. 365 с.
26. Саган К. и др. "Ядерная зима: Мир после ядерной войны" (англ.: The Nuclear Winter: The World After Nuclear War. London: Sidgwick & Jackson, 1985).
27. Саган К., Тарко Р. Путь, о котором никто не задумывался: Ядерная зима и конец гонки вооружений (англ.: A Path Where No Man Thought: Nuclear Winter and the End of the Arms Race. Random House, 1990).
28. Титаренко Л.Г. Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 107–113.
29. Фишман Л.Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.

30. Яницкий О.Н. К вопросу о концепции экосоциального знания // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 3–13.
31. Eckersley R. Environmentalism and Political Theory. Albany, 1992.
32. Eder K. The Social Construction of Nature: Sociology of Ecological Enlightenment. London, 1996.
33. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2. Polity Press, 1992.
34. John S. Dryzek. The Politics of the Earth. 2nd edition. Oxford University Press, 2005.
35. The Ecocriticism Reader. Ed. by Cheryll Glotfelty and Harold Fromm. The Univ. of Georgia Press. 1996. 403 p.
36. Turco R.P., Toon O.B., Ackerman T.P., Pollack J.B., Sagan C. Climate and smoke: an appraisal of nuclear winter // Science. 1990. Vol. 247. P. 166–176.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Brundland G. KH. Nashe obshhee budushhee: Doklad Mezhdunarodnoj komissii po okruzhayushhej srede i razvitiyu (MKOSR): Per. s angl. Pod red. i s poslesl. S.A. Evteeva i R.A. Perelyota. M.: Progress, 1989.
2. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera. M.: Ajris-press, 2012. 576 s.
3. Vernadskij V. I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. Otv. Red. A. L. YAnshin. M.: Nauka, 1991.
4. Girusov EH.V Global'nye problemy sovremennosti v ikh sistemnom edinstve i razvitii // Filosofskie nauki. 2012. № 12.
5. Girusov EH.V. Nuzhen li chelovek prirode? // Filosofskie nauki. 2011. № 8.
6. Girusov EH. V. Filosofskij i sotsial'nyj smysl ponyatiya "noosfera" // Uchenie V.I. Vernadskogo o perekhode biosfery v noosferu. T.2. M., 1991.
7. Gorshkov V. G. Fizicheskie i biologicheskie osnovy ustojchivosti zhizni / M.: Viniti, 1995. 470 s.
8. Dorst ZH. Do togo, kak umryot priroda Perevod s frantsuzskogo
9. M.A. Boguslavskoj, N.B. Kobrinoj. M.: Progress, 1968. 223 s.
10. Efremenko D.V. EHkologo-politicheskie diskursy: Vozniknovenie i ehvolyutsiya. M.: INION, 2006. 284 s.
11. Zlotnitskij D. "Prorok progressa". Udachnye i ne ochen' predskazaniya ZHyulya Verna // Mir fantastiki. 2011. № 11. S. 106–110.
12. Zubakov V.A. Parametry ehkogeosofskoj strategii vyzhivaniya // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 5. S. 142–152.
13. Zubakov V.A. Dom-Zemlya – strategiya XXI veka: simbioz ob"edinennogo chelovechestva s podderzhivaemoj biosferoj // "Zelenyj mir", 2000. № 19-20. S. 28–31.
14. Zubakov V.A. Kuda idem: k ehkokatastrofe ili ehkorevolyutsii? // Filosofiya i obshhestvo. 2001. Vypusk № 4 (25).
15. Zubakov V.A. Itogi XX i perspektivy XXI vekov glazami geoehkologa: ipostasi globalizatsii i imperativy vyzhivaniya // Istoriya i sovremennost'. 2006. Vypusk № 2.
16. Zubakov V.A. Proshloe i budushhee chelovechestva glazami ehkologa // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 3. S. 114–128.
17. Ivanova E.V. K probleme issledovaniya ehkologicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 3(23). Ekaterinburg, 2007. S. 134–138.
18. Kommoner B. Zamykayushhijsya krug. M.: Gidrometeoizdat, 1974. 280 s.
19. Medouz Dennis, Randers Jorgen, Medouz Donella. Predely rosta /Perevod A. Sarkisov, M.: Izdatel'stvo MGU, 1991. 208 s.
20. Medouz Donella, Randers Jorgen, Medouz Dennis. Predely rosta 30 let spustya. Uchebnoe posobie dlya VUZov. Perevod – E.S. Oganesyan. M.: IKTS "AKADEMKNIGA", 2007. 342 s.
21. Moiseev N.N.CHelovek, priroda i budushhee tsivilizatsii: "YAdernaya zima" i problema "zapretnoj cherty": [Per. s rus.] / Nikita Moiseev. M.: Izd-vo agentstva pechati "Novosti", 1986. 92 s.
22. Moiseev N.N. EHkologiya chelovechestva glazami matematika: (CHelovek, priroda i budushhee tsivilizatsii) / N. Moiseev. M.: Mol. gvardiya, 1988. 251 s.
23. Moiseev N.N. Sud'ba tsivilizatsii. Put' Razuma. M.: Izd-vo MNEHPU, 1998. 205 c.
24. Moiseev N.N. Byt' ili ne byt' chelovechestvu M.: Ul'yanovskij Dom pechati, 1999. 288 s.
25. Nazaretyan A.P. Demograficheskaya utopiya ustojchivogo razvitiya // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1996. № 2.
26. Rejmers N.F. Nadezhdy na vyzhivanie chelovechestva. Kontseptual'naya ehkologiya. M.: "Rossiya molodaya", 1992. 365 s.
27. Sagan K. i dr. "YAdernaya zima: Mir posle yadernoj vojny" (angl.: The Nuclear Winter: The World After Nuclear War. London: Sidgwick & Jackson, 1985).

28. Sagan K., Tarko R. Put', o kotorom nikto ne zadumyvalsya: YAdernaya zima i konets gonki vooruzhenij (angl.: A Path Where No Man Thought: Nuclear Winter and the End of the Arms Race. Random House, 1990).
29. Titarenko L.G. EHkologicheskij aspekt obraza zhizni: osnovnye tsennosti i tipy povedeniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 2. S. 107–113.
30. Fishman L.G. Fantastika i grazhdanskoe obshhestvo. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002.
31. YAnitskij O.N. K voprosu o kontseptsii ehkosotsial'nogo znaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 4. S. 3–13.
32. Eckersley R. Environmentalism and Political Theory. Albany, 1992.
33. Eder K. The Social Construction of Nature: Sociology of Ecological Enlightenment. London, 1996.
34. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2. Polity Press, 1992.
35. John S. Dryzek. The Politics of the Earth. 2nd edition. Oxford University Press, 2005.
36. The Ecocriticism Reader. Ed. by Cheryll Glotfelty and Harold Fromm. The Univ. of Georgia Press. 1996. 403 p.
37. Turco R.P., Toon O.B., Ackerman T.P., Pollack J.B., Sagan C. Climate and smoke: an appraisal of nuclear winter // Science. 1990. Vol. 247. P. 166–176.

Орешкина Т.А., Коняшкин В.А. Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации.

На основе анализа научно-фантастической литературы и возможных форм социо-природного экологического развития авторы предлагают дополнить существующие классификации экологических дискурсов новыми дискурсами "экологической катастрофы" и "коэволюции". Проведён анализ полного спектра экологических дискурсов, в принципе возможных для разумной цивилизации в настоящем и в будущем. В статье приводятся аргументы, доказывающие неправомерность восприятия принципа устойчивого развития как концепции коэволюции общества и природы.

Ключевые слова: *экология, загрязнение, массовое сознание, экологический дискурс, устойчивое развитие, экологическое сознание*

Oreshkina T.A., Konyashkin V.A. Ecological consciousness and ecological discourses of civilization.

The article discusses the term ‘discourse’ as a shared way of understanding the world. The aim of the research is to analyze the full range of environmental discourses theoretically possible for an intelligent civilization now and in the future. Basing their research on the analysis of fantastic literature and the matrix of ecological development, the authors propose to complement the existing classifications of environmental discourses. The article presents arguments proving the wrongness of consideration the principle of sustainable development as the concept of coevolution of society and nature. In the authors’ opinion, coevolution is the simultaneous progress of the environment and society, and the discourse of sustainable development does not imply simultaneous economic, social progress and harmony with nature.

Key words: *environment, pollution, mass consciousness, environmental discourse, sustainable development, ecological consciousness*

Для цитирования: Орешкина Т.А., Коняшкин В.А. Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 133–144. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/133-144

For citation: Oreshkina T.A., Konyashkin V.A. Ecological consciousness and ecological discourses of civilization // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 133–144. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/133-144

◆

УДК 327

Золотухин И.Н., Цзя Су Ян

Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы

АСЕАНовская десятка, находящаяся в авангарде международных интеграционных процессов и в фокусе вопросов региональной и глобальной безопасности, представляет собой динамично развивающуюся модель регионального сотрудничества **[22]**. Обеспечение высоких экономических показателей, также как и рост численности населения, требуют сопоставимых энергозатрат. Несмотря на то, что страны ЮВА различаются по уровню экономического развития и по объёмам залежей природных ресурсов, масштабы потребления энергии в субрегионе остаются высокими, увеличившись за последние 15 лет на 60% **[37, p. 11]**. Растущий спрос на электроэнергию *(см. табл. 1)*, составляющий примерно 3,7% в год, превышает среднемировые показатели почти в 2 раза и к 2040 г. может достигнуть 2000 тераватт-час (ТВт*ч) **[37, p. 57]**.

Казалось бы, обладание углеводородными запасами (Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Бруней) и гидроресурсами (Камбоджа, Лаос) позволяет странам ЮВА справиться с энергодефицитом, однако при этом более 60 млн. человек (почти 10% населения ЮВА) остаются без электричества, а 250 млн. используют для приготовления пищи твёрдое биотопливо **[37, p. 11]**.

Доминирующими источниками тепловой и электроэнергии в ЮВА остаются нефть, газ и уголь *(см. табл. 2)*, причём последний сохранит своё значение в структуре энергопотребления в ближайшие 20 лет **[29]**. Производство электроэнергии на угольном топливе содержит риск увеличения выбросов в атмосферу диоксидов и мелкодисперсных частиц, что влечёт ухудшение экологической обстановки в ЮВА и может стать серьёзным вызовом жизни и здоровью населения, затормозить развитие ряда отраслей экономики, разрушить уникальную природную среду **[45]**. К человеческим жертвам и миллиардным убыткам приводят аварии на индокитайских гидроэлектростанциях (ГЭС) **[40]**.

Обеспечение эффективного энергоснабжения является стратегическим вопросом для руководства членов АСЕАН, стремящихся действовать согласованно в решении вопросов энергетической безопасности, связанных с истощением невозобновляемых источников энергии, загрязнением окружающей среды, негативными последствиями энергодефицита для социально-экономического развития. Для предотвращения "энергетического голода" страны ЮВА предприняли значительные усилия по совершенствованию регионального сотрудничества в области энергоэффективности, сделав ставку на поощрение развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ). "Десятка" таргетирована на то, чтобы их доля достигла 23% в общей энергетической структуре ЮВА **[43]**. На рынок ВИЭ ЮВА предполагается привлечение инвестиций в размере 290 млрд. $, в том числе со стороны негосударственных компаний **[38]**.

На этом фоне развитие мирного атома как альтернативного источника энергии, похоже, отодвинуто на долгосрочную перспективу, хотя первые наработки в области гражданской ядерной энергетики стартовали в ЮВА ещё

© *Золотухин И.Н., Цзя Су Ян, 2018*

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафкдры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** zolivnik@mail.ru

ЦЗЯ СУ ЯН, студентка Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** tszya@yandex.ru

Таблица 1. Выработка электроэнергии в странах АСЕАН

	Годовая выработка электроэнергии (ТВт*ч) в 2011 г.	Годовая выработка электроэнергии (ТВт*ч) в 2015 г.	Годовая выработка электроэнергии (ТВт*ч)·в 2017 г.	Население, не имеющее доступа к электричеству (в%)
Индонезия	183,4	234	260,4	9
Малайзия	120,9	150	162,3	1
Филиппины	69,2	82	94.4	10
Таиланд	153,3	178	176,6	-
Вьетнам	101,5	153	190,1	2
Мьянма	7,1	16	-	41
Камбоджа	0,991	4	-	40
Лаос	12,2	-	-	9
Сингапур	46	50	52,4	-
Бруней	3,5	-	-	-

Источник: составлено на основе: **[37, p.41]**.

в начале 1960-х гг., когда Таиланд подписал с США "Соглашение 123"[1]. Впоследствии эта страна, а также Индонезия, Малайзия, Вьетнам и Филиппины становятся лидерами в создании невоенных программ ядерной энергетики в ЮВА *(см. табл. 3)*, разработав нормативно-правовые, инфраструктурные, организационно-управленческие основы ядерной отрасли. Но, находясь в авангарде развития ядерных технологий в ЮВА с момента создания в них исследовательских реакторов TRIGA, большинство их них остаётся на проектном этапе создания и запуска АЭС, изучая правовые, социальные, этические, технические вопросы.

После подписания в Бангкоке договора о зоне, свободной от ядерного оружия (1995 г.), помимо региональных норм о ядерной безопасности и нераспространении признававшего право каждого государства на использование ядерной энергии в мирных целях, в ЮВА возникают первые программы развития атомной энергетики **[2, с. 71]**. В начале XXI в. шесть стран АСЕАН пополнили число "ядерных претендентов", а ведущие поставщики ядерных технологий – США, Россия, Япония, Южная Корея, Франция активизировали с ними сотрудничество **[25]**. Авария на Фукусиме не изменила намерений стран ЮВА развивать ядерную энергетику, хотя и скорректировала сроки реализации их ядерных программ.

На сегодняшний день АЭС в ЮВА есть только на **Филиппинах**, но ядерный объект, законсервированный в 1986 г., остаётся "белым слоном" для филиппинской экономики. Хотя уровень энергетической самообеспеченности страны составляет чуть более 50% **[28, p.289]**, филиппинское правительство не имеет чётких планов по развитию ядерной энергетики **[32, p.587]**, в том числе решения энергетических проблем посредством деконсервации Батаанской АЭС или её превращения в тепловую электростанцию (ТЭС) **[34]**. Препятствий для перезапуска старого реактора (тем более создания нового) достаточно, начиная с сейсмоопасности Филиппинского архипелага и заканчивая внутриполитическими трудностями, такими как коррупция, некомпетентность персонала, риски утечки радиоактивных отходов и/или их попадания в

[1] Соглашение 123 (Section 123 Agreement) – подраздел Закона Соединенных Штатов Америки об атомной энергии 1954 года под названием "Сотрудничество с другими государствами", который открыл возможность предоставлять мирные ядерные технологии для неядерных государств на условиях заключения соответствующего соглашения, которое утверждается Президентом США и ратифицируется Конгрессом.

Таблица 2. Энергопотребление самых крупных экономик АСЕАН (в млн тонн нефт. эквивалента)

	Нефть			Газ			Уголь		
	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2011 г.	2015 г.	2017 г.
Индонезия	76	73,5	77,3	36,7	35,3	33,7	46,9	51,2	57,2
Малайзия	33,1	36,2	36,9	32,9	37,8	36,8	14,8	17,4	20
Филиппины	14,4	19,1	21,7	3,3	2,9	3.2	7,7	11,6	13,1
Таиланд	52,6	60,4	63,9	38,1	43,8	43,1	15,7	17,5	18,3
Сингапур	64	70	75,3	7,1	10	10,6	менее 0,05	0,4	0,4
Вьетнам	17,4	20,8	23	7	8,8	8,1	17,3	26,2	28,2

Источник: составлено на основе: **[14]**.

руки террористов, вероятность теракта (в условиях продолжающихся на юге Филиппин вооружённых выступлений радикальных исламистов это не выглядит фантастическим сценарием) **[25]**.

Малайзия, запустившая исследовательский реактор позже своих соседей по ЮВА, в настоящее время сумела достичь ощутимого прогресса в осуществлении подготовительного этапа реализации программы ядерной энергетики. В 2011 г. в стране создаётся ведомство по реализации ядерной энергии - Малазийская ядерная энергетическая корпорация **[31]**. В подготовке программы по ядерной энергетике участвуют Малазийское ядерное агентство, Совет по лицензированию атомной энергии, Энергетическая комиссия и Национальная энергетическая компания, которые курируются Комитетом по развитию ядерной энергетики **[32, p.588-589]**. Вместе с тем предполагаемые сроки строительства АЭС были отодвинуты малазийским руководством с 2021 г. на отдалённую перспективу, а планы по созданию к 2030 г. 3-4-х ядерных реакторов, обеспечивающих 10–15% потребностей страны в электроэнергии, являются нереалистичными **[18]**. Страна, чьи энергетические мощности почти на 90% базируются на использовании газа и угля, стремится делать ставку на развитие регенеративных источников энергии: солнечной, гидро- и геотермальной. Малайзия является третьим в мире экспортёром солнечных батарей **[23]**. Обладая действенными структурами управления энергетической сферой, Малайзия создала привлекательные условия для инвестиций (как иностранных, так и местного бизнеса) в альтернативную энергетику. Проекты по внедрению мирного атома с целью декарбонизации и диверсификации национальной энергетической системы, рассчитаны на долгосрочный период. Изменить подобную политику способны либо кардинальные изменения конъюнктуры мировых энергетических рынков (например, серьёзные колебания цен на энергоресурсы), либо экономические и политические коллизии внутри страны.

Являясь пионером среди стран ЮВА в разработке ядерной программы, **Таиланд** модифицировал исследовательский реактор, созданный в 1962 г. Теперь он используется Таиландским институтом ядерных технологий в качестве объекта для проведения работ в таких направлениях, как нейтронно-активационный анализ, производство радиоизотопов, колоризация драгоценных камней, нейтронные эксперименты, обучение персонала по обслуживанию реактора **[30, p. 42]**.

Интерес к созданию АЭС, проект которой появился почти 50 лет назад **[17]**, но был отложен из-за открытия газовых месторождений в Сиамском заливе, значительно поугас после аварии на Фукусиме, а затем после прихода к власти военного правительства Прают Чан-Очи, хотя новое руководство Таиланда не отказалось полностью от развития ядерной энергетики. Принятый в 2016 г. новый закон "О ядерной энергии для мирных целей" предусматривает

Таблица 3. Программы атомной энергетики стран ЮВА

	Год начала исследований в ядерной области	Число ядерных реакторов, запланированных к реализации	Год начала запуска первого ядерного реактора
Индонезия	1964	4	2025
Малайзия	1982	1	2030
Филиппины	1963	1	2030
Таиланд	1962	4	2035
Вьетнам	1963	10	2030

Источник: составлено на основе: **[19]**.

создание специального контролирующего органа по вопросам ядерной политики, ядерной и радиационной безопасности, разработки стандартов в области ядерной энергии. Закон позволяет Таиланду подписывать международные соглашения о безопасности в области ядерной энергии, такие как Конвенция о ядерной безопасности, Конвенция о физической защите ядерных материалов, Объединённая Конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами. Кроме того, было принято решение о создании организации по реализации ядерной энергии, в чьи функции входит проведение мероприятий с целью улучшения восприятия ядерной энергетики таиландской общественностью **[32, p.586]**. В то же время Таиланд не стал продлять действие Соглашения 123, поставив под вопрос импорт ядерных технологии из США **[42]**.

Правительство планирует довести производство ядерной энергии до 2 ГВт в 2036 г., что составит 5% от общего объёма энергоносителей страны **[30, p.39]**, но для преодоления зависимости Таиланда от импорта газа, нефти и гидроресурсов **[6]** делает ставку на возобновляемые источники энергии, которые к 2026 г. должны составить 25% от общего объёма энергоносителей страны **[30, p.39]**. Согласно исследованиям Всемирного фонда дикой природы, возобновляемые источники могут существенно удешевить производство электроэнергии и обеспечить 100% энергопотребления Таиланда **[36]**.

В настоящее время **Индонезия** ввела в эксплуатацию три исследовательских ядерных реактора, находящихся под контролем Национального агентства по атомной энергии. Страна является нетто-импортёром нефти, а к 2025 г. может стать нетто-импортёром газа. По мнению лоббиста ядерной энергетики, члена Национального экономического и промышленного комитета Индонезии Боба Эффенди, углеводородные запасы страны будут истощены к 2034–2040 гг., а возобновляемые источники смогут обеспечить лишь 15% её энергопотребления **[11]**. Серьёзной проблемой для архипелажного государства остаётся развитие энергетической инфраструктуры между островами. Лишь 73% населения страны доступна электроэнергия, а в ряде восточных провинций электрифицирована только 1/3 домохозяйств **[5]**. В отличие от других стран ЮВА, общественность которых в целом настороженно относится к созданию АЭС, в Индонезии, согласно опросам, 77,5% населения выражают доверие программе развития ядерной энергетики **[20]**.

Индонезия обладает более развитым инструментарием анализа и подготовки инфраструктуры в области ядерных технологий. В ноябре 2009 г. МАГАТЭ, проведя комплексную инспекцию ядерной инфраструктуры Индонезии, пришла к выводу, что страна готова принять обязательства по созданию гражданских ядерных объектов **[26]**. Однако запланированное в 2010 г. строительство АЭС на полуострове Мурия (северная Ява), также как ядерные проекты на острове Бангка и в провинции Бантен (западная Ява) были приостановлены. Позиция Президента Джоко Видодо – рассматривать ядерную энергетику как альтернативный вариант **[41]** – получила отражение в На-

циональном энергетическом генеральном плане до 2050 г., в котором ставка делается на возобновляемые источники энергии и углеводороды **[26]**.

В то же время, благодаря Национальному агентству по атомной энергии, появилась возможность разработать "дорожную карту" для развёртывания ядерной энергетики и укрепления международного ядерного сотрудничества **[32, p. 588]**. Запланированное агентством создание экспериментального энергетического реактора (RDE) мощностью 10 МВт должно стать новым этапом для строительства больших АЭС. RDE представляет собой малогабаритный высокотемпературный газоохлаждаемый реактор, подходящий как для последующего коммерческого использования коммунальными службами и независимыми производителями электроэнергии по всей стране, так и для экспорта. Данный реактор также может быть использован для опреснения морской воды, производства водорода и сжигания угля **[21]**.

Индонезия планирует запуск легководных реакторов на густонаселённых островах Бали, Ява, Мадура и Суматра с 2027 г., а также развёртывание небольших ПАЭС (до 100 МВт) на Калимантане, Сулавеси и других островах для подачи электроэнергии и тепла в промышленных целях **[**45**]**. В начале 2018 г. начались подготовительные работы по внедрению жидкосолевого ториевого реактора ThorCon, соглашение по которому три государственные компании Индонезии подписали с американской фирмой Martingale (теперь ThorCon International) ещё в октябре 2015 г. Строительство объекта, представляющего АЭС мощностью 500 МВт, может начаться уже в 2019 г. **[44]**. Таким образом, за последние два года индонезийское руководство проявило себя флагманом в отношении к ядерной программе по сравнению с другими членами АСЕАН, высоко оценивая потенциальные возможности мирного атома в решении экономических, энергетических и экологических задач и активно взаимодействуя по ядерному вопросу с международным сообществом. Партнёрами Индонезии в развитии ядерных технологий являются Россия, Япония, Китай, ЮАР, США.

История ядерных исследований **Вьетнама** начинается с марта 1963 г., когда в Далате запускается американский реактор Mark Triga и создаётся Институт атомных исследований. В настоящее время этот реактор, модифицированный и реконструированный, используется в исследованиях в области ядерной медицины, радиоизотопной диагностики, радиоактивного облучения сельскохозяйственных растений и др. Приняв решение о внедрении национальной ядерной программы в 2008 г., Вьетнам добился значительного прогресса в развитии инфраструктуры для строительства АЭС благодаря поддержке МАГАТЭ и передовых ядерных держав – России, Японии, США (с последними Вьетнам подписал в 2014 г. Соглашение 123).

С 2011 г. вьетнамское правительство подготовило план развития атомной энергетики до 2030 г., сделав ставку на важную роль мирного атома в обеспечении энергетической безопасности, защите окружающей среды и индустриализации страны **[10, с. 19]**. Помимо Института атомных исследований, контроль над реализацией гражданской ядерной программы был возложен на Вьетнамское агентство по атомной энергии и Вьетнамское агентство по радиационной и ядерной безопасности. Все три структуры находятся в ведении Министерства науки и технологий.

Межправительственные соглашения Вьетнама и России подготовили почву для создания первой АЭС ("Ниньтхуан-1"), а сотрудничество вьетнамской стороны с США и Японией – для "Ниньтхуан-2"; в строительстве АЭС предложила принять участие Южная Корея, договорившись с Вьетнамом осенью 2013 г. об обмене опытом и технологиями в сфере ядерного развития. Заинтересованность в предоставлении Вьетнаму ядерных технологий выразили транснациональные компании (в частности Westinghouse и GE Hitachi). После Фукусимы развитие ядерной программы не было приостановлено и казалось, что ничто не помешает запуску первой действующей в ЮВА АЭС.

Однако вышедший в 2016 г. обновлённый Национальный план развития электроэнергетики, по сути, вводил мораторий на развитие ядерной энергетики, что вскоре подтвердило вьетнамское правительство, заморозив миллиардные проекты с РФ и Японией. Главным препятствием остановки проектов официально были названы экономические причины, в том числе снижение роста вьетнамской экономики и цен на традиционные энергоно-

сители (уголь и нефть) **[12]**. Несмотря на то, что Вьетнам не отказывается полностью от ядерной энергии, её будущее на данном этапе остаётся неопределённым. Большую ясность вьетнамское руководство имеет в отношении регенеративных источников энергии, долю которых оно планирует увеличить до 12,5% к 2025 и 21% к 2030 **[37, p.51]**.

Таким образом, Таиланд, Вьетнам, Филиппины, Индонезия и Малайзия продолжают вкладывать средства в проекты развития своей ядерной инфраструктуры, однако воздерживаются от политических обязательств по строительству АЭС. Заинтересованность в использовании ядерной энергетики как важном аспекте социально-экономического развития сохраняют и остальные государства АСЕАН, за исключением Сингапура и Брунея **[32, p.589]** В то же время Мьянма, Камбоджа и Лаос не конкретизировали планы по созданию АЭС и рассматривают их реализацию в долгосрочном диапазоне, исходя из дорогостоящих затрат на инфраструктуру, подготовку персонала и гарантии безопасности. Для Камбоджи и Мьянмы, где остро стоит вопрос обеспечения электроэнергией *(см. табл. 1)*, ядерная энергетика может стать панацеей решения энергетических проблем, но эти страны, также как и Лаос, делают ставку на гидроресурсы, а в среднесрочной перспективе на возобновляемые источники энергии.

Показательно, что намерения стран ЮВА в формировании собственных программ атомной энергетики базируются на необходимости сотрудничества с признанными на международной арене лидерами в строительстве АЭС и утилизации ядерных отходов. Обладая колоссальным опытом в этом направлении, Россия в настоящее время заключила соглашение о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях с 7 странами АСЕАН: Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Таиландом, Камбоджей, Мьянмой и Лаосом. Выступая на Саммите Россия-АСЕАН в Сочи в 2016 г., Президент РФ В.В. Путин заявил, что уровень сотрудничества между Россией и АСЕАН в топливно-энергетической сфере должен быть выведен на новый уровень, а Москва готова предложить странам-участницам проекты по строительству АЭС следующего поколения **[33]**.

На протяжении последующих двух лет Россия инициировала подписание целого ряда совместных соглашений. После апрельского меморандума 2016 г., предусматривавшего совместные действия по проектированию, строительству и эксплуатации ядерных энергетических и исследовательских реакторов, а также по проведению исследований в области ядерной и радиационной безопасности и ядерной медицины, "Росатом"[2] подписал с Министерством энергетики Лаоса в сентябре 2017 г. "дорожную карту" сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях, которая включает создание ядерной инфраструктуры, подготовку персонала, поставки продуктов и услуг ядерного топливного цикла **[9]**. Переговоры с "Росатомом" начались в 2015 г., когда Вьентьян выразил намерение создать два водо-водяных энергетических реактора (ВВЭР) каждый мощностью до 1-1,2 ГВт **[27]**. В перспективе Лаос предусматривает потенциал развития ядерных энергетических мощностей, позволяющий экспортировать электроэнергию своим соседям **[32, p. 589]**.

Россия и Камбоджа в сентябре 2017 г. достигли соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, в котором были определены такие направления двустороннего взаимодействия, как обучение и подготовка специалистов в ядерной энергетике, осуществление фундаментальных и прикладных исследований, применение радиационных технологий в промышленности, медицине, сельском хозяйстве и охране окружающей среды. Кроме того, документ обозначал перспективу для сооружения в Камбодже атомных энергоблоков российского дизайна **[8]**.

Военное правительство Мьянмы, через 50 лет после присоединения к МАГАТЭ и почти 40 лет работы над созданием ядерного реактора, подписало с Россией в 2007 г. межправительственное соглашение о сотрудничестве в об-

---

[2] Росатом – российская государственная корпорация по атомной энергии, созданная 18 декабря 2007 г., один из глобальных технологических лидеров, занимает 1 место в мире по величине портфеля зарубежных заказов (35 энергоблоков в 11 странах). Подробнее см.: О Росатоме. URL: http://www.rosatom.ru/about/

ласти ядерных технологий и создании Центра ядерных исследований. Двусторонний процесс не был приостановлен после появления информации об обвинениях Мьянмы в разработке ядерного оружия и баллистических ракет **[39]**. В 2015 г. Москва и Нейпьидо продолжили взаимодействие, заключив меморандум о взаимопонимании как важный шаг к созданию благоприятных условий в сфере использования передовых ядерных технологий, включая укрепление правовой базы сотрудничества и подготовку персонала **[13]**.

В ноябре 2017 г. Компания "Росатом – Юго-Восточная Азия" (региональный центр "Росатома") и ведущий вуз Таиланда – Чулалонгкорнский университет достигли решения развивать партнёрство в сфере ядерной науки и образования для подготовки таиландских кадров в ядерной области **[3]**. "Росатом" контактирует с Агентством по ядерной энергии и атомной корпорацией Малайзии, выражая готовность помочь в создании и развитии ядерной инфраструктуры, подготовке и переквалификации национальных кадров, а также в эксплуатации АЭС и утилизации отработанных ядерных материалов и радиоактивных отходов, но пока сотрудничество не получило конкретного воплощения хотя бы в запланированных проектах **[7]**.

Наибольшего относительного прогресса России удалось достичь в отношениях с Вьетнамом, Индонезией и Филиппинами, с которыми подписаны меморандумы о взаимопонимании и сделаны предложения в контексте реализации национальных атомных программ. После заморозки вьетнамским правительством строительства АЭС в провинции Ниньтхуан России удалось частично сгладить ощущение упущенной выгоды разработкой экспериментального многоцелевого высокотемпературного газоохлаждаемого реактора мощностью 10 МВт в Индонезии, а также предложить этому и ещё одному архипелажному государству ЮВА – Филиппинам, разместить у них ПАЭС **[16]**. В свою очередь, отказавшись от АЭС, Вьетнам согласился на создание ядерного научно-технического центра, в котором будут размещены исследовательские реакторы, спроектированные в России, инженерный комплекс, исследовательские лаборатории и многоцелевой циклотрон **[35]**.

Несмотря на имеющиеся у России возможности и преимущества на международном рынке ядерных услуг, российские предложения сохраняют характер деклараций о намерениях и перспективы превращения "бумажных АЭС" в реально действующие пока выглядят туманно. Переговоры России с Вьетнамом показательны как пример того, что политические договорённости не всегда гарантируют результат. Кроме того, у Москвы нет лобби и групп интересов, готовых продвигать строительство атомных объектов в ЮВА. Внедрение мирного атома остаётся одним из российских направлений внешней политики с целью закрепиться в непростом регионе, где исторически влияние Москвы было не столь очевидным, но для успешной реализации своих ядерных инициатив России необходимо принимать во внимание целый ряд факторов.

Во-первых, необходимо способствовать продвижению проектов, значимых для членов АСЕАН, делая ставку на экономические возможности стран-партнёров и особенности их национальных энергетических программ. В этом отношении Индонезия, Малайзия Филиппины могут стать для России относительно новым направлением ядерного сотрудничества. Во-вторых, России важно сохранить не только позиции, но и высокую репутацию в конкурентной борьбе с другими странами-поставщиками ядерных технологий (США, Кореей, Францией), зарекомендовав себя гарантом мирного использования ядерной энергии под контролем МАГАТЭ, что немаловажно для позитивного имиджа страны в регионе. Наконец, Москве необходимо учитывать сложный ландшафт международных отношений в ЮВА и влияние внешних игроков на процесс принятия политических решений руководства стран АСЕАН. России понадобится немалое дипломатическое искусство, чтобы не давать оснований считать себя нарушителем спокойствия в регионе, где её присутствие, а тем более усиление, не может не вызывать опасений прежде всего у США и Китая.

Таким образом, современное состояние дел касательно развития атомной энергетики в ЮВА показывает, что риски и издержки, связанные с вводом в эксплуатацию ядерных объектов мирного значения, перекрывают позитивные последствия их использования. Население большинства стран, участвующих в разработке программ мирного атома, воспринимает создание АЭС как

угрозу национальной и региональной безопасности, способную усугубить и без того сложную экологическую обстановку в регионе. На этом фоне показателен растущий интерес АСЕАНовских государств к возобновляемым источникам энергии. Серьёзным препятствием реализации программ атомной энергетики являются вооружённые конфликты и террористические атаки в странах ЮВА.

Ещё одним фактором, влияющим на позиции сторон в отношении гражданских ядерных программ, является механизм АСЕАНовских правил, в выработке которых страны ЮВА предприняли колоссальные усилия. Сформированные АСЕАНоцентричные структуры безопасности требуют от членов ассоциации ответственного поведения, особенно когда речь идёт об устойчивом развитии и угрозах всеобъемлющего характера. В условиях сохранения конфликтов малой и средней интенсивности и необходимости улучшения атмосферы доверительных отношений, ядерный фактор может стать камнем преткновения в решении актуальных региональных вопросов.

Понимая риски ядерной энергетики, члены АСЕАН неоднократно подчёркивали приверженность нормам Бангкокского договора на ежегодных встречах лидеров стран АСЕАН и, в частности, на совещании министров энергетики стран АСЕАН (AMEM). В сентябре 2013 г. состоялась первая встреча ASEANTOM (АСЕАНовской сети регулирующих органов по атомной энергии). Также в АСЕАН функционирует секторальная сеть по сотрудничеству в области ядерной энергии (NEC-SSN) **[24, p.713]**. Однако государства АСЕАН неохотно обсуждают свои ядерные энергетические программы на региональном уровне, воспринимая их как проблемы национального характера, поэтому нахождение баланса между национальным суверенитетом и региональным сотрудничеством в ядерной сфере остаётся открытым вопросом. Тем не менее, руководству стран ЮВА, помимо прогресса в развитии инфраструктуры ядерной энергетики, необходимо демонстрировать соответствие международным стандартам безопасности, в том числе продолжать работу по внедрению соответствующих нормативных актов, заниматься подготовкой высококвалифицированного персонала для работы на АЭС, сотрудничать с МАГАТЭ.

Подводя итог, можно констатировать, что важнейшим условием долгосрочного поступательного внедрения технологий ядерного топливного цикла в странах ЮВА остаётся решение проблем безопасности. Атомная энергетика, признанная важным фактором социально-экономического развития, остаётся в лучшем случае проектом на среднесрочную перспективу, а её реализация требует не только значительных инвестиций и кардинальных технологических инноваций, но и совместных усилий государств АСЕАН в предотвращении ядерной катастрофы.

Литература

1. Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml (дата обращения: 12.07.2018).

2. Ключанская С.А. Основные направления развития ядерной энергетики стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в конце XX начале XXI века// Вестник Томского университета. 2010. N 333. С. 71–73.

3. Компания "Росатом – Юго-Восточная Азия" (региональный центр госкорпорации "Росатом") и Чулалонгкорнский университет Таиланда (Chulalongkorn University) подписали меморандум о взаимопонимании… [Электронный ресурс]. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2386440 (дата обращения: 14.08.2018).

4. О Росатоме [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosatom.ru/about/ (дата обращения: 18.08.2018).

5. Обзор энергетики Индонезии [Электронный ресурс]. URL: http://asiavector.ru/analytics/575/ (дата обращения: 23.08.2018).

6. Обзор энергетики Таиланда [Электронный ресурс]. URL: http://asiavector.ru/analytics/577 (дата обращения: 23.08.2018).

7. Россия готова построить первую АЭС в Малайзии [Электронный ресурс]. URL: http://blog.b2b-export.com/rossiya-gotova-postroit-pervuyu-atomnuyu-elektrostantsiyu-v-malajzii/ (дата обращения: 15.08.2018).

8. Россия и Камбоджа подписали соглашение о сотрудничестве в использовании атомной энергии в мирных целях [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosatom.

ru/journalist/news/rossiya-i-kambodzha-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-ispolzovanii-atomnoy-energii-v-mirnykh/ (дата обращения: 21.08.2018).

9. Россия и Лаос подписали "дорожную карту" сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-laos-podpisali-dorozhnuyu-kartu-sotrudnichestva-v-oblasti-ispolzovaniya-atomnoy-energii-v-/ (дата обращения: 12.08.2018).

10. Хоанг Ан Туан Правительство Вьетнама привержено развитию ядерной безопасности, безаварийной работы и внедрению системы гарантий // Индекс Безопасности. 2014. № 111. С. 19–21.

11. After Decades of Political Sabotage, Indonesia May Go Nuclear [Электронный ресурс]. URL: http://www.larouchepub.com/pr/2018/180627_indonesia_nuclear.html (дата обращения: 21.08.2018).

12. Anh Duy. First nuclear power plant project suspended// Vietnam Today, November 22, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vneconomictimes.com/article/vietnam-today/first-nuclear-power-plant-project-suspended (дата обращения: 23.08.2018).

13. Aung Shin. Russia and Myanmar to establish working body for nuclear technology// Myanmar Times, June 6, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mmtimes.com/business/20681-russia-and-myanmar-to-establish-working-body-for-nuclear-technology.html (дата обращения: 09.08.2018).

14. BP Statistical Review of World Energy. June 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf (дата обращения: 16.08.2018).

15. Brian Wang. Indonesia and ThorCon continue working towards thorium reactor Next Big Future, June 14, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nextbigfuture.com/2018/06/indonesia-and-thorcon-continue-working-towards-thorium-reactor.html (дата обращения: 03.09.2018).

16. Cordero Ted. Russia offers floating nuclear power plant for PHL// GMA News, May 14, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gmanetwork.com/news/money/companies/653280/russia-offers-floating-nuclear-power-plant-for-phl/story/ (дата обращения: 29.07.2018).

17. Dr Doonyapong Wongsawaeng. โครงการโรงไฟฟ้า นิวเคลียร์ของ ประเทศไทย (Nuclear Power Plant Project in Thailand). Nuclear Technology Department. Chulalongkorn University [Электронный ресурс]. URL: https://www.ocf.berkeley.edu/~doonyapo/Section_7.pdf (дата обращения: 26.07.2018).

18. Dr Mohd Ashhar Mohd Halid, Dato' Sri Hajah Nancy Shukri. Outdated regulations hamper Malaysia from making its nuclear ambition happen [Электронный ресурс]. URL: https://asian-power.com/regulation/exclusive/outdated-regulations-hamper-malaysia-making-its-nuclear-ambition-happen (дата обращения: 14.08.2018).

19. Emerging Nuclear Energy Countries (Updated July 2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/others/emerging-nuclear-energy-countries.aspx (дата обращения: 15.08.2018).

20. Hidayatullah Rully. ASEAN Nuclear Series Part 2: Nuclear in Indonesia – 50 Years and Counting, July 25, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.aseanenergy.org/blog/asean-nuclear-series-part-2-nuclear-in-indonesia-50-years-and-counting/ (дата обращения: 27.08.2018).

21. Indonesia Reports Progress with Small Modular Reactor Design [Электронный ресурс]. URL: https://neutronbytes.com/2018/04/02/china-to-start-6-8-new-nuclear-reactors-in-2018/ (дата обращения: 28.08.2018).

22. International Monetary Fund Country Information [Электронный ресурс]. URL: http://www.imf.org/en/countries; https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2018/01/AEC_Chartbook_2017.pdf (дата обращения: 8.09.2018).

23. Malaysia aims to become world's second largest PV producer by 2020// SEDA (2016b) [Электронный ресурс]. URL: http://www.seda.gov.my/?oman eg=0001010000000101010100010000100000000%2000000000000000&y=45&s=5744 (дата обращения: 24.08.2018).

24. Mely Caballero-Anthony and Julius Cesar I. Trajano. The State of Nuclear Energy in ASEAN: Regional Norms and Challenges //Asian Perspective. 2015. N39. Pp. 695–723.

25. Nguyen Viet Phuong. Nuclear Energy in Southeast Asia: A Bridge Too Far? [Электронный ресурс]. URL: https://thediplomat.com/2016/11/nuclear-energy-in-southeast-asia-a-bridge-too-far/ (дата обращения: 19.07.2018).

26. Nuclear Power in Indonesia [Электронный ресурс]. URL: http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/indonesia.aspx (дата обращения: 01.09.2018).

27. Parameswaran Prashanth. What's Behind Russia's New Nuclear Pact With Laos? [Электронный ресурс]. URL: https://thediplomat.com/2016/04/whats-behind-russias-new-nuclear-pact-with-laos/ (дата обращения: 20.08.2018).

28. Philippine Development Plan, 2017-2022. Published by National Economic and Development Authority, 2017. 435 p.

29. Pokharel Bikal. Is coal still king in South East Asia?// 11th Capacity Building Programme for Officers of Electricity Regulatory Commissions. Asia Power & Renewables, Wood Mackenzie. 14 December 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iitk.ac.in/ime/anoops/FOR-17/FOR-17%20photos/PPTs/Singapore%20Day%202/Wood%20Mackenzie_Singapore%20and%20SE%20Asia%20Market%20Outlook.pdf (дата обращения: 22.08.2018).

30. Pre-Feasibility Study on the Establishment of Nuclear Power Plant in ASEAN// Published by ASEAN Centre for Energy. April 2018. Jakarta. 56 p.

31. Putra Nur Azha, Andrew-Speed Philip. Prospects for Nuclear Power in ASEAN [Электронный ресурс]. URL: https://thediplomat.com/2018/06/prospects-for-nuclear-power-in-asean/ (дата обращения: 30.07.2018).

32. Putra Nur Azha. The dynamics of nuclear energy among ASEAN member states// Energy Procedia. 2017. N143. Pp. 585–590.

33. Rapoza Kenneth. Putin Pushes Nuclear Power To Southeast Asia [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/05/20/putin-pushes-nuclear-power-to-southeast-asia/#5f1aa2d71377 (дата обращения: 10.08.2018).

34. Romero Alexis. Duterte on nuclear policy: Safety first// The Philippine Star, April 30, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.philstar.com/headlines/2018/04/30/1810698/duterte-nuclear-policy-safety-first (дата обращения: 29.07.2018).

35. ROSATOM and the Ministry of Science and Technology of Vietnam sign a MoU on the plan for implementing the Centre of Nuclear Science and Technology project [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosatom.ru/en/press-centre/news/rosatom-and-the-ministry-of-science-and-technology-of-vietnam-sign-a-mou-on-the-plan-for-implementin/ (дата обращения: 16.08.2018).

36. Rujivanarom Pratch. With Russian help, region looks to a nuclear-powered future// The Nation, June 13, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nationmultimedia.com/national/With-Russian-help-region-looks-to-a-nuclear-powere-30288002.html (дата обращения: 17.08.2018).

37. Southeast Asia Energy Outlook, 2017// World Energy Outlook Special Report. OECD/IEA, 2017. 148 p.

38. Southeast Asia's Renewable Energy Potential [Электронный ресурс]. URL: https://www.brinknews.com/asia/southeast-asias-renewable-energy-potential/ (дата обращения: 04.08.2018).

39. Spillius Alex and McElroy Damien. Burma is working on nuclear weapons programme, experts claim [Электронный ресурс]. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/burmamyanmar/7909774/Burma-is-working-on-nuclear-weapons-programme-experts-claim.html (дата обращения: 19.08.2018).

40. Tiezzi Shannon. China and Laos' Dam Disaster [Электронный ресурс]. URL: https://thediplomat.com/2018/08/china-and-laos-dam-disaster/ (дата обращения: 31.07.2018).

41. Tjiptosumirat Totti. Soft Launching of the Non Commercial Power Reactor (RDNK)/Experimental Power Reactor (RDE) [Электронный ресурс]. URL: http://www.batan.go.id/index.php/en/publikasi-en/pressreleases-en/1216-soft-launching-of-the-non-commercial-power-reactor-rdnk-experimental-power-reactor-rde (дата обращения: 20.08.2018).

42. U.S. Bilateral Agreements For Peaceful Nuclear Cooperation Pursuant to Section 123 of the U.S. Atomic Energy Act of 1954, As Amended [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/t/isn/rls/fs/2017/266975.htm (дата обращения: 25.08.2018).

43. Victor Pamela. Southeast Asia's hope for renewable energy in the year ahead// The ASEAN Post, January 10, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://theaseanpost.com/article/southeast-asias-hope-renewable-energy-year-ahead (дата обращения: 17.07.2018).

44. Wang Brian. Indonesia and ThorCon continue working towards thorium reactor// Next Big Future, June 14, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nextbigfuture.com/2018/06/indonesia-and-thorcon-continue-working-towards-thorium-reactor.html (дата обращения: 03.09.2018).

45. Wang Brian. Indonesia progressing to an experimental small modular nuclear reactor// Next Big Future, March 20, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nextbigfuture.com/2018/03/indonesia-progressing-to-an-experimental-small-modular-nuclear-reactor.html (дата обращения: 03.09.2018).

46. Zhu Winnie. Coal to Surpass Gas in Southeast Asia Power Boom// Bloomberg. October 2, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bloomberg.com/news/2013-10-02/coal-to-surpass-gas-in-southeast-asia-power-use-boom-iea-says.html (дата обращения: 12.08.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Dogovor o zone, svobodnoj ot yadernogo oruzhiya, v YUgo-Vostochnoj Azii (Bangkokskij dogovor) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml (data obrashheniya: 12.07.2018).
2. Klyuchanskaya S.A. Osnovnye napravleniya razvitiya yadernoj ehnergetiki stran Assotsiatsii gosudarstv YUgo-Vostochnoj Azii v kontse KHKH nachale KHKHI veka// Vestnik Tomskogo universiteta. 2010. N 333. C. 71–73.
3. Kompaniya "Rosatom – YUgo-Vostochnaya Aziya" (regional'nyj tsentr goskorporatsii "Rosatom") i CHulalongkornskij universitet Tailanda (Chulalongkorn University) podpisali memorandum o vzaimoponimanii… [EHlektronnyj resurs]. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2386440 (data obrashheniya: 14.08.2018).
4. O Rosatome [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rosatom.ru/about/ (data obrashheniya: 18.08.2018).
5. Obzor ehnergetiki Indonezii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://asiavector.ru/analytics/575/ (data obrashheniya: 23.08.2018).
6. Obzor ehnergetiki Tailanda [EHlektronnyj resurs]. URL: http://asiavector.ru/analytics/577 (data obrashheniya: 23.08.2018).
7. Rossiya gotova postroit' pervuyu AEHS v Malajzii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://blog.b2b-export.com/rossiya-gotova-postroit-pervuyu-atomnuyu-elektrostantsiyu-v-malajzii/ (data obrashheniya: 15.08.2018).
8. Rossiya i Kambodzha podpisali soglashenie o sotrudnichestve v ispol'zovanii atomnoj ehnergii v mirnykh tselyakh [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-kambodzha-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-ispolzovanii-atomnoy-energii-v-mirnykh/ (data obrashheniya: 21.08.2018).
9. Rossiya i Laos podpisali "dorozhnuyu kartu" sotrudnichestva v oblasti ispol'zovaniya atomnoj ehnergii v mirnykh tselyakh [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-laos-podpisali-dorozhnuyu-kartu-sotrudnichestva-v-oblasti-ispolzovaniya-atomnoy-energii-v-/ (data obrashheniya: 12.08.2018).
10. KHoang An Tuan Pravitel'stvo V'etnama priverzheno razvitiyu yadernoj bezopasnosti, bezavarijnoj raboty i vnedreniyu sistemy garantij // Indeks Bezopasnosti. 2014. № 111. S. 19–21.
11. After Decades of Political Sabotage, Indonesia May Go Nuclear [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.larouchepub.com/pr/2018/180627_indonesia_nuclear.html (data obrashheniya: 21.08.2018).
12. Anh Duy. First nuclear power plant project suspended// Vietnam Today, November 22, 2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.vneconomictimes.com/article/vietnam-today/first-nuclear-power-plant-project-suspended (data obrashheniya: 23.08.2018).
13. Aung Shin. Russia and Myanmar to establish working body for nuclear technology// Myanmar Times, June 6, 2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.mmtimes.com/business/20681-russia-and-myanmar-to-establish-working-body-for-nuclear-technology.html (data obrashheniya: 09.08.2018).
14. BP Statistical Review of World Energy. June 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf (data obrashheniya: 16.08.2018).
15. Brian Wang. Indonesia and ThorCon continue working towards thorium reactor Next Big Future, June 14, 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.nextbigfuture.com/2018/06/indonesia-and-thorcon-continue-working-towards-thorium-reactor.html (data obrashheniya: 03.09.2018).
16. Cordero Ted. Russia offers floating nuclear power plant for PHL// GMA News, May 14, 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gmanetwork.com/news/money/companies/653280/russia-offers-floating-nuclear-power-plant-for-phl/story/ (data obrashheniya: 29.07.2018).
17. Dr Doonyapong Wongsawaeng. โครงการโรงไฟฟ้ านิวเคลียร์ของ ประเทศไทย (Nuclear Power Plant Project in Thailand). Nuclear Technology Department. Chulalongkorn University [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.ocf.berkeley.edu/~doonyapo/Section_7.pdf (data obrashheniya: 26.07.2018).
18. Dr Mohd Ashhar Mohd Halid, Dato' Sri Hajah Nancy Shukri. Outdated regulations hamper Malaysia from making its nuclear ambition happen [EHlektronnyj resurs]. URL: https://asian-power.com/regulation/exclusive/outdated-regulations-hamper-malaysia-making-its-nuclear-ambition-happen (data obrashheniya: 14.08.2018).
19. Emerging Nuclear Energy Countries (Updated July 2018) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/others/emerging-nuclear-energy-countries.aspx (data obrashheniya: 15.08.2018).
20. Hidayatullah Rully. ASEAN Nuclear Series Part 2: Nuclear in Indonesia – 50 Years and Counting, July 25, 2017 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.aseanenergy.org/blog/asean-nuclear-series-part-2-nuclear-in-indonesia-50-years-and-counting/ (data obrashheniya: 27.08.2018).

21. Indonesia Reports Progress with Small Modular Reactor Design [EHlektronnyj resurs]. URL: https://neutronbytes.com/2018/04/02/china-to-start-6-8-new-nuclear-reactors-in-2018/ (data obrashheniya: 28.08.2018).
22. International Monetary Fund Country Information [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.imf.org/en/countries; https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2018/01/AEC_Chartbook_2017.pdf (data obrashheniya: 8.09.2018).
23. Malaysia aims to become world's second largest PV producer by 2020// SEDA (2016b) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.seda.gov.my/?oman eg=00010100000001010101000100010000000%2000000000000000&y=45&s=5744 (data obrashheniya: 24.08.2018).
24. Mely Caballero-Anthony and Julius Cesar I. Trajano. The State of Nuclear Energy in ASEAN: Regional Norms and Challenges //Asian Perspective. 2015. N39. Pp. 695–723.
25. Nguyen Viet Phuong. Nuclear Energy in Southeast Asia: A Bridge Too Far? [EHlektronnyj resurs]. URL: https://thediplomat.com/2016/11/nuclear-energy-in-southeast-asia-a-bridge-too-far/ (data obrashheniya: 19.07.2018).
26. Nuclear Power in Indonesia [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/indonesia.aspx (data obrashheniya: 01.09.2018).
27. Parameswaran Prashanth. What's Behind Russia's New Nuclear Pact With Laos? [EHlektronnyj resurs]. URL: https://thediplomat.com/2016/04/whats-behind-russias-new-nuclear-pact-with-laos/ (data obrashheniya: 20.08.2018).
28. Philippine Development Plan, 2017-2022. Published by National Economic and Development Authority, 2017. 435 p.
29. Pokharel Bikal. Is coal still king in South East Asia?// 11th Capacity Building Programme for Officers of Electricity Regulatory Commissions. Asia Power & Renewables, Wood Mackenzie. 14 December 2017 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.iitk.ac.in/ime/anoops/FOR-17/FOR-17%20photos/PPTs/Singapore%20Day%202/Wood%20Mackenzie_Singapore%20and%20SE%20Asia%20Market%20Outlook.pdf (data obrashheniya: 22.08.2018).
30. Pre-Feasibility Study on the Establishment of Nuclear Power Plant in ASEAN// Published by ASEAN Centre for Energy. April 2018. Jakarta. 56 p.
31. Putra Nur Azha, Andrew-Speed Philip. Prospects for Nuclear Power in ASEAN [EHlektronnyj resurs]. URL: https://thediplomat.com/2018/06/prospects-for-nuclear-power-in-asean/ (data obrashheniya: 30.07.2018).
32. Putra Nur Azha. The dynamics of nuclear energy among ASEAN member states// Energy Procedia. 2017. N143. Pp. 585–590.
33. Rapoza Kenneth. Putin Pushes Nuclear Power To Southeast Asia [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/05/20/putin-pushes-nuclear-power-to-southeast-asia/#5f1aa2d71377 (data obrashheniya: 10.08.2018).
34. Romero Alexis. Duterte on nuclear policy: Safety first// The Philippine Star, April 30, 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.philstar.com/headlines/2018/04/30/1810698/duterte-nuclear-policy-safety-first (data obrashheniya: 29.07.2018).
35. ROSATOM and the Ministry of Science and Technology of Vietnam sign a MoU on the plan for implementing the Centre of Nuclear Science and Technology project [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rosatom.ru/en/press-centre/news/rosatom-and-the-ministry-of-science-and-technology-of-vietnam-sign-a-mou-on-the-plan-for-implementin/ (data obrashheniya: 16.08.2018).
36. Rujivanarom Pratch. With Russian help, region looks to a nuclear-powered future// The Nation, June 13, 2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.nationmultimedia.com/national/With-Russian-help-region-looks-to-a-nuclear-powere-30288002.html (data obrashheniya: 17.08.2018).
37. Southeast Asia Energy Outlook, 2017// World Energy Outlook Special Report. OECD/IEA, 2017. 148 p.
38. Southeast Asia's Renewable Energy Potential [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.brinknews.com/asia/southeast-asias-renewable-energy-potential/ (data obrashheniya: 04.08.2018).
39. Spillius Alex and McElroy Damien. Burma is working on nuclear weapons programme, experts claim [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/burmamyanmar/7909774/Burma-is-working-on-nuclear-weapons-programme-experts-claim.html (data obrashheniya: 19.08.2018).
40. Tiezzi Shannon. China and Laos' Dam Disaster [EHlektronnyj resurs]. URL: https://thediplomat.com/2018/08/china-and-laos-dam-disaster/ (data obrashheniya: 31.07.2018).
41. Tjiptosumirat Totti. Soft Launching of the Non Commercial Power Reactor (RDNK)/Experimental Power Reactor (RDE) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.batan.go.id/index.php/en/publikasi-en/pressreleases-en/1216-soft-launching-of-the-non-commercial-power-reactor-rdnk-experimental-power-reactor-rde (data obrashheniya: 20.08.2018).

42. U.S. Bilateral Agreements For Peaceful Nuclear Cooperation Pursuant to Section 123 of the U.S. Atomic Energy Act of 1954, As Amended [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.state.gov/t/isn/rls/fs/2017/266975.htm (data obrashheniya: 25.08.2018).
43. Victor Pamela. Southeast Asia's hope for renewable energy in the year ahead// The ASEAN Post, January 10, 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://theaseanpost.com/article/southeast-asias-hope-renewable-energy-year-ahead (data obrashheniya: 17.07.2018).
44. Wang Brian. Indonesia and ThorCon continue working towards thorium reactor// Next Big Future, June 14, 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.nextbigfuture.com/2018/06/indonesia-and-thorcon-continue-working-towards-thorium-reactor.html (data obrashheniya: 03.09.2018).
45. Wang Brian. Indonesia progressing to an experimental small modular nuclear reactor// Next Big Future, March 20, 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.nextbigfuture.com/2018/03/indonesia-progressing-to-an-experimental-small-modular-nuclear-reactor.html (data obrashheniya: 03.09.2018).
46. Zhu Winnie. Coal to Surpass Gas in Southeast Asia Power Boom// Bloomberg. October 2, 2013 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.bloomberg.com/news/2013-10-02/coal-to-surpass-gas-in-southeast-asia-power-use-boom-iea-says.html (data obrashheniya: 12.08.2018).

Золотухин И.Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы.

В статье рассматриваются аспекты и направления развития ядерной энергетики в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), в том числе риски, вызовы и препятствия в реализации гражданских ядерных программ субрегиона. В работе освещены механизмы международного сотрудничества стран АСЕАН в области ядерной энергетики, а также инициативы России по внедрению ядерных технологий. Методической основой работы является анализ результатов исследований, статистические материалы, данные экспертных обзоров по ядерным вопросам в Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: *Юго-Восточная Азия, сотрудничество, безопасность, ядерная энергия, атомная электростанция, невоенная ядерная программа, ядерный реактор*

Zolotukhin I.N., Tszya Su Yan. Nuclear energy development in Southeast Asia: history, trends, prospects.

The research explores the aspects and directions of nuclear energy development in Southeast Asia (SEA) including risks, challenges, and obstacles connected with implementation of civilian nuclear programs in the subregion. The mechanisms of international cooperation of the ASEAN members in the sphere of nuclear energy as well as Russia's initiatives in appliance of nuclear technologies are clarified. The article is based on the analysis of the results of the researches, statistics, and the data of the expert reviews dealing with nuclear issues in Southeast Asia.

Key words: *Southeast Asia, cooperation, security, nuclear energy, nuclear power plant, non-military nuclear program, nuclear reactor*

Для цитирования: Золотухин И.Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 145–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/145-157

For citation: Zolotukhin I.N., Tszya Su Yan. Nuclear energy development in Southeast Asia: history, trends, prospects // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 145–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/145-157

◆

УДК 327 *Цинь Дун, Лукин А.Л.*

Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток

Введение

Президент РФ В. Путин заявил, что в ближайшие десятилетия Северный морской путь станет "столь же важным, как Суэцкий канал" **[13]**. Кто будет определять правила игры на Арктическом маршруте, тот будет господствовать над важнейшей транспортной артерией мировой экономики **[25]**. Арктику часто называют "барометром" изменения глобального климата. В последние несколько десятилетий температуры земной поверхности в Арктике росли примерно в два раза выше, чем в среднем по миру. Климатические изменения и технический прогресс создают возможности для разработки ранее недоступных месторождений нефти и газа на шельфе Арктики и навигации в Северном Ледовитом океане.

Северный полярный регион привлекает все больше внимания не только традиционных арктических держав, но и ряда неарктических государств, в том числе Китая. В официальных документах КНР подчёркивается статус Китая как "страны, близкой к Арктике" и арктического "стейкхолдера". Китайские исследователи пишут о том, что Северный Ледовитый океан "совсем не так далёк от Китая". Река Иртыш, напоминают они, "берет начало на территории Китая, её воды впадают в Северный Ледовитый океан, а устье реки расположено поблизости от порта Сабетта" **[16]**.

Существование общих интересов в рамках стратегического партнёрства открывает возможности для сотрудничества России и Китая в Арктике. Поскольку Китай географически находится вне Арктики, именно Россия владеет инициативой в сотрудничестве двух стран в этом регионе. Темп и уровень российско-китайского сотрудничества на Севере будут зависеть прежде всего от позиции Москвы. Эффективное сотрудничество между Китаем и Россией в Арктике на основе совместных интересов может не только способствовать дальнейшему развитию отношений стратегического партнёрства между двумя великими державами, но и способствовать долгосрочному устойчивому развитию полярного региона.

Интересы Китая в отношении морских транспортных коридоров Арктики

В январе 2018 г. Информационное бюро Госсовета КНР опубликовало "Белую книгу по Арктической политике Китая" **[20]**. В ней подчёркивается, что в условиях глобального изменения климата значение Арктики увеличилось в политической, экономической, научной, транспортно-логистической и других областях. В "Белой книге" упоминаются несколько способов участия Китая в освоении Арктики, в том числе судоходство по Арктическому маршруту, поощрение китайских предприятий к активному инвестированию в создание инфраструктуры морских путей, разработка минеральных и биологических ресурсов. При этом провозглашается приверженность принципам устойчивого природопользования.

© *Цинь Дун, Лукин А.Л., 2018*

ЦИНЬ ДУН, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** dongqin@mail.ru

ЛУКИН Артём Леонидович, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** artlukin@mail.ru

В документе отмечается, что строительство "Ледового Шёлкового пути" является частью инициативы "Один пояс, один путь" **[20; 30]**. Также формулируются четыре принципа участия Китая в арктических делах: уважение, сотрудничество, взаимная выгода и устойчивость. Подчёркивается, что Китай уважает права арктических стран в соответствии с международными нормами. При этом КНР выступает за то, чтобы управлять арктическими водными путями в рамках Конвенции ООН по морскому праву и другими международными договорами.

Один из авторов "Белой книги", помощник директора Института глобального управления Шанхайской академии международных исследований Чжао Лун отмечает, что Китай, как зависящая от мировой торговли держава, рассчитывает на возможности Арктики для международного судоходства. Предложение Китая по созданию "голубых экономических маршрутов" в рамках инициативы "Один пояс и один путь" направлено в том числе на то, чтобы соединить Европу с Азией через Северный Ледовитый океан благодаря освоению "Ледового Шёлкового пути" **[23]**.

Арктический маршрут, или в новой китайской терминологии "Ледовый Шёлковый путь", делится на три составляющие: Северо-восточный маршрут (он в значительной степени совпадает с Северным морским путём (СМП), проходящим вдоль полярного побережья России); Северо-западный маршрут (вдоль арктического побережья Северной Америки, в основном Канады) и Арктический центральный маршрут (через Северный полюс). Среди них именно Северо-восточный маршрут наиболее интересен Китаю. По сравнению с Северо-западным маршрутом, СМП обладает более благоприятными природными условиями, на нем меньше льда. К тому же на Северо-западном маршруте навигация осложняется из-за большого количества островов, находящихся в его акватории.

Китай находится в Северном полушарии и изменения климата Арктического региона оказывают прямое влияние на экологическую среду и сельскохозяйственное производство в этой стране. Таяние полярных льдов вызывает подъём уровня мирового океана, что в будущем может повлиять на социально-экономическое развитие восточных прибрежных городов Китая **[28]**.

В Арктике содержится более 30% от доли разведанных мировых запасов газа и 13% нефти, а также высококачественные уголь, железо, марганец, золото, никель, медь и т. д. **[19]**. Китай сохраняет сравнительно высокие темпы экономического роста и по-прежнему нуждается в значительных объёмах сырья. Арктика может стать важной дополнительной опцией для китайского импорта природных ресурсов, особенно в том, что касается поставок углеводородов. В настоящее время основные международные маршруты транспортировки нефти и газа проходят через Малаккский пролив, Суэцкий канал, Ормузский пролив и Панамский канал. По сравнению с этими маршрутами, Северный морской путь имеет существенные преимущества: более короткое расстояние и безопасность (отсутствие пиратов и неподконтрольность СМП военно-морским силам США и их союзников).

Китайские исследователи отмечают, что морской путь через Арктику будет особенно выгоден Северо-Востоку Китая и поспособствует оживлению его экономики за счёт активизации экономических связей с Европой. Так, из Даляньского порта суда, направляющиеся в Роттердам по традиционному маршруту через Малаккский пролив и Суэцкий канал, идут 36 дней, а через арктические воды на 9 дней меньше **[16]**.

Расширение возможностей навигации по Северному морскому пути сделает его ключевым морским звеном, связывающим Азию и Европу. В своё время введение в эксплуатацию Суэцкого и Панамского каналов коренным образом изменило международную морскую торговлю. Активное использование Арктического маршрута вполне может стать третьим подобным случаем в истории мировой торговли.

Взаимодействие России и Китая в Арктике

1 ноября 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин, встречаясь в Пекине с председателем правительства России Д. Медведевым, вновь заявил, что надо продвигать сопряжение строительства "Одного пояса, одного пути" и Евразийского экономического союза, в том числе сотрудничая в создании Ледового

Шёлкового пути. Такова позиция высшего руководства Китая, а также ответ на ранее поступившее со стороны России приглашение о совместном освоении Северного морского пути **[27]**.

Международная обстановка заставляет Россию искать новых, незападных партнёров для привлечения капитала и технологий в арктические проекты. Китай рассматривается как один из ключевых партнёров по развитию российской Арктики. Вследствие украинского кризиса крупнейшая частная газовая компания России ОАО "НОВАТЭК" стала объектом антироссийских санкций стран Запада, что серьёзно затруднило привлечение инвестиций для её высокозатратного проекта по освоению континентального шельфа Арктики "Ямал СПГ" **[11]**. Несколько китайских банков предоставили кредиты на сумму 12 миллиардов долларов США в евро и юанях для замены первоначально планировавшегося западного финансирования. Фонд Шёлкового пути также инвестировал 1,4 млрд долларов США, приобретя 9,9% акций проекта. Это помогло спасти проект "НОВАТЭКа" **[26]**. В настоящее время проект имеет следующую структуру акционеров: ОАО "НОВАТЭК" принадлежит 50,1% акций проекта "Ямал СПГ", французской Total SA – 20%, китайским China Natural Petroleum Corp. и Фонду Шёлкового пути, соответственно, 20% и 9,9% **[12]**.

Помимо финансовой поддержки Китай оказал проекту "НОВАТЭКа" значительное технологическое содействие, поставив ему большие объёмы машин и оборудования. В частности, для строительства терминала СПГ на Ямале были поставлены буровые машины, произведённые компанией "Хунхуа", способные надёжно работать при 45-градусном морозе и шквалистом ветре. Строительство "Ямал СПГ" первоначально предполагалось завершить минимум за 52 месяца, а реально на это ушло всего 48 месяцев. В значительной степени этого удалось добиться благодаря китайским предприятиям-подрядчикам, применение которыми технологии модульного производства существенно сократило строительный цикл **[16]**. Летом 2018 г. "НОВАТЭК" впервые отправил танкеры с грузом сжиженного природного газа из полярного порта Сабетта на Ямале в китайский порт Цзянсу Жудун. Это первая прямая поставка СПГ из российской Арктики в Китай по СМП через российский Дальний Восток **[17]**.

"Ямал СПГ" стал первым примером полноценного сотрудничества между Россией и Китаем в Арктике. Этот проект не только будет способствовать развитию российской энергетической отрасли и крайнего Севера РФ, но и увеличит поставки экологически чистой энергии в Китай, ускорив оптимизацию энергетической структуры Китая.

Роль российского Дальнего Востока в арктическом сотрудничестве России и Китая

На российском Дальнем Востоке стыкуются три тектонические плиты формирующейся глобальной геополитики – континентальная Евразия, Азиатско-Тихоокеанский регион и Арктика. Значительная часть территории российского Дальнего Востока находится либо в Арктике, либо прилегает к ней. Кроме того, морской путь в Арктику пролегает вдоль дальневосточного побережья. Освоение минеральных ресурсов и использование транспортного потенциала Арктики способно придать мощный импульс экономическому и социальному развитию Дальнего Востока. Основные рынки сбыта добываемых в Арктике ресурсов находятся за пределами России, в первую очередь – в Восточной Азии и Западной Европе. При этом неарктические государства являются важными поставщиками оборудования и материалов, необходимых для создания инфраструктуры на крайнем Севере. Как только начнётся активное освоение арктических ресурсов, для Дальнего Востока откроются дополнительные возможности для привлечения зарубежных инвестиций и технологий в регион.

Принятые российским правительством программные документы "Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года" **[15]** и "Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года" **[9]** дополняют друг друга и вращаются вокруг одной цели — ускоренное развитие восточных и северных регионов России, превращение их в ворота для эффективной интеграции России с Азиатско-Тихоокеанским ре-

гионом. Тесная взаимосвязь между стратегиями развития дальневосточного и полярного регионов подчёркивается недавним решением Кремля назначить ответственного за Дальний Восток вице-премьера Юрия Трутнева куратором развития российской Арктики **[2]**.

По мнению ряда китайских аналитиков, навигация по Северо-восточному маршруту может сформировать "единый торгово-экономический круг в Северо-Восточной Азии", включающий Дальний Восток России, Китай, Японию и Корею. Трансформация роли Арктики в международной экономической структуре повысит экономический статус России и Китая. С началом активной коммерческой эксплуатации Арктики появится новый глобальный центр морских перевозок, а торгово-экономические связи между странами, близко расположенными к Арктическому региону, станут более плотными **[24]**. Развитие транспортной сети также придаст импульс ряду отраслей экономики российского Дальнего Востока, таких как кораблестроение, логистика и морские информационные сервисы.

Российский Дальний Восток может рассматриваться в качестве начального участка для соединения Китая с СМП в рамках построения Северо-восточного маршрута "морского Шёлкового пути 21-го века". Торгово-экономические связи между российским Дальним Востоком и Китаем сегодня недостаточно развиты, ощущается нехватка крупных инвестиций из Китая. Дальневосточный отрезок маршрута может сосредоточиться на строительстве зон промышленного и инфраструктурного сотрудничества вокруг российских узловых портов, соединяющих Китай с Арктикой. Среди потенциальных опорных точек следующие порты удовлетворяют условиям по выгодному географическому местоположению и потенциальным объёмам грузооборота: Петропавловск, Владивосток, Зарубино, Находка, Восточный, Певек, Анадырь, Тикси **[10]**.

Именно порты Дальнего Востока России являются для Китая наиболее подходящими вариантами для инвестиций, по сравнению с портами других стран Северо-Восточной Азии. Это обусловлено и политическими причинами. Северная Корея – лишь квази-союзник для Пекина. Китай недоволен стремлением КНДР к статусу ракетно-ядерной державы и вместе с другими странами в рамках ООН проводит политику экономических санкций в отношении Северной Кореи. После того как в марте 2018 г. лидер КНДР Ким Чен Ын совершил визит в Пекин, отношения между двумя странами стали лучше. Тем не менее фактор санкций во взаимоотношениях Китая и КНДР ещё существует. Говорить о широкомасштабном сотрудничестве двух стран пока рано.

Южная Корея является младшим союзником США, в то время как Вашингтон открыто противодействует китайской инициативе "Один пояс, один путь". Хотя разлад в политических и экономических отношениях между Китаем и Южной Кореей, вызванный решением Сеула в 2017 г. о размещении американского противоракетного комплекса THAAD, уже в некоторой степени преодолён, стратегическое сотрудничество между двумя сторонами имеет серьёзные ограничения. К тому же, в силу географического фактора порты Южной Кореи имеют ограниченное значение для арктического сотрудничества.

У дальневосточных портов есть важные географические преимущества и потенциал развития. Главный вопрос заключается в том, как в полной мере этим воспользоваться. России следует упростить режим пограничного контроля, а также модернизировать и дополнительно создать ряд арктических и приарктических портов и пунктов, чтобы предоставлять пользующимся Северо-восточным маршрутом судам материально-технические, навигационные и аварийно-спасательные услуги. Китай заинтересован в подобных проектах, но важное условие для Пекина – участие в их управлении.

Потенциал российско-китайского сотрудничества в Арктике

Ряд российских экспертов настороженно относится к участию Китая в арктических делах **[29]**. Они полагают, что Китай не удовлетворён лишь ролью страны-наблюдателя Арктического совета и распределением существующих интересов и прав государств в Арктике. По их мнению, Пекин попытается изменить статус-кво Арктики, чтобы войти в число держав, оказывающих решающее влияние на арктическую геополитику. Китай также обвиняют в

том, что, испытывая "ресурсный голод", он стремится к хищнической эксплуатации природных богатств полярного региона. Руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Фуданьского университета Чжао Хуашэн считает, что активное участие Китая в освоении Арктики может вызывать беспокойство у России, так как создаёт риск экономического доминирования Китая на российском Дальнем Востоке и Сибири и превращения Россия в его сырьевой придаток **[31]**.

Большая часть Северного морского пути проходит через российские территориальные воды и исключительную экономическую зону РФ. Китай заинтересован в максимальной либерализации правового режима использования Северного Ледовитого океана **[18]**, а также в максимально свободном доступе туда неарктических держав. Россия придерживается противоположной точки зрения, считая, что приоритет в освоении Северного Ледовитого океана должна быть именно у арктических государств как в плане управления транспортными потоками, так и в отношении добычи природных ресурсов **[14]**. Ряд российских учёных, специализирующихся на проблематике Арктики, считают, что противоречия в основном сосредоточены в отношениях между арктическими и неарктическими странами, считая Китай опасным конкурентом, а его намерения потенциально экспансионистскими **[1; 6; 8]**.

В качестве показательного примера негативного взгляда на арктическую стратегию Китая можно привести недавнюю публикацию одного из ведущих российских экспертов по морскому праву и Арктике Павла Гудева. По мнению Гудева, стремление Пекина к максимальной интернационализации арктических пространств и ресурсов не отвечает национальным интересам России и других арктических государств. Автор статьи обвиняет "Белую книгу по Арктической политике Китая" в "излишней претенциозности, необоснованных амбициях, непоследовательности, а также ряде правовых ошибок и географических нелепостях". Кроме того, российский эксперт полагает, что Китай необоснованно, с правовой и географической точек зрения, вводит в отношении себя понятие "околоарктическое государство" **[4]**.

Россия пока проявляет амбивалентность к нарастающему присутствию Китая и других неарктических государств в полярных и приполярных районах Севера. С одной стороны, Москва с осторожностью и некоторой подозрительностью относится к приходу этих стран в Арктический регион, который она традиционно считает своей вотчиной, и стремится защитить свои исключительные права и интересы в Северном Ледовитом океане. С другой стороны, для полноценного освоения Арктики Россия нуждается в привлечении внешних финансовых и технологических ресурсов. До украинского кризиса 2014 г. Россия в основном делала ставку в этом отношении на партнёрские проекты с Западом, такие как альянс "Роснефти" и американской Exxon по разведке и разработке углеводородов на шельфе Карского, Чукотского морей и моря Лаптевых. Однако после введения США и Евросоюзом жёстких санкций в отношении России такое партнёрство стало практически невозможным. Это значит, что России необходимо налаживать сотрудничество с неподконтрольными Вашингтону государствами и, в первую очередь, с Китаем. Сотрудничество России и Китая в отношении Арктики в определённой степени зависит от дальнейшей эволюции отношений России с западными странами. Резонно предположить, что Москва не пожелает чрезмерно зависеть от какого-либо одного партнёра, даже такого, отношения с которым развиваются в благожелательном русле. Соответственно, в случае улучшения отношений между РФ и странами Запада можно предположить некоторое замедление российско-китайского сотрудничество в данном регионе, поскольку Москва снова начнёт сотрудничать с западными компаниями и будет уже несколько меньше заинтересована в привлечении китайских партнёров **[22]**.

Разработка СМП является масштабной и комплексной миссией. На освоение Северного морского пути и арктических природных ресурсов требуются колоссальные расходы. Необходимо строительство морских буровых платформ, установка морского коммуникационного оборудования, проведение дноуглубительных работ в портовых терминалах, модернизация погрузочно-разгрузочного оборудования, внедрение новых технологий экологической защиты, прокладка автомобильных и железных дорог и т.д. Эти финансово затратные и технологически сложные задачи являются потенциальными

областями для российско-китайского сотрудничества в Арктике. Китайский специалист Ван Цзюньтао подчёркивает, что у России и Китая есть основания для интенсивного и эффективного развития двусторонних отношений в Арктике **[3]**.

Несмотря на то, что Россия обладает самым крупным и технологически совершенным ледокольным флотом среди всех стран мира, имеющихся ледоколов уже не хватает для обеспечения коммерческой навигации по Северному морскому пути. На верфи "Балтийского завода" в Санкт-Петербурге сейчас строятся три атомных ледокола, сдача которых ожидается в 2019–2021 гг. Однако для организации круглогодичной перевозки нефти и газа из Арктики в регион АТР по Северному морскому пути нужен гораздо более мощный ледокол **[5]**. Эту миссию должен выполнить сверхмощный атомный ледокол "Лидер". Постройка суперледоколов планируется на новой верфи "Звезда" в Приморском крае, которая принадлежит консорциуму во главе с "Роснефтью". "Лидер" сможет проходить лёд до 4,3 м, прокладывая коридор до 50 м шириной, и проводить караваны при скорости 10–12 узлов. Головной атомоход должен быть достроен в 2027 г., всего планируется построить три ледокола. Однако до сих пор не определены экономика проекта и источники финансирования. Между тем стоимость одного суперледокола может составить более 100 млрд руб. **[7]**. Учитывая текущую финансовую и экономическую ситуацию в России, трудно ожидать, что Москва сможет в одиночку найти средства на строительство новых ледоколов. Необходимы зарубежные соинвесторы. Наиболее реалистичным источником софинансирования строительства нового ледокольного флота выступает Китай.

Можно выделить два перспективных вида сотрудничества между Китаем и Россией в области строительства ледоколов. Во-первых, участие китайской стороны в акционерном капитале и создание совместных предприятий. Такая схема способствует устойчивой выплате дивидендов и в то же время формирует более плотную общность интересов между российскими и китайскими партнёрами. Во-вторых, кредитование: китайские займы могут стать важной финансовой гарантией для строительства достаточного количества ледоколов. Китай может предоставлять кредиты России, которые российская сторона будет обеспечивать своими запасами газа и нефти. Такое взаимодействие значительно расширит широту всестороннего сотрудничества между Москвой и Пекином в Арктике.

Помимо совместного финансирования ледокольных проектов у России и Китая есть потенциал для партнёрства в области критических технологий, без которых невозможно освоение Арктики. Так, Россия является признанным лидером в сфере ядерных силовых установок большой мощности и накопила значительный опыт их использования на ледоколах. Учитывая стремление Пекина создать свой собственный ледокольный флот, российские технологии представляют большой интерес для Китая **[21]**. Здесь может сработать схема: китайское финансирование проектов "Росатома" в обмен на совместные технологические разработки.

Литература

1. Александров О.Б. Перспективы стратегического альянса России и Китая в Арктике. // Россия XXI. 2015. № 2. С. 24–35.

2. Вице-премьер Трутнев будет отвечать за развитие Дальнего Востока и Арктики // РИА новости, 28.05.2018, [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/politics/20180528/1521530802.html (дата обращения: 31.8.2018).

3. Ван Цзюньтао. "Российско-китайские отношения в Арктике: проблемы и перспективы". // Научно-технические ведомости СПБГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1(239). С. 92–96.

4. Гудев П. Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике, 20.08.2018, [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Arkticheskie-ambitcii-Podnebesnoi-19711 (дата обращения: 29.8.2018).

5. "Звезда" для "Лидера" // Известия, 30.7.2018, [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/771926/arsenii-pogosian/zvezda-dlia-lidera (дата обращения: 29.8.2018).

6. Загорский А.В. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2. С. 63–71.

7. "Лидер" посылают на "Звезду" // Коммерсантъ, 28.7.2018, [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3700113 (дата обращения: 31.8.2018).
8. Морозов Ю.В. Клименко А.Ф. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в "Арктической гонке" // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. № 20. С. 173–191.
9. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство России, 20.2.2013, [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/info/18360/ (дата обращения: 06.6.2018).
10. Обзор грузооборота морских портов России. Итоги 2016 года // РЖД, 20.1.2017, [Электронный ресурс]. URL: http://www.rzd-partner.ru/wate-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2016-goda/ (дата обращения: 19.5.2018).
11. Правительство оценило разработку Арктического шельфа в 500 млрд долларов // ЮграPRO, 10.10.2012, [Электронный ресурс]. URL: http://www.ugrapro.ru/2012/10/10/pravitelstvo-ocenilo-razrabotku-arkticheskogo-shelfa-v-500-mlrd-dollarov/ (дата обращения: 29.5.2018).
12. Первый сжиженный газ отгружён с "Ямал СПГ" // Ведомости, 8.12.2017, [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/12/08/744652-yamal-spg (дата обращения: 06.6.2018).
13. Российский флот возвращается в Арктику навсегда // Россия сегодня, 18.9.2013, [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/russia/20130918/213060086.html (дата обращения: 15.7.2018).
14. Северный морской транспортный коридор – геополитические амбиции или реальное конкурентное преимущество? // Провэд. 20.2.2017 г., [Электронный ресурс]. URL: http://провэд.рф/economics/logistics/40554-sevepnyy-mopskoy-tpanspoptnyy-kopidop-geopoliticheskie-ambitsii-ili-pealynoe-konkupentnoe-ppeimushtestvo.html (дата обращения: 06.6.2018).
15. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года / Администрация Приморского края, 28.12.2009, [Электронный ресурс]. URL: http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/strategy/dv-25.php (дата обращения: 06.6.2018).
16. Чэнь Сяочэнь, Чжан Тинтин. "Ледовый Шёлковый путь" // Китай. 2018. № 6. С. 53. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (дата обращения: 19.08.2018).
17. "Ямал СПГ" может выйти на полную мощность в 2018, НОВАТЭК готовится запустить завод на год раньше срока // Коммерсантъ, 19.7.2018, [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3690067?from=four_business (дата обращения: 5.8.2018).
18. Arctic Governance in An Era of Transformative Change: Critical Questions, Governance Principles // The Arctic Governance Project, 14.1.2010, [Электронный ресурс]. URL: http://www.arcticgovernance.org/ (дата обращения: 2.6.2018).
19. Arctic Oil and Gas Development // CSIS. 12.6.2011, [Электронный ресурс]. URL: https://www.csis.org/events/arctic-oil-and-gas-development (дата обращения: 29.5.2018).
20. Full text: Chinas text paper // Chinadaily, 26.1.2018, [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinadailyasia.com/articles/188/159/234/1516941033919.html (дата обращения: 20.5.2018).
21. How China could move closer to nuclear-powered aircraft carriers – with Russia's help // SCMP / 27.6.018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2152785/how-china-could-move-closer-nuclear-powered-aircraft (дата обращения: 1.9.2018).
22. Nadezhda Filimonova. Prospects for Russian-Indian Cooperation in the High North: Actors, Interests, Obstacles // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. Vol. 11, 2015, № 1, С. 102.
23. 北极政策白皮书撰写者:中国不觊觎成为"北极国家" Автор Белой книги по "Арктической политике Китая": Китай не хочет стать "Арктической страной" // The Paper, 27.1.2018, [Электронный ресурс]. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1970434 (дата обращения: 20.6.2018).
24. 大北极趋势中的泛东北亚地缘格局 Геоструктура Пан-Северо-Восточной Азии в пан-арктическом тренде // 学术前沿 / Ли Чжэньфу, 2017. № 6. С. 24–35.
25. 看中俄如何角力北极 Китай и Россия в Арктике // 科技日报 / Чжан Фэнпо, 27.1.2015.
26. 超级工程：中俄北极天然气项目投产 普京亲自装船 Мегапроект: китайско-российский газовый проект готов к запуску // 观察者网, 9.12.2017, [Электронный ресурс]. URL: http://www.guancha.cn/global-news/2017_12_09_438476_3.shtml (дата обращения: 1.8.2018).
27. 习近平会见俄罗斯总理梅德韦杰夫 Си Цзиньпин встретился с председателем правительства РФ Д. Медведевым // Газета "Жэньминь Жибао" он-лайн, 02.11.2017,

[Электронный ресурс]. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1102/c64094-29621868.html (дата обращения: 11.5.2018).

28. 中国"北极利益攸关者"身份构建–理论与实践 Создание китайской идентичности "стейкхолдера" – теория и практика// Дун Лимин / Тихоокеанский Вестник. 2017 № 6. С. 65-77.

29. 体系认知，政府权力与中俄能源合作 Системное мышление, государственная власть и российско-китайское энергетическое сотрудничество // Ван Тецзюнь / Журнал современных Азиатско-Тихоокеанских исследований, 2015 № 2. С. 111–129.

30. 国家发展改革委国家海洋局关于印发"一带一路"建设海上合作设想的通知 Сообщение Национального океанического управления Национальной комиссии по развитию и реформам о морского сотрудничестве в рамках инициативы "Один пояс, один путь" // Национальное океаническое управление, 26.10.2017, [Электронный ресурс]. URL: http://www.soa.gov.cn/zwgk/zcgh/zwzh/201710/t20171026_58598.html (дата обращения: 12.5.2018).

31. 中国崛起对俄罗斯是威胁吗？ Подъём Китая является угрозой для России? // Международные исследования // Чжао Хуашэн, 2013 № 2. С. 20–36.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Aleksandrov O.B. Perspektivy strategicheskogo al'yansa Rossii i Kitaya v Arktike. // Rossiya XXI. 2015. № 2. S. 24–35.

2. Vitse-prem'er Trutnev budet otvechat' za razvitie Dal'nego Vostoka i Arktiki // RIA novosti, 28.05.2018, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://ria.ru/politics/20180528/1521530802.html (data obrashheniya: 31.8.2018).

3. Van TSzyun'tao. "Rossijsko-kitajskie otnosheniya v Arktike: problemy i perspektivy". // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPBGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2016. № 1(239). S. 92–96.

4. Gudev P. Arkticheskie ambitsii Podnebesnoj // Rossiya v global'noj politike, 20.08.2018, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Arkticheskie-ambitcii-Podnebesnoi-19711 (data obrashheniya: 29.8.2018).

5. "Zvezda" dlya "Lidera" // Izvestiya, 30.7.2018, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://iz.ru/771926/arsenii-pogosian/zvezda-dlia-lidera (data obrashheniya: 29.8.2018).

6. Zagorskij A.V. Rossiya i Kitaj v Arktike: raznoglasiya real'nye ili mnimye? // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. № 2. S. 63–71.

7. "Lider" posylayut na "Zvezdu" // Kommersant", 28.7.2018, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3700113 (data obrashheniya: 31.8.2018).

8. Morozov YU.V. Klimenko A.F. Kitaj i drugie gosudarstva Severo-Vostochnoj Azii v "Arkticheskoj gonke" // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. 2015. T. 20. № 20. S. 173–191.

9. O Strategii razvitiya Arkticheskoj zony Rossijskoj Federatsii i obespecheniya natsional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda // Pravitel'stvo Rossii, 20.2.2013, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://government.ru/info/18360/ (data obrashheniya: 06.6.2018).

10. Obzor gruzooborota morskikh portov Rossii. Itogi 2016 goda // RZHD, 20.1.2017, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rzd-partner.ru/wate-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2016-goda/ (data obrashheniya: 19.5.2018).

11. Pravitel'stvo otsenilo razrabotku Arkticheskogo shel'fa v 500 mlrd dollarov // YUgraPRO, 10.10.2012, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.ugrapro.ru/2012/10/10/pravitelstvo-ocenilo-razrabotku-arkticheskogo-shelfa-v-500-mlrd-dollarov/ (data obrashheniya: 29.5.2018).

12. Pervyj szhizhennyj gaz otgruzhyon s "YAmal SPG" // Vedomosti, 8.12.2017, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/12/08/744652-yamal-spg (data obrashheniya: 06.6.2018).

13. Rossijskij flot vozvrashhaetsya v Arktiku navsegda // Rossiya segodnya, 18.9.2013, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://inosmi.ru/russia/20130918/213060086.html (data obrashheniya: 15.7.2018).

14. Severnyj morskoj transportnyj koridor – geopoliticheskie ambitsii ili real'noe konkurentnoe preimushhestvo? // Provehd. 20.2.2017 g., [EHlektronnyj resurs]. URL: http://provehd.rf/economics/logistics/40554-sevepnyy-mopskoy-tpanspoptnyy-kopidop-geopoliticheskie-ambitsii-ili-pealynoe-konkupentnoe-ppeimushtestvo.html (data obrashheniya: 06.6.2018).

15. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 goda / Administratsiya Primorskogo kraya, 28.12.2009, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/strategy/dv-25.php (data obrashheniya: 06.6.2018).

16. CHehn' Syaochehn', CHzhan Tintin. "Ledovyj SHyolkovyj put'" // Kitaj. 2018. № 6. S. 53. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (data obrashheniya: 19.08.2018).
17. "YAmal SPG" mozhet vyjti na polnuyu moshhnost' v 2018, NOVATEHK gotovitsya zapustit' zavod na god ran'she sroka // Kommersant", 19.7.2018, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3690067?from=four_business (data obrashheniya: 5.8.2018).
18. Arctic Governance in An Era of Transformative Change: Critical Questions, Governance Principles // The Arctic Governance Project, 14.1.2010, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.arcticgovernance.org/ (data obrashheniya: 2.6.2018).
19. Arctic Oil and Gas Development // CSIS. 12.6.2011, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.csis.org/events/arctic-oil-and-gas-development (data obrashheniya: 29.5.2018).
20. Full text: Chinas text paper // Chinadaily, 26.1.2018, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.chinadailyasia.com/articles/188/159/234/1516941033919.html (data obrashheniya: 20.5.2018).
21. How China could move closer to nuclear-powered aircraft carriers – with Russia's help // SCMP / 27.6.018. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2152785/how-china-could-move-closer-nuclear-powered-aircraft (data obrashheniya: 1.9.2018).
22. Nadezhda Filimonova. Prospects for Russian-Indian Cooperation in the High North: Actors, Interests, Obstacles // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. Vol. 11, 2015, № 1, S. 102.
23. 北极政策白皮书撰写者:中国不觊觎成为"北极国家" Avtor Beloj knigi po "Arkticheskoj politike Kitaya": Kitaj ne khochet stat' "Arkticheskoj stranoj" // The Paper, 27.1.2018, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1970434 (data obrashheniya: 20.6.2018).
24. 大北极趋势中的泛东北亚地缘格局 Geostruktura Pan-Severo-Vostochnoj Azii v pan-arkticheskom trende // 学术前沿 / Li CHzhehn'fu, 2017. № 6. S. 24–35.
25. 看中俄如何角力北极 Kitaj i Rossiya v Arktike // 科技日报 / CHzhan Fehnpo, 27.1.2015.
26. 超级工程：中俄北极天然气项目投产 普京亲自装船 Megaproekt: kitajsko-rossijskij gazovyj proekt gotov k zapusku // 观察者网, 9.12.2017, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.guancha.cn/global-news/2017_12_09_438476_3.shtml (data obrashheniya: 1.8.2018).
27. 习近平会见俄罗斯总理梅德韦杰夫 Si TSzin'pin vstretilsya s predsedatelem pravitel'stva RF D. Medvedevym // Gazeta "ZHehn'min' ZHibao" on-lajn, 02.11.2017, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1102/c64094-29621868.html (data obrashheniya: 11.5.2018).
28. 中国"北极利益攸关者"身份构建–理论与实践 Sozdanie kitajskoj identichnosti "stejkkholdera" – teoriya i praktika// Dun Limin / Tikhookeanskij Vestnik. 2017 № 6. S. 65-77.
29. 体系认知, 政府权力与中俄能源合作 Sistemnoe myshlenie, gosudarstvennaya vlast' i rossijsko-kitajskoe ehnergeticheskoe sotrudnichestvo // Van Tetszyun' / ZHurnal sovremennykh Aziatsko-Tikhookeanskikh issledovanij, 2015 № 2. S. 111–129.
30. 国家发展改革委国家海洋局关于印发"一带一路"建设海上合作设想的通知 Soobshhenie Natsional'nogo okeanicheskogo upravleniya Natsional'noj komissii po razvitiyu i reformam o morskogo sotrudnichestve v ramkakh initsiativy "Odin poyas, odin put'" // Natsional'noe okeanicheskoe upravlenie, 26.10.2017, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.soa.gov.cn/zwgk/zcgh/zwzh/201710/t20171026_58598.html (data obrashheniya: 12.5.2018).
31. 中国崛起对俄罗斯是威胁吗？ Pod"yom Kitaya yavlyaetsya ugrozoj dlya Rossii? // Mezhdunarodnye issledovaniya // CHzhao KHuashehn, 2013 № 2. S. 20–36.

Цинь Дун, Лукин А.Л. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток.

Северный полярный регион привлекает все большее внимание не только традиционных арктических держав, но и ряда неарктических государств, в том числе Китая. Существование общих интересов в рамках стратегического партнёрства открывает возможности для сотрудничества России и Китая в Арктике. Поскольку Китай географически находится вне Арктики, именно Россия владеет инициативой в сотрудничестве двух стран в этом регионе. Темп и уровень сотрудничества Москвы и Пекина на Севере будут зависеть прежде всего от России. Эффективное сотрудничество между Китаем и Россией в Арктике на основе совместных интересов может не только способствовать дальнейшему развитию отношений стратегического партнёрства между двумя великими державами, но и способствовать долгосрочному устойчивому развитию Арктики.

Ключевые слова: *Арктика, Китай, Россия, российский Дальний Восток, российско-китайское стратегическое партнёрство*

Tsin Dun, Lukin A.L The prospects for Russia-China collaboration in the Arctic and the Russian Far East.

The Northern Polar region has been rising in importance not only for the traditional Arctic nations but also for a number of non-Arctic states, including China. The existence of shared interests under the Russia-China strategic partnership opens up opportunities for their cooperation in the Arctic. Since China is geographically situated outside of the Arctic area, it is Russia that has the initiative in the two countries' collaboration in this region. The pace and level of the Sino-Russian cooperation in the North will mostly depend on Russia's choices. The effective Russian-Chinese cooperation in the Arctic, based on convergent interests, will not only contribute to further growth of the strategic partnership between the two great powers, but may also be beneficial to the long-term sustainable development of the Arctic.

Key words: *the Arctic, China, Russia, the Russian Far East, the Sino-Russian strategic partnership*

Для цитирования: Цинь Дун, Лукин А.Л. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 158–167. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/158-167

For citation: Tsin Dun, Lukin A.L. The prospects for Russia-China collaboration in the Arctic and the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 158–167. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/158-167

◆

УДК 9

50 лет по пути научных исследований

6 сентября 2018 г. у нашего коллеги, доктора географических наук Юрия Анатольевича Наумова, юбилей – ему исполняется 70 лет.

Однако сам юбиляр, сложившийся как ученый-исследователь, склонен рассматривать пройденный жизненный путь прежде всего с позиции тех вершин и перевалов, которые ему удалось преодолеть в своих научных разработках. Потому и юбилей для него – лишь повод взглянуть на то, что удалось сделать в главном деле всей его жизни.

Исходя из этого, опуская некоторые подробности (когда родился и крестился, как осваивал школьный курс и прочее), за точку отсчета он берет также 6 сентября, но 1968 г., когда в день двадцатилетия завершалась его самая первая экспедиция.

В этот ясный морозный день в 7 часов утра Юрий Анатольевич взял последние метеоданные на Аккемском леднике в верхнем лагере, располагавшемся на высоте 2650 м над уровнем моря. Термометр показал –20, а это означало, что ледник перешел на зимний режим своей жизни и начинающим исследователям – студентам Томского университета – следовало спускаться к базовому лагерю, а затем вниз, к современной цивилизации с ее задымленными городами и людской суетой.

Исследования режима ледников Горного Алтая в высокогорной географической экспедиции, проводившей работы в рамках Гидрологического десятилетия ООН, – это лишь первый, студенческий, этап его научной жизни.

1970 г. знаменует начало дальневосточного этапа, когда Ю.А. Наумов в геолого-съемочной партии занимался геологическим картированием горных пород водораздельной части Сихотэ-Алиня на севере Приморского края. Эти работы, совместно с усилиями десятков других геологических отрядов, были призваны создать базовую геологическую основу для открытия новых месторождений полезных ископаемых края.

1971 г. стал отправным для самой длительной в жизни Ю.А. Наумова эпопеи – морской. В этот полевой сезон "размах" его морских исследований вдоль побережья южного Приморья приближался к 400 км (от Амурского залива до бухты Валентин). В это время он работал в только что образованной Тихоокеанской морской геологоразведочной экспедиции (ТМГРЭ), которая впервые в СССР проводила на шельфе Приморья поиски прибрежно-морских россыпей золота и олова. Ю.А. Наумов документирует поднятый с морского дна керн рыхлых отложений на буровых кораблях "Бия" и "Бахма", а также буровых понтонах. Не обошли его стороной и маршрутные вдольбереговые работы. Такой масштаб морских изысканий действовал на молодого исследователя вдохновляюще.

В 1972 г. Ю.А. Наумов с отличием защитил дипломную работу и закончил геолого-географический факультет Томского государственного университета по специальности "География". Ему была присвоена квалификация "географ-геоморфолог" (в качестве пояснения отметим, что геоморфология как наука находится на стыке геологии и географии). Он получил персональный вызов на работу в ТМГРЭ, куда и прибыл с надеждой, что будет так же, как и в предыдущем сезоне, работать в Приморье.

Но не тут-то было: за время его дипломирования в расширяющейся организации сформировались новые геолого-поисковые партии, цель которых состояла в том, чтобы охватить исследованиями новые акватории Дальнего Востока. А, как известно, всякое новое дело чревато трудностями. Вот и в Камчатской партии произошел срыв плана выполнения поисковых маршрут-

© *Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2018*

ных работ. Ю.А. Наумов был брошен руководством экспедиции на прорыв и успешно справился с поставленной задачей. Так кризисная производственная ситуация на долгие годы связала его с полной таинственных природных загадок Камчаткой. В отличие от берегов Приморья с многочисленными заливами и бухтами, хорошо защищающими корабли от непогоды, совершенно открытый берег западной Камчатки сразу же показал морским геологам свой жестокий нрав постоянным сильным волнением и частыми штормами Охотского моря, которое моряки прозвали "холодильником Дальнего Востока". Шторма выбрасывали на берег и буровые понтоны, и корабли, но особой трагедией была гибель людей.

Столь сложная специфика поисков россыпей вызывала в Камчатской партии текучку кадров, а это сильно мешало углублению исследований. И все же в партии сформировалось, хоть и малое, "ядро" геологов, заряженных идеей найти россыпи благородного металла.

В 1974 г. на базу Камчатской партии прилетел вертолет с группой ведущих геологов Академии наук СССР. Они выслушали доклады поисковиков о ходе работ, но с собой на осмотр геологических разрезов на побережье взяли только Ю.А. Наумова, которому после обсуждения результатов предложили поступить в аспирантуру. Впрочем, сам поисковик отнесся к столь лестному предложению очень взвешенно, считая себя еще не вполне к этому готовым. Его сомнения и терзания были обоснованы, поскольку практика морских исследований показала ошибочную, как ему думалось, приверженность ряда его старших товарищей постулатам "сухопутных" методов, выработанных при работе на материке. Молодой специалист считал необходимым внедрять в поиски знания из области океанологии, особенно касающиеся волновых процессов в береговой зоне, ибо именно в ней мощная энергия океана, перерабатывая рыхлую континентальную толщу с неравномерными содержаниями тяжелых минералов, уже по своим законам распределяет их на пляже и подводном склоне. В каких зонах пляжа и подводного склона? На этот вопрос следовало оперативно найти ответ. Не затягивая, поскольку скептики искали повод закрыть новое направление в геологии как малоперспективное. На их мельницу лило воду несовершенство техники морских работ, особенно буровой.

"Клубок" этих запутанных проблем разрешался в мучительных спорах, когда особо нетерпеливые быстро покидали тропу нового и неизведанного. В 1976 г. молодой исследователь посчитал себя "дозревшим" и дал согласие на поступление в аспирантуру. В беседе со своим будущим руководителем, директором Тихоокеанского института географии Г.И. Худяковым, он выдвинул условия: "Тему диссертации и ее структуру формулирую сам". Такая дерзость удивила и в то же время порадовала маститого ученого, так как он делал ставку, прежде всего, на самостоятельность аспирантов.

В 1983 г. огромный зал Геологического института ДВО РАН во Владивостоке был полон: шла защита Ю.А. Наумовым диссертационной работы по теме "Условия формирования прибрежно-морских россыпей Юго-Западной Камчатки". Подобный наплыв ученых был обусловлен отнюдь не интересом к личности аспиранта, а тем, что морская геология была тогда на подъеме. Естественно, что и вопросы аспиранту сыпались "как из рога изобилия", а сама защита длилась не привычные 2–2,5, а 3,5 часа. Но зато и результат защиты был успешным – ученый совет проголосовал за присвоение Ю.А. Наумову степени кандидата геолого-минералогических наук.

Что же такого интересного рассматривалось в работе? Если очень коротко, то следующее. 1) В береговой зоне в верхнем слое морских отложений мы имеем дело с формирующимися на наших глазах ореолами высоких концентраций тяжелых минералов, часть которых могут то исчезать, то вновь появляться. Очень важно то, что здесь удалось доказать: чем более протяженный участок берега мы берем, тем более стабильными по запасам в целом являются россыпи. 2) Ранее считалось, что россыпи золота могут образоваться не далее 30 км от коренных источников, а диссертант доказал, что и на удалении 60 км такой процесс возможен, но при условии перемещения ледниками на древних геологических этапах в береговую зону значительной массы рыхлых золотосодержащих отложений. 3) Была установлена четкая приуроченность ореолов обогащения тяжелых минералов к определенным формам рельефа: тыловой зоне пляжа, глубинам -30-32 м; -19-20 м; -10-12 м, соответствующим

затопленным древним береговым линиям, а также к глубине -13-17 м крутосклонной части шельфа. Практически важным было то, что сам россыпной материал является очень рыхлым, содержит совсем мало глинистой фракции, а значит, может легко подвергаться промышленной отработке.

По мере получения положительных результатов поисков расширялась и площадь работ: к началу девяностых годов они охватили Пенжинскую губу и акватории Берингова моря у берегов Восточной Камчатки. Заметим, что по окончании сезона полевых работ на Камчатке, Ю.А. Наумова нередко подключали, когда случался аврал, к работам в Приморье: так, он принимал участие в разведке золоторудного месторождения "Прогресс" вблизи Находки, месторождения ракуши для сельскохозяйственного использования в бухте Экспедиция, стройматериалов.

В начале девяностых в деятельности "Дальморгеологии" наметилось новое направление морских исследований – геоэкологическое, возглавить которое поручили Ю.А. Наумову. Проведенный им анализ материалов предыдущих исследователей по заливу Петра Великого показал, что они имели ряд существенных упущений: 1) из шести его заливов были полностью не охвачены исследованиями заливы Стрелок и Посьета, в недостаточной мере залив Восток; 2) сами работы не включали изучение антропогенных трансформаций подводного рельефа и морских отложений; 3) при изучении процесса загрязнения морской среды анализировался узкий спектр веществ; 4) недопустимо мало изучалось антропогенное воздействие на морскую биоту. В связи с этим Ю.А. Наумовым была поставлена цель провести исследования не фрагментарно, а на целостной основе, то есть охватить работами весь залив Петра Великого, как единую экосистему, с применением широкого комплекса методов. При защите проекта исследований он подвергся критике коллегами, считавшими такую цель нереалистичной по воплощению. Однако проект был утвержден министерством и автор приступил к его последовательной реализации. С особыми трудностями в проведении работ специалисты встретились в заливе Стрелок, где находится база Тихоокеанского военно-морского флота. Но и в этом случае деловой контакт с военными моряками был найден. В результате проектное задание было выполнено, и впервые по всей акватории залива Петра Великого была представлена картина его экологического состояния.

Но на самом пике экологических исследований наша страна была брошена в "дикий" рынок, что сопровождалось тяжелым кризисом. Его разрушительное воздействие привело к последовательному сокращению финансирования экспедиционных работ, невозможности публикации научных результатов в журналах, часть из которых закрылась, а другая требовала нереально высокую плату за свои услуги. Техническая база исследований пришла в упадок.

В этих условиях Ю.А. Наумов вынужден был в 1997 г. уйти из морской геологии, которой отдал 25 лет, на вузовскую работу. Потеряв техническую базу исследований (корабли, буровые установки, лаборатории), он укрепил ранее налаженные контакты с военными гидрографами и Дальневосточной морской природоохранной службой, чтобы продолжить изучение экологического состояния морских акваторий. Только с начала XXI в. возобновилась публикационная деятельность Юрия Анатольевича, а в 2005 г. был издан сборник его статей и докладов научных конференций под названием "Проблемы морской геологии и экологии в научных трудах Ю.А. Наумова". В 2006 г. он завершил монографию "Антропогенез и экологическое состояние геосистемы прибрежно-шельфовой зоны залива Петра Великого Японского моря", которую заслуженный эколог России профессор Н.К. Христофорова назвала фундаментальной. Она является самой крупной монографией в истории Находки.

Работая в Находкинском филиале Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Ю.А. Наумов закончил сбор, обработку и анализ большого объема данных по экологическому состоянию дальневосточных морей и в 2008 г. защитил диссертацию по теме "Антропогенная трансформация прибрежно-шельфовых геосистем окраинных морей Дальнего Востока России" (специальность "Геоэкология"). Ему была присуждена степень доктора географических наук. В диссертации получила дальнейшее развитие на основе системного подхода методология исследования прибрежно-шельфовой зоны морей: было предложено использовать широкий ряд методов, своего рода мегакомплекс, состоящий из низкопорядковых комплексов, что создает

возможность формирования наиболее высокоинформативной и целостной пространственной модели экологического состояния природного объекта. Глубокая методологическая основа позволила дать объективно обоснованный прогноз развития экологической ситуации на акватории залива Петра Великого и предложить пути решения экологических проблем на морских акваториях дальневосточных морей.

Снятие грифа "секретно" с ряда исследовательских разработок позволило Ю.А. Наумову в 2012 г. открыто опубликовать монографию на основе проведенных ранее поисковых исследований по теме "Условия формирования прибрежно-морских россыпей Юго-Западной Камчатки".

В 2013 г. Ю.А. Наумов выступил на ученом совете Находкинского филиала ВГУЭС с инициативой написания коллективной монографии "Находка как транспортный мегакомплекс: проблемы и перспективы устойчивого развития". Ученый совет дал "зеленый свет", и в 2016 г. работа была опубликована. В этой первой монографии, посвященной Находке, рассматриваются: 1) историко-географические аспекты становления транспортной инфраструктуры Находки и формирование на ее основе самого крупного транспортного мегакомплекса всего Дальнего Востока; 2) динамика и перспективы экономического развития этого мегакомплекса; 3) экологическая ситуация и проблемы морепользования; 4) социальные вопросы развития; 5) создание условий устойчивого развития города на основе Концепции устойчивого развития и других фундаментальных разработок.

В летние сезоны 2015–2017 гг. Ю.А. Наумов по приглашению руководства Тихоокеанского института географии ДВО РАН участвовал в международных экспедициях по изучению следов проявления древних цунами в позднечетвертичных отложениях побережья Приморья. Здесь решение проблемы заключалось в следующем: если в Японии летопись явлений цунами проводилась на протяжении более 2000 лет, то для нашего региона характерно полное отсутствие подобных данных. Новизна результатов этих работ, изложенных в коллективных статьях, знаменательна тем, что впервые такая летопись была создана.

Наряду с научными трудами в период вузовской работы были изданы учебные пособия Ю.А. Наумова – "Природопользование", "Экология", "Экология Приморского края", "История хозяйственного освоения Дальнего Востока России". Общее же количество его публикаций составило 87.

Немало усилий прилагает юбиляр для популяризации науки: часто он выступает в школах, на радио и телевидении. Только в газетах и журналах было напечатано более ста его статей и интервью. Одна из любимых фраз Ю.А. Наумова – слова поэта Владимира Маяковского: "Я наших планов люблю громадьё". Эту фразу с долей самоиронии он относит к своим научным стремлениям. Хватило бы сил и здоровья, чего мы ему и пожелаем.

Редколлегия

---

50 лет по пути научных исследований.

50 years on the way of scientific research.

Для цитирования: 50 лет по пути научных исследований // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 168–171. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/168-171

For citation: 50 years on the way of scientific research // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 168–171. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/168-171

◆

Сведения о членах редакционной коллегии

Римская Татьяна Григорьевна *(главный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН *(г. Тюмень)*

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета *(г. Иркутск)*

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Журбей Евгений Викторович *(ответственный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева *(г. Владивосток)*

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России *(г. Москва)*

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского *(г. Владивосток)*

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета *(г. Владивосток)*

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираой, Япония)*

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Научные сообщения
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь
- Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация даётся через точку с запятой. Например: **[2; 5; 7]**. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5)**; **(Рукопись Иванова А.К. Из архива автора)**.
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2017).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 0,8 п.л. (от 20 до 32 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**) или через форму подачи статей (**ojkum.ru/feedback/submission-of-articles.html**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

В № 2 за 2018 г. в статье: "Бадараев Д.Д., Гомбожапов А.Д. Миграционные потоки в зоне "Монгольского экономического коридора" обнаружена опечатка

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
30	7-8 снизу	Работа выполнена при поддержке интеграционного проекта СО РАН "Монгольский коридор в условиях взаимодействия России и Восточной Азии: история и современность"	Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН № II.1. (проект " Монгольский коридор в условиях евразийского взаимодействия: история и современность. Блок 1. Монгольский коридор в исторической ретроспективе ", № АААА - А 18-118020990007-9)

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2018 № 4 (47)

Подписано к печати 03. 12. 2018 г. Вышло в свет 24. 12. 2018 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 10,56. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354